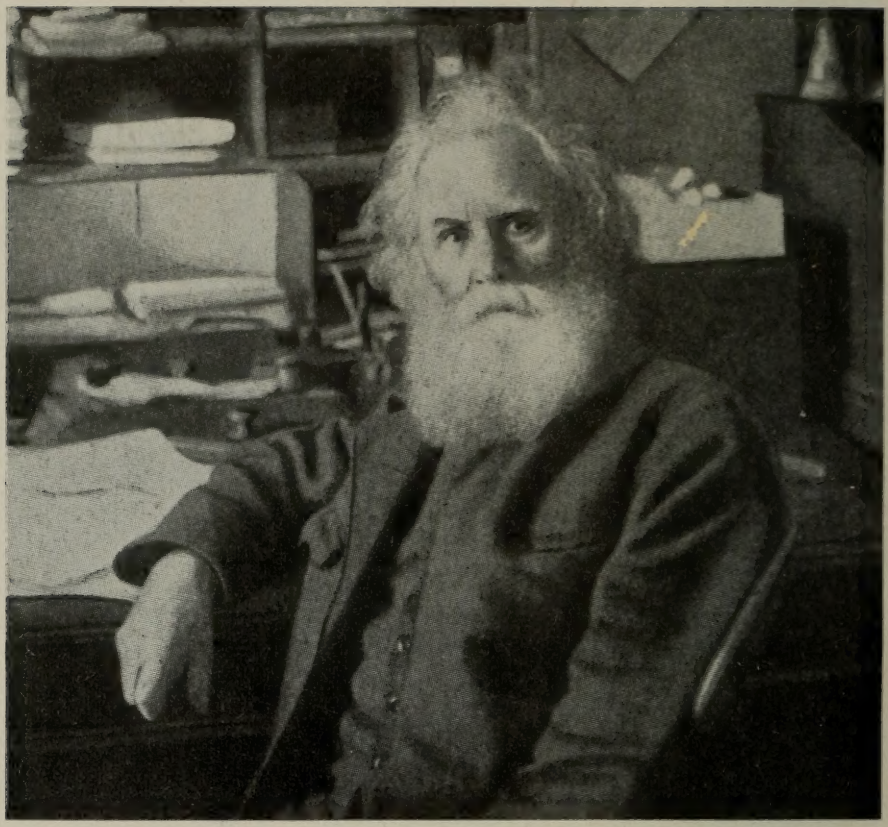
3 1761 08821058 8

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/istoriiamoegosov05koro



(Февраль 1921 г.)

LR
K8467iS
Korolenko, Vladimir Galaktionovich

(ВЛ. КОРОЛЕНКО)

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА

Istoriya moego sovremennika

V

519757
22. 3. 51

1 9 2 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЗРОЖДЕНІЕ
МОСКВА * БЕРЛИНЪ

Типографія Куммеръ и Ко., Берлинъ.

ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ.

I.

ПО ЛЕНѢ.

Мы уже видѣли въ послѣдней части этой исторіи, что разслѣдованіе о мнимомъ подкопѣ закончилось. Комиссія дала свое заключеніе, и клевета Соловьева стала очевидна. Клевета была благонамѣренная и повредить Соловьеву въ глазахъ Анучина не могла. Но теперь не было причины задерживать отправку на мѣста административно-ссыльныхъ и кончившихъ срокъ каторги.

Такихъ въ иркутской тюрьмѣ было нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Михаилъ Петровичъ Сажинъ. Съ нимъ, между прочимъ, произошла характерная исторія. На него кандалы были надѣты по высочайшему повелѣнію, и, помнится, я, пріѣхавъ въ Иркутскъ, засталъ его еще съ этимъ украшеніемъ. Русскіе самодержцы, среди своихъ многосложныхъ занятій, находили время вникать въ такія мелочи. Александръ II съ высоты престола внушалъ домовладѣльцамъ «смотрѣть за своими дворниками». Александръ III нашелъ время просматривать списки отправляемыхъ въ Сибирь, увидѣлъ тамъ фамилію извѣстнаго бакунинца и распорядился надѣть на него

кандалы. Поэтому, по приходѣ партіи въ Иркутскъ, на основаніи правилъ, со всѣхъ сняли кандалы на время отдыха, но относительно Сажина встрѣтилось затрудненіе: потребовалось особое высочайшее повелѣніе для ихъ снятія.

6-го ноября меня вызвали въ контору, предупредивъ, что я долженъ захватить съ собой вещи. Я попрощался съ товарищами. Взаимныя пожеланія, нѣсколько горячихъ объятій, и я вышелъ изъ политическаго отдѣленія иркутской тюрьмы, унося впечатлѣнія, знаменовавшія самый трагическій періодъ русской революціи, да, пожалуй, и русской исторіи.

Въ конторѣ уже ждали меня жандармъ и конвойный солдатъ. Въ Иркутскѣ «выгодныя командировки» распредѣлялись между двумя вѣдомствами. Старшимъ, разумѣется, считался жандармъ. Я съ любопытствомъ взглянулъ на людей, съ которыми мнѣ предстояло совершить послѣдній и, пожалуй, самый трудный переѣздъ.

Жандармъ былъ человѣкъ худощавый и нервный. Конвойный, наоборотъ, былъ толстый увалень, малоподвижный и сонливый. Я предвидѣлъ, что въ дорогѣ мнѣ придется сильно чувствовать тяжесть его грузнаго тѣла. Оба встрѣтили меня привѣтливо. Путь до Якутска составляетъ около трехъ тысячъ верстъ. По осеннему времени полагалась четверка лошадей, а можно было смѣло обходиться тройкой, а кое-гдѣ, можетъ быть, при удачѣ и парой . . . Когда я заговорилъ о необходимости купить дорожные при-

пасы, жандармъ указалъ мнѣ два мѣшка, уже запасенные ими. «Можемъ расчитаться изъ вашихъ кормовыхъ».

Часовъ около 7-ми вечера мы тронулись въ путь и среди начинавшихся сумерекъ проѣхали Иркутскъ, направляясь на сѣверъ. За городомъ передъ моими глазами открылись отлогія возвышенности, покрытыя лѣсомъ и подымавшіяся все выше. Гористая даль, неопредѣленная, смутная, сумрачная... За городомъ ямщикъ отвязалъ колокольчикъ, который затянулъ въ темнотѣ свою долгую пѣсню. Колеса стучали по мерзлой землѣ.

Провожатые мои гадали, удастся ли имъ хоть часть пути сдѣлать по Ленѣ водою. Въ Качугѣ они купили бы «шитикъ» (родъ небольшой барочки-лодки), и это была бы для нихъ большая «экономія». Они разспрашивали на станціяхъ и у встрѣчныхъ проѣзжающихъ — есть ли еще путь отъ Качуга по рѣкѣ, а въ моей памяти въ это время проносились образы дорогихъ людей, отъ которыхъ я удалялся все дальше, въ неопредѣленную тьму.

Расчеты моихъ провожатыхъ не оправдались: рѣка уже начинала становиться, и за Качугомъ намъ пришлось ѣхать опять на почтовыхъ. Это значительно испортило настроеніе жандарма и онъ то и дѣло расчитывалъ, «сколько они отъ этого теряютъ». Затѣмъ встрѣча на одной станціи съ «Черкесомъ» (описанная мною довольно точно въ разсказѣ «Черкесъ») повергла

жандарма въ окончательную мизантропію. Если бы ему удалось захватить этого агента золотоискателей-хищниковъ, везшаго партію золота для продажи въ Иркутскъ китайцамъ, — то это была бы такая удача, передъ которой померкли бы всѣ «экономіи». Но черкесъ понялъ опасность, держался на чеку и въ концѣ концовъ ускользнулъ. Къ этому прибавилась нерасторопность конвойнаго солдата, забывшаго въ повозкѣ оружіе, что повело за собой желчныя нападки и препирательства моихъ провожатыхъ. Я невольно думалъ, что — будь это иначе, — мнѣ пришлось бы, можетъ быть, присутствовать при настоящей хищнической трагедіи. Теперь же жандармъ только прислушивался, какъ въ направленіи къ Иркутску замирали дикіе крики хищника, увозившаго съ собой огромное богатство. Телеграфа тогда еще не было.

Этимъ сурово-хищническимъ впечатлѣніемъ сразу встрѣтила меня Лена. Жандарму удалось только дешево купить у черкеса очень удобный крытый возокъ, на который онъ получилъ отъ него записку и въ который мы пересѣли черезъ нѣсколько станцій.

Проѣхавъ около сотни верстъ по санной береговой дорогѣ, мы, наконецъ, опустились въ щель (такъ жители называютъ дорогу по Ленѣ). Я то и дѣло протиралъ окна нашего возка, глядя, какъ мимо проносились гористые дикіе берега Лены. Часто горы закрывались густыми туманами, настоящими облаками, которыя вѣтеръ

проносилъ щелью. Мнѣ, жителю равнины, это зрѣлище казалось сурово - величественнымъ и угрюмымъ, но все-таки поразительно красивымъ. Цѣлые дни я не могъ оторвать отъ него глазъ, а порой смотрѣлъ въ окна и ночью, глядя, какъ луна неслась высоко надъ мрачными громадами скалъ.

Невдалекѣ отъ Верхоленска мнѣ бросился въ глаза на лѣвомъ берегу Лены огромный камень, по странной игрѣ природы стоящій отвѣсно узкимъ концомъ книзу, на самой верхушкѣ одной изъ горъ. Ямщикъ,указывая на него,объяснилъ мнѣ, что камень называютъ «шаманскимъ», вѣроятно потому, что раза два въ годъ сюда собираются таежные тунгусы, и ихъ шаманы отправляютъ передъ камнемъ свое «архіерейское богослуженіе». Впослѣдствіи мнѣ говорили, что камень этотъ свергнутъ съ высоты, откуда его можно было видѣть далеко. Вѣроятно языческія богослуженія шамановъ показались соблазнительными православному духовенству.

За Верхоленскомъ мы проѣхали черезъ Киренскъ, расположенный на островѣ Лены, не останавливаясь, затѣмъ миновали пріисковую резиденцію Витимъ, скрывшуюся отъ насъ въ густыхъ туманахъ. Неопытный ямщикъ сбился съ дороги между станціями Веледуйскомъ и Крестами, и мы чуть не всю ночь брели пѣшкомъ среди хаоса льдинъ, нагроможденныхъ въ самомъ фантастическомъ безпорядкѣ. Порой это

были цѣлыя огромныя ледяныя башни, которыя рѣка накидала другъ на друга во время бурнаго осенняго ледохода.

II.

МОИ ЛЕНСКІЯ ВИДѢНІЯ.

Во время этого пути моимъ воображеніемъ овладѣла съ большой силой одна картина, въ которой какъ бы обобщились мои впечатлѣнія послѣ 1-го марта въ Перми и въ Иркутскѣ.

Въ этомъ высокомъ холодномъ небѣ мнѣ чудились два образа: Александръ II и его убійца Желябовъ.

Такъ начать, какъ началъ Александръ II, и такъ кончить!.. Мнѣ онъ вспоминался только жалкимъ, затравленнымъ и несчастнымъ... «Везите во дворецъ... Тамъ умереть...» И его везли во дворецъ, поливая улицы его кровью, пока бѣдный человѣкъ жаловался на предсмертный холодъ.

Въ фигурѣ Желябова, главнаго организатора цареубійства, для меня, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась вся трагедія русской интеллигенціи въ царствованіи Александра II... Было извѣстно, что, арестованный ранѣе безъ связи съ цареубійствомъ, онъ самъ заявилъ о своемъ участіи и потребовалъ, во имя справедливости, присоединенія его къ процессу Рысакова. Онъ находилъ, что съ однимъ Рысаковымъ процессъ будетъ слишкомъ блѣденъ и непонятенъ народу,

и онъ отдавалъ свою жизнь, чтобы сдѣлать его болѣе яркимъ. Вмѣстѣ съ собой онъ взводилъ на плаху любимую женщину Софью Перовскую. Несмотря на очень яркія фигуры первомартовцевъ, процессъ если не вышелъ блѣденъ, то все-таки остался народу по прежнему непонятенъ. Эта толпа помнила, что убитый царь освободилъ крестьянъ, а любовь и ненависть его противниковъ оставались для нея въ моментъ ихъ казни совершенно чуждыми.

Теперь, когда трагедія завершилась до конца, мнѣ чудились оба они понявшими и примиренными. Они смотрятъ съ высоты на свою родину, холодную и темную, и ищутъ на ней пути той правды, которая сдѣлала ихъ смертельными врагами, но когда-то, казалось мнѣ, одушевляла по-своему и царя, когда онъ освобождалъ крестьянъ, и революціонера, когда онъ боролся съ наступившей реакціей. Эта правда затерялась среди извилистыхъ путей жизни и привела одного къ мучительной смерти, другихъ на эшафотъ. И вотъ, когда первомартовцы стояли надъ толпой на своей позорной высотѣ, до нихъ доносился снизу грозный и враждебный гулъ человѣческаго моря. Русская толпа видѣла лишь одну половину правды. Она помнила, что Александръ II былъ «царь освободитель», и не понимала, сколько онъ въ свою очередь совершилъ преступленій противъ свободы. Любовь и ненависть людей, приносившихъ въ жертву народу свою жизнь, были ему не понятны ... А между тѣмъ,

есть гдѣ-то примиреніе, и теперь мнѣ чудилось, что оба — и жертва и убійца — ищутъ этого примиренія, обозрѣвая свою темную родину.

Къ этой темѣ я возвращался на протяженіи долгаго пути по Ленѣ. Я не спалъ ночи, протирая обмерзшія стекла и слѣдя, какъ гдѣ-то высоко надъ мрачными скалами неслась яркая луна. Когда я пріѣзжалъ на станки, я старался отогрѣть руки и набросать хоть обрывки поэмы. Но на станкахъ издали слышали нашъ колокольчикъ и начинали готовиться. Поэтому, едва я, успѣвъ согрѣть руки, пробовалъ набрасывать въ книжечкѣ обрывки образовъ и мыслей, какъ приходилъ ямской староста и сообщалъ, что лошади поданы. Приходилось опять выходить на холодъ и садиться въ возокъ. И опять эти два образа властно входили въ мое воображеніе, летучіе и неуловимые.

Недавно я нашелъ одну изъ этихъ записныхъ книжекъ, и опять то настроеніе пахнуло на меня съ этихъ старыхъ листковъ. Мнѣ представлялся революціонеръ, выхваченный изъ сутолоки борьбы, котораго везутъ моимъ путемъ. Онъ, какъ и я, смотритъ въ то же ночное небо, такъ же чувствуетъ неисходную трагедію борьбы безъ народа. Тѣ же думы владѣютъ его душой, и онъ задается вопросомъ, гдѣ правда въ этомъ холодномъ мірѣ... «Морозъ, великій владыка сѣверной пустыни, сжимаетъ воздухъ. Иней валится широкими хлопьями и искрится въ лучахъ луны. По огромной рѣкѣ гремятъ

точно выстрѣлы изъ пушекъ. Это ледъ трескается отъ мороза, и протяжный гулъ долго и какъ-то жалостно стоитъ на рѣкѣ, уходя все далѣе межъ горъ, ущелій и сопокъ...» Такъ наступаетъ полночь Рождества 1882 года. Колокольчикъ выводитъ свою долгую рыдающую пѣсню, и ссыльный, какъ и я, записываетъ приходящія въ разгоряченную голову мысли. Его рукопись попадаетъ въ Россію въ среду революціонеровъ-террористовъ. Но тамъ это настроеніе и эти вопросы кажутся, среди продолжающейся борьбы, странными и непонятными. На оборотѣ рукописи твердымъ, размашистымъ почеркомъ написано:

— Господи, Боже, — какая ерунда! Очевидно, эти мечты — результатъ странной умственной болѣзни когда-то столь трезваго нашего покойнаго друга. Ему, наконецъ, сталъ мерещиться образъ фантастическаго царя, «сильнаго державой и мечтающаго о свободѣ». Можно же додуматься до такой маниловщины!.. Однако, человѣкъ былъ все-таки превосходный и оказалъ большія услуги нашему общему дѣлу. Поэтому, другъ Волчище, приложи всѣ старанія, чтобы исполнить волю покойнаго и доставить рукопись NN. Что она сдѣлаетъ съ этими мечтаніями о примиреніи непримиримаго, — я не знаю. Но она, кажется, знаетъ...

Поэма такъ и осталась неконченной. Вскорѣ другія мысли и другія впечатлѣнія вытѣснили эти пустынныя ленскія мечты. Я привожу

здѣсь эти безсвязные отрывки, такъ какъ они обобщаютъ мои впечатлѣнія отъ великой трагедіи 1-го марта, ставшей трагедіей всей интеллигенціи, пожалуй, трагедіей всей Россіи. Сознаніе этой трагедіи носилось въ воздухѣ. Тогда даже террористы-цареубійцы приглашали русскихъ самодержцевъ на путь мирныхъ конституціонныхъ реформъ... Есть указанія, что Желябовъ такъ и умеръ безъ вѣры въ успѣшность послѣдняго средства.

III.

ВОСПИТАННИКЪ ДЕКАБРИСТОВЪ. — ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Между тѣмъ мы все неслись по льду Лены. Войдя на станцію Тинную, я засталъ тамъ проѣзжающаго, ѣхавшаго намъ навстрѣчу. Это былъ коренной сибирякъ, но въ его наружности было что-то какъ бы отъ чуждаго Сибири прошлаго. Онъ былъ невысокъ ростомъ, довольно полонъ, но все-таки въ немъ было что-то, напоминавшее мнѣ пермскаго губернатора Енакіева, «человѣка XVIII столѣтія». Къ сожалѣнію, я теперь забылъ его фамилію. Знаю только, что родомъ онъ былъ изъ юго - западныхъ областей Сибири и воспитывался подъ вліяніемъ декабристовъ. Подавая мнѣ стаканъ чаю и подвигая сибирскія печенія, онъ говорилъ:

— Да, просвѣщается наша Сибирь, просвѣщается. Прежде декабристы, теперь вотъ вы, гос-

пода политическіе. Россія васъ высылаетъ, а Сибирь пріемлетъ себѣ на пользу. Не такъ давно я встрѣтилъ, такъ же вотъ, какъ васъ, милостивый государь, — молодую дѣвушку Евгенію Александровну... Можетъ быть, фамилія вамъ извѣстна? Ѣдетъ въ Верхоянскъ изъ любви къ жениху, господину А—ву. Тоже, можетъ, изволили слышать?...

Фамилія мнѣ дѣйствительно была извѣстна. А — въ былъ тотъ самый эксцентричный ссыльный, о которомъ мнѣ разсказывалъ пермскій жандармъ Молоковъ. Значитъ къ нему проѣхала уже его невѣста, которую онъ окликалъ во всѣхъ уѣздныхъ тюрьмахъ... Видя, что я заинтересованъ этимъ извѣстіемъ, воспитанникъ декабристовъ продолжалъ растроганнымъ голосомъ:

— Съ дѣтства моего сохранилъ я память о женахъ декабристовъ, — княгинѣ Оболенской, Трубецкой и другихъ... Теперь эти благородные подвиги любви повторяются на нашихъ глазахъ. Молодая дѣвушка кидаетъ семью, родственную среду и отправляется за полярный кругъ. При томъ и одеженка на ней далеко не сибирская... Посмотрѣлъ я, какъ она, простившись со мной, садилась въ свои сани въ лютый морозъ... Повѣрите, — даже слеза прошибла... Что-то дальше ждетъ ее, бѣдную?..

Впослѣдствіи, вернувшись изъ ссылки, я познакомился съ Евгеніей Александровной. Это оказалась дѣйствительно очень хорошая и привлекательная молодая женщина, но, — что бы ска-

залъ мой романтическій сибирякъ, если бы узналъ, что ея подвигъ, которымъ онъ такъ восхищался, оказался ошибкой. Преодолѣвъ столько препятствій, она вскорѣ разошлась съ мужемъ и вернулась въ Россію.

На станціи Мухтуй, когда мы съ провожатыми уже собирались выходить и садиться въ возокъ, передъ станкомъ послышался звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ и къ намъ буквально ворвался новый ссыльный. Это былъ нѣкто Буріотъ. Онъ узналъ отъ писаря мою фамилію и сразу кинулся обнимать меня, точно родной. Оказалось, что онъ ѣдетъ непосредственно изъ Красноярска безъ остановки въ Иркутскъ и хорошо знаетъ моихъ родныхъ. Къ сожалѣнію, наши лошади уже были запряжены, а этихъ ленскихъ, плохо объѣзженныхъ лошадей очень трудно держать на морозѣ. Поэтому мнѣ пришлось ограничиться самыми краткими извѣстіями о своихъ и попрощаться съ Буріотомъ. Съ нимъ ѣхали молодая жена и двѣ прелестныхъ дѣвочки ... Эту ночь я мало думалъ объ Александрѣ II и Желябовѣ. Она была населена для меня образами дорогихъ и близкихъ людей.

Къ нашему удовольствію насъ вскорѣ обогнала почта. Почта на Ленѣ представляетъ зрѣлище внушительное и своеобразное, хотя на этотъ разъ она была меньше обыкновеннаго, и одна изъ заготовленныхъ для нея троекъ оставалась для насъ. Мы пристегнулись къ почтовому каравану

и поэтому ѣхали быстрѣе обычнаго, порой даже опережали почту и пріѣзжали на станки заранѣе, а затѣмъ уже, послѣ насъ, съ Лены на берегъ подымалась среди звона и криковъ цѣлая вереница троекъ. Затѣмъ мы успѣвали уѣхать впередъ, глядя, какъ все населеніе станка хлопотало около новаго почтоваго каравана. Это каждый разъ представляло дѣло сложное и трудное. Здѣсь почтовая гоньба представляетъ остатокъ старинныхъ «ямовъ», и ямщики состояли тогда на «государевомъ жалованіи». Съ своеобразнымъ бытомъ этихъ станочниковъ я успѣлъ ознакомиться уже на обратномъ пути, когда мнѣ съ двумя товарищами пришлось ѣхать по неостановившейся еще Ленѣ больше мѣсяца въ качествѣ этапныхъ арестантовъ. Теперь лишь изрѣдка мы слышали жалобы этихъ закрѣпощенныхъ государству людей на страшную эксплоатацію почтоваго начальства. Почтовое начальство дѣйствовало, какъ настоящій кулакъ. И чѣмъ бѣднѣе былъ ямской поселокъ, чѣмъ меньше было у него средствъ прокормиться безъ почтовой гоньбы, тѣмъ тяжелѣе были ея условія.

IV.

ТОСКУЮЩІЙ ССЫЛЬНЫЙ. — ПРІѢЗДЪ ВЪ ЯКУТСКЪ.

За станціей Жербовской кончилась Иркутская губернія, и мы вступили въ Олекминскій округъ Якутской области, минуя станки и пріиско-

выя «разыденціи» (резиденціи ленскихъ золотопромышленныхъ компаній),прятавшіяся отъ насъ въ туманахъ. На одной изъ такихъ станцій я повалился въ изнеможеніи на лавку и мгновенно заснулъ. Меня разбудилъ какой-то человѣкъ, настойчиво тормошившій меня за плечо. Раскрывъ глаза, я увидѣлъ около себя человѣка небольшого роста, одѣтаго въ новую щегольскую сѣрую пару. Онъ смотрѣлъ на меня извиняющимся и просящимъ взглядомъ.

— Извините, милостивый государь, что разбудилъ васъ. Но, ради Бога, посмотрите на меня.

Онъ снялъ съ головы новенькій картузъ и показалъ его мнѣ, поворачивая во всѣ стороны.

— Посмотрите, нѣтъ, вы только посмотрите... Чапка.

Я зналъ, что «чапка» по-польски значитъ фуражка, но это мало мнѣ объясняло, зачѣмъ онъ разбудилъ меня. Между тѣмъ незнакомецъ повернулся передо мной на каблукахъ, какъ-то охорашиваясь, при чемъ лицо его сохраняло все то же умоляющее выраженіе.

— Камизелька (жилетка), шараваречки (брюки), сурдутъ... — И онъ поочередно указывалъ на эти принадлежности костюма, называя ихъ по-польски и продолжая поворачиваться передо мною, точно на пружинахъ. — Нѣтъ, вы только посмотрите, пожалуйста посмотрите... Вѣдь хорошо!..

Сначала я подумалъ, что этотъ странный человѣкъ сильно выпилъ. Но онъ не былъ пьянъ.

Это былъ портной, высланный сюда изъ Петербурга и стосковавшійся по своей настоящей работѣ. Недавно его пригласила партія пріисковыхъ служащихъ, главнымъ образомъ поляковъ, выписавшихъ на пріиска массу разныхъ матерій чуть ли не изъ Парижа. Онъ провелъ нѣсколько недѣль въ пріисковой резиденціи, обшивая заказчиковъ, которые, кромѣ платы, дали ему матеріи для его собственнаго костюма. Съ тѣхъ поръ онъ считалъ наиболѣе приличнымъ называть разныя принадлежности одежды по-польски. Но, увы! — ему пришлось все-таки вернуться съ шумныхъ пріисковъ на уединенный приленскій станокъ.

Я, наконецъ, понялъ, что ему нужно. Услышавъ почтовый колокольчикъ (это здѣсь не часто), онъ тотчасъ же надѣвалъ новый костюмъ и бѣжалъ, чтобы показаться проѣзжающему во всемъ великолѣпіи . . . — Чапка, камизелька, сурдутъ . . . Нѣтъ, вы только посмотрите, милостивый государь, вы только взгляните . . . Пожалуйста еще съ этой стороны . . .

Писарь разсказывалъ моимъ провожатымъ, что, когда бы ни послышался почтовый колокольчикъ, хотя бы это было въ полночь или на разсвѣтѣ, онъ тотчасъ же просыпался въ своей юртѣ, торопливо напяливалъ на себя парадную одежду и бѣжалъ показаться проѣзжающему. Увидѣвъ во мнѣ культурнаго человѣка, онъ съ жадностью накинулся на меня, умоляя посмотрѣть на него еще и еще . . .

Я съ грустью подумалъ о страшной пустотѣ жизни этого бѣдняги, и мнѣ невольно пришло въ голову, не придется ли и мнѣ также тосковать въ какомъ-нибудь глухомъ углу будущей моей ссылки. Поэтому я выказалъ живѣйшій интересъ къ его великолѣпнымъ одѣяніямъ, пока, наконецъ, намъ не подали лошадей. Изъ благодарности за мое участіе, онъ вышелъ провожать меня на станочный дворъ.

— Правда, хорошо? — были его послѣднія слова, когда я усаживался, и его глаза смотрѣли на меня съ той же смѣсью радости и вмѣстѣ какого-то сожалѣнія къ себѣ . . . Я думалъ, что онъ внезапно расплачется.

Подъ Олекмой навстрѣчу намъ стали попадаться тунгусскіе вьючные караваны. Олени съ вѣтвистыми рогами, закинутыми на спину, шли покачиваясь подъ тяжелыми вьюками, а на нѣкоторыхъ вдобавокъ сидѣли, вытянувъ ноги впередъ, тяжелые тунгусы. Это приленскіе звѣроловы выходили изъ тайги, вывозя на продажу плоды своего осенняго улова и стараясь закупить предметы, нужные имъ на зиму. Однажды намъ попался такимъ образомъ тунгусскій князекъ. Онъ похожъ былъ на башню, а рядомъ съ нимъ бѣжалъ спѣшившійся родовичъ, выслушивая его приказанія. И этотъ послѣдній казался такимъ покорнымъ и маленькимъ. Я невольно подумалъ о томъ, сколько еще трудно искоренимаго

рабства въ нашемъ отечествѣ. Ямщикъ и даже мой провожатый жандармъ отзывались о «князѣ» съ большимъ почтеніемъ...

Наконецъ, 24-го ноября, благодаря ускоренному движенію съ почтой, передо мной замелькали огни Якутска. Спускались сумерки, шелъ негустой, холодный снѣгъ. Большіе пустыри смѣнялись кучками домовъ и юртъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это были «амбары», то-есть дома, построенные по-русски, изъ бревенъ, въ другихъ простыя юрты, съ наклонными стѣнами и большими льдинами вмѣсто оконъ. Уже въ сумеркахъ меня подвезли къ темному двухэтажному зданію, въ которомъ жилъ губернаторъ и помѣщалась его канцелярія.

V.

ЯКУТСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ ЧЕРНЯЕВЪ.

Якутскимъ губернаторомъ былъ тогда Черняевъ. Онъ былъ человѣкъ большого роста, съ крупными чертами маловыразительнаго лица. Онъ вышелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ внимательно новаго ссыльнаго и, не сказавъ ни слова, удалился. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали его прошедшую карьеру.

Онъ былъ сибирскій казакъ и когда-то служилъ въ конвоѣ при постройкѣ кругобайкальскаго шоссе. На этой постройкѣ работали, между прочимъ, каторжники, въ томъ числѣ бывшіе польскіе повстанцы. Меня до сихъ поръ удивляетъ,

какъ мало мы интересуемся выдающимися эпизодами изъ нашей исторіи. Мало кому, напримѣръ, извѣстно, что при этой постройкѣ поляки задумали новое возстаніе въ Сибири съ цѣлью пробраться къ китайской границѣ. Предпріятіе было задумано и осуществлено плохо, и скоро возстаніе было подавлено, но одно время Байкалъ былъ охваченъ огненнымъ кольцомъ инсургентовъ, и представители русской власти захвачены въ плѣнъ. Такая же участь постигла и Черняева. Говорили, что насмѣшливые поляки стали возить на немъ воду изъ Байкала въ свой лагерь. Эти своеобразныя «страданія за отечество» положили начало его карьеры, и въ концѣ концовъ онъ сталъ хотя и якутскимъ, но все-таки губернаторомъ, не проявивъ ничѣмъ административныхъ способностей.

Это былъ, прежде всего, человѣкъ добродушный, но совершенно незначительный. Чиновники дѣлали съ нимъ что хотѣли, и мнѣ впослѣдствіи пришлось это испытать на себѣ.

Такъ какъ мнѣ слишкомъ долго пришлось просидѣть въ Иркутскѣ, то мои бумаги пришли въ Якутскъ ранѣе меня, и мѣсто моего назначенія уже опредѣлилось. Въ канцеляріи мнѣ сказали, что я назначенъ въ слободу Амгу, расположенную около трехсотъ верстъ отъ Якутска, въ предѣлахъ Батурусскаго улуса. Чиновникъ прибавилъ къ этому, что это большая слобода, что въ ней есть церковь, двѣ лавочки и почтовая контора. Кажется, что этимъ назначеніемъ я былъ обязанъ

знакомству Рыхлинскаго съ какимъ-то вліятельнымъ лицомъ въ канцеляріи губернатора Педашенко.

Затѣмъ меня отправили въ тюрьму, — деревянное зданіе, расположенное далеко за городомъ. Здѣсь я встрѣтилъ товарища, политическаго ссыльнаго Ананія Семеновича Орлова, уже назначеннаго въ Батурусскій улусъ, то-есть по сосѣдству со мною. Дня черезъ три онъ отправился туда, и мы условились повидаться, если окажется возможность, уже на мѣстѣ.

А 29-го ноября и я выѣхалъ въ томъ же направленіи.

VI.

ПОСЛѢДНІЙ ПЕРЕѢЗДЪ.

Въ этомъ послѣднемъ переѣздѣ меня сопровождалъ одинъ только казакъ. Это былъ представитель мѣстнаго казачества, очень еще юный и очень простодушный. Эти казаки отлично приспособлены къ суровымъ условіямъ климата, но въ нихъ нѣтъ ничего воинственнаго. Отъ мѣстной обуви, называемой «унты», въ которыхъ они являются даже на парадные смотры, ихъ иронически называютъ «унтовымъ войскомъ».

День былъ ясный и очень морозный. Ямщики то и дѣло останавливали лошадей и, засунувъ палецъ въ ноздри, вынимали оттуда длинныя ледяныя сосульки. Безъ этой предосторожности лошадь можетъ вдругъ упасть на бѣгу и издохнуть.

Подъ конецъ пути дорога пошла въ такъ называемую Яммалахскую падь. Это лощина между двумя отлогими горными кряжами, покрытыми лиственничными лѣсами. Порой на темномъ фонѣ этихъ лѣсовъ вставалъ высокій вертикальный столбъ дыма. Это означало близость какого-нибудь обывательскаго станка и перепряжки. Эти юрты были разбросаны по лѣсу въ одиночку. Деревень намъ вовсе не попадалось.

Съ нѣкотораго времени до меня стали долетать странные звуки. Къ однообразному скрипу полозьевъ по снѣгу и къ шуму тайги присоединилось еще что-то, точно жужжаніе овода, прерываемое какими-то всхлипываніями. Видя, что я съ недоумѣніемъ оглядываюсь, стараясь опредѣлить источникъ звуковъ, казакъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Это онъ поетъ пѣсню. Вамъ еще не въ привычку.

Это была дѣйствительно якутская пѣсня, — нѣчто горловое, тягучее, жалобное. Начиналась она звукомъ а-ы-ы-ы... тянувшимся безконечно и по временамъ модулируемымъ почти истерически-рыдающими перехватами голоса. Странные звуки удивительно сливались со скрипомъ полозьевъ и ровнымъ шумомъ тайги...

Вечерѣло. Въ одномъ изъ станковъ мы рѣшили согрѣться и напиться чаю. Для этого мы сдѣлали привалъ. Хозяйка тотчасъ принялась хлопотать. Поставивъ самоваръ, она юркнула въ темный уголъ юрты, на камелекъ, откуда послышалось однообразное жужжаніе.

— Это она мелетъ муку на лепешку, — пояснилъ мнѣ мой казачокъ.

Я заглянулъ за камелекъ. Тамъ была наша молодая хозяйка полураздѣтая. Рубашки на ней не было. Весь костюмъ ограничивался мѣховыми штанами и такими же унтами съ узорно-расшитыми голенищами. И все-таки она была покрыта потомъ, который скатывался по лицу и по тѣлу крупными каплями. По временамъ она выходила къ камельку и, вынувъ изъ-за голенища коротенькую трубочку, закуривала. Тогда къ ней сходилось все женское населеніе юрты и, затягиваясь по очереди, женщины начинали безъ церемоніи разглядывать насъ и судачить на нашъ счетъ. По временамъ женское щебетаніе прерывалось взрывами веселаго смѣха. Казакъ пробовалъ отшучиваться, но скоро спасовалъ, а я былъ, конечно, совершенно беззащитенъ. Затѣмъ хозяйка опять уходила за камелекъ, откуда вновь раздавалось жужжаніе ручной мельницы.

Я подумалъ, что на такихъ мельницахъ мололи хлѣбъ еще во времена Гомера. На невысокомъ столикѣ былъ неподвижно укрѣпленъ жерновъ. Другой, приводимый въ движеніе цѣвкой, укрѣпленной въ доскѣ между двумя угловыми стѣнками юрты, ходилъ по немъ, приводимый въ движеніе рукой, и мука тихо сыпалась на столикъ. Намоловъ достаточно для большой лепешки, хозяйка замѣсила тѣсто и изжарила лепешку передъ пылающимъ огнемъ камелька.

Въ это время снаружи послышался звонъ колокольчика и бубенцовъ, и вскорѣ въ юрту, вмѣстѣ съ густыми клубами морознаго пара, вошелъ новый пріѣзжій. Когда онъ разоблачился передъ камелькомъ, то я увидѣлъ молодого казака, который мнѣ показался прямо двойникомъ нашего провожатаго: такой же безусый и такой же юный. Онъ ѣхалъ изъ Верхоянска съ эстафетой губернатору.

— Что у васъ новаго, братъ? Говори, — сказалъ мой провожатый.

Казаки усѣлись на оронѣ (лавка подъ косыми стѣнами юрты), и пріѣзжій сообщилъ вполголоса дѣйствительно поразительную новость: съ океана прибыли по рѣкѣ Янѣ невѣдомые люди. Они продвигались впередъ въ лодкѣ, измѣряя глубину рѣки, и посылали вѣстовыхъ назадъ, какъ будто за ними шелъ по рѣкѣ большой корабль, а они были только передовыми. Когда они пришли такимъ образомъ къ городу (Верхоянску), — одна ладья безъ корабля, — исправникъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Хотѣлъ было посадить ихъ пока что въ каталажку, да политическіе отговорили. Одинъ изъ нихъ знаетъ языкъ пріѣзжихъ, разговорился съ ними и говоритъ исправнику:

— Не сажай ихъ въ каталажку, а прими съ честью. Не пожалѣешь.

Вотъ теперь этотъ казакъ и посланъ спѣшно къ губернатору съ эстафетой, а жители не знаютъ, что и думать: не то невѣдомые люди пришли воевать, не то мириться.

Выслушавъ съ напряженнымъ вниманіемъ разсказъ товарища, мой провожатый сказалъ съ печальнымъ видомъ:

— Ахъ, бра-атъ... Ежели пришли воевать, то всѣхъ они насъ тутъ повоюютъ...

Верхоянскій казакъ грустно согласился съ этимъ нерадостнымъ заключеніемъ и затѣмъ, напившись чаю, опять одѣлся и, взявъ заготовленныхъ для насъ лошадей, сѣлъ въ возокъ и помчался къ Якутску. Намъ пришлось остаться почевать.

Черезъ мѣсяцъ или два весь міръ облетѣла новость: экипажъ «Жаннеты» разыскался. «Жаннета» былъ американскій бригъ, отправившійся въ полярную экспедицію. Гдѣ-то среди льдовъ у сѣверныхъ береговъ Сибири онъ потерпѣлъ крушеніе и экипажъ его затерялся. Газеты Стараго и Новаго свѣта были заинтересованы судьбой этого экипажа и ловили всякіе слухи, которые удавалось узнать отъ кочевавшихъ по берегамъ Ледовитаго океана чукчей. Но затѣмъ всѣ извѣстія прекратились.

И вотъ теперь этотъ нехитрый казачокъ везъ въ своей сумкѣ новость, которая должна была взбудоражить газеты всего міра: затерявшійся экипажъ «Жаннеты» прибылъ къ Верхоянску, поставивъ мѣстнаго исправника передъ альтернативой: не то принять гостей съ честью, не то для безопасности посадить ихъ въ каталажку. Тогда разсказывали, что если бы въ это время въ Верхоянскѣ не находилась цѣлая группа политиче-

скихъ ссыльныхъ, то путешественникамъ не миновать бы ближайшаго знакомства съ верхоянской каталажкой. Но политическіе отговорили отъ крутыхъ мѣръ, и американскимъ гостямъ была предоставлена свобода. Исправникъ дѣйствительно не пожалѣлъ объ этомъ: президентъ Сѣв.-Американскихъ Штатовъ прислалъ ему впослѣдствіи почетную шпагу, для доставленія которой въ далекій Верхоянскъ была снаряжена цѣлая экспедиція, и его имя, какъ просвѣщеннаго администратора стало на время извѣстно всему міру.

VII.

НА МѢСТѢ.

Выѣхавъ со станка раннимъ утромъ, мы опять ѣхали до вечера, останавливаясь только для перепряжекъ. На одномъ изъ станковъ намъ попались скопцы съ Усть-Майи (поселокъ на рѣкѣ Майѣ, притокѣ Алдана). Они ѣхали въ Якутскъ. Это были первые скопцы, которыхъ я видѣлъ въ своей жизни. Одинъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, другой юноша, почти мальчикъ. Старшій, узнавъ, что я политическій ссыльный, — сдержанно выразилъ мнѣ сочувствіе. Юноша, пламенно сверкая глазами, сказалъ безъ всякой сдержанности: «Долго ли еще будутъ свирѣпствовать утѣснители?» Онъ очевидно былъ въ періодѣ фанатическаго возбужденія, и я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него: неужели и ему предстоитъ

оскопленіе, и эти глаза, теперь метавшіе искры, — потускнѣютъ и потухнутъ?

Надъ горизонтомъ опять поднялась луна, когда мы стали приближаться къ мѣсту назначенія. Наконецъ, ямщикъ повернулся на козлахъ и сказалъ:

— Амга!

Я расправилъ башлыкъ и выглянулъ на морозъ. Яммалахская падь разступилась, и передо мною открылась широкая равнина, заканчивавшаяся вдали искрящимся подъ луной крупнымъ горнымъ кряжемъ и усѣянная высокими столбами бѣлаго дыма. Впереди, поближе ихъ было немного, — какъ будто небольшой поселокъ. Но дальше множество дымныхъ столбовъ подымалось къ небу, точно своеобразный лѣсъ.

Это и была слобода Амга.

Скоро наши сани, въѣхавъ въ широкую улицу, остановились передъ довольно большой избой, построенной по-русски въ срубъ, только безъ крыши. Это была такъ называемая «мірская изба», соотвѣтствовавшая приблизительно нашему волостному правленію.

Здѣсь еще шли занятія. Навстрѣчу намъ поднялся человѣкъ среднихъ лѣтъ, темный брюнетъ съ очень черной бородой и блестящими тоже черными, быстрыми глазами. Онъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и отрекомендовался:

— Николай Васильевичъ Васильевъ, политическій ссыльный и вмѣстѣ здѣшній писарь. А

это вотъ здѣшній тайонъ, сирѣчь староста, до извѣстной степени начальство.

Тайонъ степенно поднялся изъ-за стола и протянулъ мнѣ руку. Лицо его было довольно полное, безбородое и безусое. Въ чертахъ было что-то инородческое. На немъ былъ плисовый кафтанъ, туго перетянутый поясомъ. Рукава кафтана были сильно приподняты кверху, что придавало ему своеобразный видъ какого-то дипломата прошлыхъ временъ. Съ Васильевымъ онъ говорилъ по-якутски и держался не безъ важности.

— Ну, теперь мы выдадимъ вашему казаку расписку въ пріемѣ и напоимъ его чаемъ. А мы съ вами отправимся къ товарищамъ. Здѣсь живутъ Иванъ Ивановичъ Папинъ и Осипъ Яковлевичъ Вайнштейнъ. У нихъ своя юрта.

Онъ въ качествѣ писаря исполнилъ формальности, и тотъ же ямщикъ повезъ насъ въ другой конецъ села. Когда мы ѣхали по улицѣ, она показалась мнѣ необыкновенно оживленной, хотя въ сущности никакого движенія на ней не видѣлось. Это впечатлѣніе создавалось клубами дыма, который вырывался изъ юртъ, боролся съ морозомъ и трепеща подымался высоко къ небу. Къ этому прибавлялся переливающійся сквозь ледяныя окна свѣтъ пылающихъ камельковъ, что въ общемъ и создавало картину безмолвнаго ночного оживленія. По временамъ отворялись двери и тотчасъ же съ громомъ падали на наклонныя стѣны. Амгинцы выглядывали на звонъ нашихъ колокольцовъ. Увидѣвъ Васильева, они обмѣнивались во-

просами на якутскомъ языкѣ. Онъ отвѣчалъ такъ же.

Приблизительно въ серединѣ улицы (болѣе версты длиной) стояла большая деревянная церковь, искрясь отъ инея и мороза. Миновавъ ее, мы свернули влѣво и подъѣхали къ небольшой юртешкѣ съ такими же ледяными окнами, какъ и другія. На дворѣ было нѣсколько пристроекъ, въ томъ числѣ лѣтняя изба, теперь стоявшая пустой. Здѣсь насъ радушно встрѣтили товарищи.

Прежде всего, это былъ знакомый уже мнѣ Иванъ Ивановичъ Папинъ, встрѣчу съ которымъ на нижегородской баржѣ при первой моей высылкѣ въ Сибирь я уже описывалъ выше. Онъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ Долгушинымъ и отбывалъ каторгу въ одной изъ харьковскихъ централокъ. Теперь я былъ пріятно удивленъ его цвѣтущимъ видомъ. Вмѣсто сильно потускнѣвшей въ централкѣ фигуры, какую я видѣлъ тогда въ пути, передо мной стоялъ цвѣтущій молодой человѣкъ съ блестящими глазами и веселымъ лицомъ.

Другой былъ Осипъ Яковлевичъ Вайнштейнъ, еврей, студентъ медикъ одного изъ первыхъ курсовъ. За что онъ былъ высланъ, я теперь не помню. У него было пріятное, доброе лицо, а глаза тоже сіяли оживленіемъ.

Третій былъ нѣкто Хаботинъ. Я называю настоящія фамиліи другихъ моихъ товарищей. Только о Хаботинѣ мнѣ приходится сообщить мало лестнаго и потому я прибѣгаю къ измѣненной фамиліи. Исторія его ссылки довольно ориги-

нальна. Онъ былъ не то прикащикомъ, не то мальчикомъ въ какой-то петербургской мелочной лавочкѣ. Однажды, кажется въ воскресенье, въ кіоскѣ для проходящихъ, помѣщавшемся у самой Публичной библіотеки, вдругъ раздался выстрѣлъ. Тотчасъ же явилась полиція. Думали сначала, что это самоубійство, но, когда открыли дверь отдѣленія, откуда раздался выстрѣлъ, то нашли тамъ растерянаго юношу, который не могъ объяснить, — ни зачѣмъ у него револьверъ, ни какимъ образомъ произошелъ выстрѣлъ. Время тогда было тревожное, и «опаснаго юношу», не долго думая и не разбираясь въ дѣлѣ, услали прямо въ Якутскую область. Намъ онъ тоже не могъ объяснить толкомъ происхожденіе таинственнаго выстрѣла и только какъ-то косо и угрюмо улыбался, когда Васильевъ шутя разсказывалъ, что Хаботинъ высланъ за неумѣлое обращеніе съ брюками, въ которыхъ случайно находился револьверъ. При взглядѣ на его нескладную, неряшливую фигуру съ сильно стоптанными валенками,— объясненіе казалось довольно вѣроятнымъ. Первоначально его выслали въ поселокъ Чипчалганъ, населенный, какъ и Амга, объякутившимися крестьянами и находившійся всего въ 1½ верстахъ отъ слободы. Здѣсь жители такъ серьезно поняли свои обязанности по надзору, что даже когда онъ выходилъ изъ юрты по своей надобности, его сопровождали караульные. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ засѣдателей, сжалившись и надъ опаснымъ юношей, и надъ жителями,

не исхлопоталъ ему перевода въ Амгу. Папинъ и Вайнштейнъ приняли его въ свою юрту, хотя молодой человѣкъ не былъ способенъ ни къ какой работѣ.

Самымъ старшимъ поселенцемъ изъ политическихъ въ Амгѣ былъ Николай Васильевичъ Васильевъ. Онъ былъ сосланъ еще въ 60-хъ годахъ, по дѣлу такъ называемыхъ воскресныхъ школъ. Это было просвѣтительное движеніе, подъ вліяніемъ котораго въ столицахъ, а отчасти и въ провинціи стали возникать вольныя воскресныя школы. Участвовали въ движеніи студенты, интеллигентные люди, дамы изъ общества; и сначала правительство относилось къ нимъ терпимо. Посѣщали ихъ ремесленники, швеи, рабочіе. Послѣ каракозовскаго выстрѣла первые удары реакціи не миновали и этого просвѣтительнаго движенія. Вскорѣ оказалось, что къ просвѣщенію примѣшалась наивная политическая пропаганда. Она велась кое-гдѣ совершенно открыто, безъ всякихъ конспирацій. Правительство, не долго разбирая, закрыло всѣ воскресныя школы, а нѣкоторыхъ участниковъ пропаганды судили и сослали на каторгу. Такимъ же образомъ попалъ на каторгу и Васильевъ, тогда еще совсѣмъ юноша. Отбывалъ онъ ее въ Нерчинскѣ, вмѣстѣ съ Чернышевскимъ.

По окончаніи срока онъ былъ высланъ на поселеніе въ Амгу и пріѣхалъ сюда, когда новая волна политическихъ ссыльныхъ еще не стала сюда доплескивать. Ему сначала пришлось здѣсь

жить одному. Очень живой и способный, онъ быстро изучилъ якутскій языкъ, женился на дочери мѣстнаго объякутившагося крестьянина, обзавелся собственнымъ хозяйствомъ и до такой степени вошелъ во всѣ интересы мѣстной жизни, что общество выбрало его своимъ писаремъ, а начальство ничего не имѣло противъ его утвержденія.

Вотъ почему, кромѣ тайона, въ мірской избѣ меня встрѣтилъ товарищъ политическій. Онъ радушно встрѣчалъ всѣхъ новоприбывающихъ, и мѣстные жители по его примѣру встрѣчали насъ такъ же радушно. Когда первымъ прибылъ въ Амгу Вайнштейнъ, Васильевъ доставилъ ему работу — печь хлѣбъ на пріиска; при чемъ его жена, превосходная женщина, первая научила Вайнштейна хлѣбопеченію. Затѣмъ пріѣхалъ (годъ назадъ) Папинъ. Онъ сначала помогалъ Вайнштейну, но потомъ перешелъ самъ и склонилъ Вайнштейна перейти къ земледѣлію. Они за 70 рублей купили усадьбу-юрту съ надворными постройками, обзавелись хозяйствомъ и съ весны прошлаго года уже вели правильное земледѣльческое хозяйство.

Мы долго впятеромъ просидѣли въ этотъ вечеръ за самоваромъ, встрѣчая новый годъ. Я разсказывалъ имъ привезенныя изъ Россіи и изъ Иркутска новости, они дѣлились мѣстными впечатлѣніями. Наконецъ, уже далеко за полночь, Васильевъ ушелъ къ себѣ на заимку, расположенную верстахъ въ полуторыхъ отъ слободы, това-

рищи улеглись, а я, по своему обыкновенію, долго еще сидѣлъ со свѣчей за столикомъ и писалъ письма матери, сестрамъ, брату и Григорьеву. Вотъ я, наконецъ, на мѣстѣ, здоровъ, бодръ, все, что меня здѣсь ожидаетъ, очевидно, будетъ въ высшей степени интересно. Товарищи у меня хорошіе.

Послѣ этого я, уже глубокой ночью, еще разъ вышелъ наружу и былъ прямо пораженъ необыкновенной красотой прозрачнаго, сѣвернаго неба. Прямо противъ нашей юрты сверкало созвѣздіе Сѣверной Медвѣдицы. Оно показалось мнѣ нѣсколько выше и много ярче, чѣмъ у насъ, вѣроятно вслѣдствіе сухости и ясности воздуха. Столбы дыма надъ слободой, всѣ такіе же бѣлые и прямые, клубились вяло, какъ будто засыпали. По временамъ кто-нибудь въ этихъ спящихъ юртахъ просыпался отъ холода и подбрасывалъ дровъ. Тогда изъ трубы камелька бурно вырывался снопъ искръ, и дымъ, энергично клубясь, подымался къ небу, чтобы черезъ нѣкоторое время опять сравняться съ остальными. Гдѣ-то вдалекѣ, за рѣкой Амгой, раздавался частый и пронзительный крикъ сѣверной лисицы. Тогда собаки на слободѣ отвѣчали долгимъ протяжнымъ лаемъ, похожимъ на вой . . .

Морозъ сталъ щипать мнѣ щеки, и я понялъ, что тутъ нельзя безнаказанно любоваться красотами звѣзднаго зимняго неба. Я вошелъ въ юрту и улегся на оронѣ (лавкѣ подъ наклонными стѣнами), подъ самой льдиной окна. Когда я пога-

силъ свѣчу, три фосфорическихъ пятна странно выступили на темныхъ стѣнахъ. За ними опять мнѣ чудилась та же сверкающая ночь. Все мнѣ казалось фантастическимъ, проникнутымъ невѣдомой красотой и интереснымъ. Я думалъ объ истекшемъ годѣ, о томъ, куда меня теперь закинула судьба, о далекомъ Красноярскѣ, о сестрахъ Ивановскихъ, о далекихъ друзьяхъ и, кажется, долго еще улыбался во тьмѣ.

На утро Папинъ сказалъ мнѣ, что въ Амгѣ есть еще одинъ нашъ товарищъ политическій ссыльный и живетъ недалеко отъ насъ.

Это оказался Ахаткинъ, бывшій офицеръ и мой сожитель по вышневолоцкой политической тюрьмѣ, уѣхавшій съ первой партіей. Онъ былъ сосланъ за сношенія съ архангельскимъ кружкомъ Флеровскаго-Берви. У него были явственные признаки грудной болѣзни, кажется даже чахотки, и наши товарищи-доктора, Грабовскій и Даниловичъ, дѣлали самыя мрачныя предсказанія, если его сошлютъ въ Якутскую область. Папинъ, однако, на мой вопросъ о здоровьѣ Ахаткина, отвѣтилъ, что, вопреки ожиданіямъ, онъ чувствуетъ себя недурно, хотя ведетъ не совсѣмъ гигіеническій образъ жизни. Къ скудному казенному пособію (девять рублей въ мѣсяцъ при сильной дороговизнѣ) онъ прибавляетъ кое-что клейкой гильзъ, которыя сбываетъ мѣстнымъ священникамъ, торговцамъ и въ двѣ лавочки. Цѣлые

дни онъ съ замѣчательнымъ упорствомъ, не разгибая спины, клеитъ гильзы съ утра до вечера, а разъ или два въ мѣсяцъ позволяетъ себѣ довольно вредную роскошь. Получивъ деньги, покупаетъ у татаръ одну или двѣ бутылки водки, зоветъ къ себѣ кого-нибудь изъ веселыхъ собесѣдниковъ (преимущественно мѣстнаго дьячка, который славился тѣмъ, что его никто не могъ «перепить»), и они всю ночь напролетъ проводятъ за выпивкой. А на слѣдующее утро, опохмѣлившись, онъ принимается опять за ту же клейку гильзъ.

Онъ жилъ близко отъ Вайнштейна и Папина, и я въ то же утро рѣшилъ отправиться къ нему. На этотъ разъ я попалъ неудачно: Ахаткинъ только что закончилъ свое всенощное бдѣніе. На крыльцѣ юрты я увидѣлъ необыкновенно живописную фигуру, въ которой сразу угадалъ дьячка. Это былъ человѣкъ крупный, съ большой окладистой бородой и шапкой сѣдыхъ волосъ. Онъ стоялъ на морозѣ въ мѣховомъ подрясникѣ, но безъ шапки, жадно вдыхая богатырской грудью морозный воздухъ, и очевидно наслаждался.

— Здѣсь, кажется, живетъ Ахаткинъ. Могу я его видѣть? — спросилъ я.

Патріархъ посмотрѣлъ на меня внимательнымъ взглядомъ, слегка усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Живетъ-то онъ здѣсь, но видѣть его безполезно.

И опять легкая улыбка подернула его благообразное лицо.

— Почіетъ во дни скорби своея . . ., а впрочемъ, войдите.

Я вошелъ. Ахаткинъ съ желтымъ, блѣднымъ лицомъ лежалъ на лавкѣ прямо противъ жарко натопленнаго камелька. Онъ былъ въ валенкахъ, полушубкѣ и мѣховой шапкѣ. Я попробовалъ поздороваться, но увидѣлъ, что это дѣйствительно безполезно. Въ томъ, какъ онъ лежалъ противъ камелька, видно было чью-то заботливую руку, но все-таки спереди его жарило пламя камелька, — сзади сильно продувало сквозниками отъ плохо приставленныхъ льдинъ. На столѣ оставалось еще немного водки и стояли рыбныя закуски.

— На опохмелку будетъ, — сказалъ дьячокъ, окинувъ остатки пирушки взглядомъ знатока. — А теперь мнѣ пора. Прощайте.

И онъ степенно вышелъ. Ахаткинъ спалъ, какъ младенецъ, но лицо у него было страдальческое и изможденное.

И все-таки изъ Якутской области онъ уѣхалъ болѣе здоровымъ, чѣмъ пріѣхалъ сюда . . .

Когда я вернулся къ товарищамъ и разсказалъ о своей встрѣчѣ, Папинъ и Вайнштейнъ разсказали мнѣ, что дьячокъ этотъ — личность въ своемъ родѣ замѣчательная. Онъ былъ сосланъ въ Якутскую область по распоряженію . . . мѣстнаго архіерея. Въ свое время онъ былъ дьячкомъ въ одномъ изъ монастырей средней Россіи. Въ молодости онъ отличался необыкновеннымъ голосомъ, превосходнымъ знаніемъ службы и во-

обще большими способностями, но сильно пьянствовалъ еще въ семинаріи. Изъ семинаріи его исключили до окончанія курса, и онъ попалъ въ дьячки, вдобавокъ подъ начальство бывшаго товарища, большого тупицы, но покорнаго теленка и пролаза. Этотъ священникъ не могъ простить бывшему товарищу его насмѣшекъ въ семинаріи и любилъ при прихожанахъ поправлять его во время богослуженія. Поправлялъ по большей части не къ мѣсту. Однажды дьячокъ не вытерпѣлъ и на одно изъ замѣчаній отвѣтилъ громко во время службы:

— Кто бы поправлялъ, а то...

И онъ во время торжественнаго богослуженія привелъ неприличное прозваніе, которымъ товарищи семинаристы дразнили этого священника.

За это сначала онъ попалъ въ монастырь, но не ужился и тамъ. Разсказывали, что однажды онъ во время какой-то монастырской пирушки обобралъ въ кельяхъ всѣ иконы, навалилъ ихъ на салазки и стащилъ въ кабакъ. Тогда владычное долготерпѣніе истощилось, и на основаніи какихъ-то архаическихъ правилъ, по распоряженію архіерея, онъ былъ переданъ гражданскимъ властямъ для ссылки въ дальнія мѣста, какъ починковскій Левашевъ былъ сосланъ по просьбѣ отца.

Теперь онъ состарился и сильно остепенился. Держался онъ важно, какъ подобаетъ особѣ, до извѣстной степени напоминавшей Саваоѳа. У него было двѣ дочери уже взрослыхъ. Разсказы-

вали, что по временамъ и теперь «въ подпитіи» онъ позволялъ себѣ веселыя, даже кощунственныя пѣсни. Особенно удавался ему одинъ разговоръ монаха съ Богомъ. Монахъ лежитъ въ кабакѣ, въ сосѣдствѣ винной бочки, а Богъ его усовѣщеваетъ. Завязывается споръ, въ которомъ побѣдителемъ остается веселый монахъ.

Это пѣсню онъ позволялъ себѣ пѣть только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, во время всенощныхъ бдѣній съ Ахаткинымъ, и при слушателяхъ, въ которыхъ былъ увѣренъ. Вообще же онъ былъ чрезвычайно сдержанъ, никогда не забывался во хмѣлю и пользовался отличной репутаціей въ глазахъ духовнаго начальства и среди обывателей.

VIII.

СЛОБОДА АМГА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.

Въ Амгѣ я прожилъ три года. Не скажу, чтобы это былъ самый счастливый періодъ моей жизни. Самый счастливый наступилъ по возвращеніи изъ ссылки, когда вся моя семья опять соединилась, когда я женился на любимой женщинѣ и вошелъ въ литературу. Но что это былъ самый здоровый періодъ жизни, когда мы съ товарищами занимались земледѣльческимъ трудомъ, — это вѣрно.

Мнѣ приходится ознакомить читателя съ условіями, въ которыхъ я прожилъ эти три года.

Жители Амги называли себя «пагынаї», въ отличіе отъ якутовъ, которыхъ они называли «джякутъ». Названіе «пагынаї», которымъ они очень гордились, происходило отъ русскаго слова «пашенный», которое указывало на ихъ крестьянское происхожденіе. Говорили, что они переселены съ Амура генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, но должно быть это переселеніе совершилось ранѣе, — до такой степени они успѣли утратить черты русской народности. Мужчины еще говорили по-русски, хоть и съ сильнымъ якутскимъ акцентомъ. Женщины говорили только по-якутски и, порой понимая русскій языкъ и даже умѣя немного говорить на немъ, какъ будто стыдились говорить по-русски. Даже жена Васильева, порой заговаривавшая со мной по-русски, смолкала при постороннихъ и не могла мнѣ объяснить, почему она стыдится русскаго языка. Но всякій разъ лицо ея покрывалось краской, и она прекращала разговоръ, когда входили посторонніе или даже мужъ. Женщинѣ говорить по-русски считалось какъ будто неприличнымъ.

Бывшіе пашенные хранили воспоминаніе о своемъ происхожденіи и гордились имъ. Одинъ изъ нихъ, Захаръ Цыкуновъ (съ котораго я писалъ своего Макара), просилъ меня впослѣдствіи, когда я получилъ возможность вернуться въ Россію, прислать ему всю крестьянскую одежду, какъ носятъ въ Россіи. Передъ смертью онъ намѣре-

вался одѣться по-русски, чтобы явиться на тотъ свѣтъ, какъ прилично «пашенному».

Въ остальномъ они почти ничѣмъ не отличались отъ якутовъ: ходили въ церковь, но и якуты были тоже православные, и по воскресеньямъ у церковной ограды можно было видѣть привязанныхъ верховыхъ лошадей съ высокими якутскими сѣдлами.

На священниковъ амгинцы смотрѣли, какъ и якуты: это были православные шаманы, но только шаманы казались амгинцамъ сильнѣе. Жители Амги заключали это изъ того, что шаманы никогда не обращались въ случаѣ болѣзни къ помощи священника, тогда какъ священники звали къ себѣ порой шамановъ, и они призывали для исцѣленія православнаго священника языческія невидимыя силы. Шаманъ затапливалъ въ такихъ случаяхъ каминъ и затѣмъ, когда огонь выгоралъ и въ избѣ водворялась тьма, шаманъ начиналъ выкликать и бѣсноваться, при чемъ изба наполнялась странными голосами, звучавшими изъ разныхъ угловъ, а порой проносившимися надъ крышей. Всѣ шаманы искусные чревовѣщатели.

Кромѣ пашенныхъ, слобода была почти на половину заселена ссыльными татарами. Главный ихъ контингентъ были сибирскіе татары, переселенные откуда-то съ юга цѣлой деревней. Еще на дорогѣ до Иркутска мнѣ указывали такія деревни, населеніе которыхъ было снято съ мѣсть и выселено губернаторомъ кн. Васильчиковымъ

за грабежи по тракту. Еще въ то время, когда я проѣзжалъ этими мѣстами, многія избы стояли пустыми. Такъ же были выселены и амгинскіе татары. Потомъ къ первоначальнымъ поселенцамъ прибавляли отдѣльныя семьи съ юго-западной Сибири и даже изъ Уфимской и Оренбургской губерніи. Татары эти держались очень дружно и составляли одну воровскую шайку. Администрація заставляла амгинцевъ надѣлять ихъ землей и выдѣлять на ихъ долю часть покоса. Работники эти татары были хорошіе, но все же не довольствовались одной работой и то и дѣло прибѣгали къ подсобнымъ промысламъ въ видѣ воровства. Въ моемъ очеркѣ «Марусина заимка» я довольно точно описалъ сложившіяся на этой почвѣ отношенія между якутами и татарами. Все воровство татары вели, какъ общественное дѣло: собирали «мунакъ» (общественное собраніе) и на немъ обсуждали сколько-нибудь крупное воровское предпріятіе. Это дѣлалось на случай, если какое-нибудь изъ ряду выходящее воровство вызоветъ повальные обыски по татарскимъ дворамъ; тогда можетъ найтись многое уворованное раньше. Передъ вечеромъ по дорогѣ, мимо нашего двора къ лѣсу, тихонько пробирались татарскія подводы. Тогда мы знали, что татары готовятся къ какому-нибудь предпріятію и припрятываютъ ранѣе наворованное. Знали это и амгинцы, но какъ-то не умѣли защитить себя и только на слѣдующій день неожиданно узнавали о совершенной кражѣ.

Насъ татары не трогали. Они очень любили Папина. Онъ былъ по происхожденію донской казакъ. То и дѣло можно было видѣть, какъ онъ скакалъ по прямой амгинской улицѣ въ перегонку съ какимъ-нибудь татариномъ, при чемъ остальные татары смотрѣли взглядами знатоковъ на результаты гонки. Порой, проходя мимо татарскаго двора, можно было видѣть Папина съ трубкой въ зубахъ, съ глубокомысленнымъ видомъ оцѣнивающаго въ кружкѣ татаръ статьи какого-нибудь только-что приведеннаго конька, вѣроятно въ эту ночь украденнаго «въ якутахъ». Его мнѣнію о лошадяхъ татары придавали большое значеніе. Вѣроятно благодаря этому обстоятельству, у нихъ было постановлено у «государскихъ» не воровать. И дѣйствительно, намъ случалось уѣзжать на цѣлые вечера на заимку къ Васильеву, оставляя юрту на произволъ судьбы. И всегда, возвращаясь, мы находили все въ сохранности. Однажды только татары предупредили насъ, что на послѣднемъ мунакѣ у нихъ вышли раздоры. Нашлись несогласные съ обществомъ «подлецы», заведенный ладъ разстроился, и теперь, — говорилъ намъ нашъ сосѣдъ татаринъ, — вы тоже поберегайтесь: могутъ ограбить и васъ. Мы дѣйствительно поберегались, по очереди караулили по ночамъ, а одно время я даже спалъ на плоской крышѣ нашего «лѣтника». Положимъ, закончился этотъ караульный періодъ юмористической сценой. Было это весной. Солнце уже сильно пригрѣвало и на крышѣ уже

было довольно сухо. Я караулилъ ночью и проснулся довольно поздно. Оказалось, что мои товарищи рѣшили испытать мою чуткость. Они прежде всего вынули изъ-подъ головы револьверъ, затѣмъ, видя, что я не просыпаюсь, скатили меня на землю плоской крыши и утащили изъ-подъ головы подушку и полушубокъ. Только тогда я, наконецъ, проснулся. Картина, которую я при этомъ увидѣлъ, была для меня, какъ для сторожа, довольно безотрадна: кругомъ всѣ надъ сторожемъ смѣялись. Смѣялись товарищи, смѣялись сосѣди амгинцы и — что всего хуже — смѣялись также сосѣди татары.

Впрочемъ, скоро намъ пришли сказать, что несогласія среди татаръ кончились, и мы опять получили возможность оставлять юрту на цѣлые вечера подъ надзоромъ только собаки Цербера, который всегда сидѣлъ надъ входомъ, какъ статуя вѣрности, и встрѣчалъ наше возвращеніе ласковымъ лаемъ.

Однажды (это, кажется, было во вторую зиму моего пребыванія на Амгѣ) Васильевъ пришелъ сказать намъ, что татары затѣваютъ, повидимому, что-то грандіозное: амгинскіе крестьяне сильно встревожены ихъ приготовленіями и пришли предупредить его. Онъ на всю ночь выставляетъ около своей заимки караулы. Вечеромъ я вышелъ къ своей городьбѣ и прислушался. Въ слободѣ было слышно тихое движеніе и скрипъ полозьевъ. Ночь была темная. Изъ сумрака появилась фигура крестьянина сосѣда.

— Караулишь, Владиміръ? — тихо спросилъ онъ.

— Да, татары что-то затѣваютъ...

— Да, мы замѣчаемъ тоже: ѣздятъ куда-то уже нѣсколько ночей. А сегодня уѣхали на тридцати подводахъ. Ну, все-таки спи, ложись. Ничего ночью не будетъ... Поѣхали въ якуты... Вотъ что-то будетъ на утро.

На утро въ слободу съ гиканьемъ и дикими криками примчался цѣлый большой отрядъ якутовъ. Оказалось, что татары ограбили въ сосѣднемъ наслегѣ общественный хлѣбный магазинъ. Сдѣлано это было необыкновенно ловко. Татары проѣхали не обычной дорогой, а горами, для чего возобновили старую, еще екатерининскую дорогу, наскоро ее отремонтировавъ... Этимъ и объясняется движеніе въ слободѣ, которое мы слышали нѣсколько ночей подрядъ. Такъ какъ у якутовъ деревень нѣтъ, и общественные магазины стоятъ просто въ лѣсу, то татарамъ было не трудно подъѣхать къ такому магазину, выломать двери и увезти хлѣбъ. Къ разсвѣту хлѣбъ былъ уже въ Амгѣ и здѣсь канулъ, какъ въ воду.

Якуты заняли Амгу, точно завоеванную крѣпость. Они всѣмъ отрядомъ расположились на площади около церкви и оттуда, точно изъ главной квартиры, произвели набѣгъ на слободу, обыскивая всѣхъ подрядъ. Мы узнали, что, начавъ съ противоположнаго отъ насъ конца слободы, они уже обыскали Афанасьеву, мельника, теперь

обыскиваютъ начальника почтовой конторы Борисенко.

Этотъ Борисенко представлялъ фигуру чрезвычайно характерную. Худощавый, съ желчнымъ цвѣтомъ лица, необыкновенно гордившійся своимъ званіемъ, своимъ мундиромъ и шпагой. Къ своимъ обязанностямъ онъ относился съ изумительной простотой. Напримѣръ, посылки, присылаемыя на имя скопцовъ, онъ безъ церемоніи вскрывалъ, деньги, присылаемыя золотомъ, замѣнялъ бумажками и затѣмъ вступалъ съ адресатами въ торгъ, длившійся порой цѣлыя недѣли. Адресатъ требовалъ деньги или посылку, Борисенко старался выторговать побольше въ свою пользу. Жалобы на него не помогали. Въ мое время дѣло велось якутскими чиновниками очень откровенно, по поговоркѣ — воронъ ворону глазъ не выколетъ. Чиновникъ, въ особенности въ столкновеніи съ ссыльнымъ, всегда оказывался правъ. Однажды онъ такимъ же образомъ попробовалъ вскрыть посылку, адресованную Папину, но встрѣтилъ со стороны Папина такой отпоръ, что тотчасъ же выдалъ посылку, даже безъ формальностей полицейскаго осмотра.

Навстрѣчу якутамъ, привалившимъ къ нему съ обыскомъ, Борисенко вышелъ въ полной парадной формѣ, въ мундирѣ и со шпагой. Онъ кричалъ, что они не смѣютъ обыскивать чиновника, грозилъ жалобой, но разъяренные якуты хорошо знали о его воровскихъ продѣлкахъ со скопцами, и его протесты казались имъ тѣмъ

болѣе подозрительными. Какъ бы то ни было, онъ напрасно ходилъ вокругъ въ мундирѣ, помахивая смѣшной шпаженкой. Якуты сумрачно продолжали свое дѣло, предводимые своимъ писаремъ Лапчикомъ. Это былъ человѣкъ духовнаго происхожденія, жившій въ Амгѣ, фигура тоже довольно комичная. Во главѣ цѣлаго отряда разъяренныхъ якутовъ онъ ходилъ изъ дома въ домъ, не принимая никакихъ протестовъ. Обыскали даже священниковъ. Мы ждали у своихъ воротъ, рѣшивъ съ своей стороны не сопротивляться обыску, такъ какъ признавали за якутами право искать свой общественный хлѣбъ по горячимъ слѣдамъ.

Вотъ, наконецъ, они поравнялись съ нашимъ дворомъ. Впереди шелъ Лапчикъ, — человѣкъ низенькаго роста, полный, съ лицомъ, на которомъ въ данную минуту рисовалось сознаніе своей важности и силы. Поравнявшись съ нашимъ дворомъ, онъ вдругъ остановился. Подозвавъ къ себѣ нѣсколькихъ якутовъ, онъ о чемъ-то сталъ совѣщаться съ ними и потомъ привѣтливо махнулъ намъ рукой.

— Сохъ, нѣтъ! — крикнулъ онъ. — Эти не скроютъ.

— Сударскіе не надо, — подтвердилъ громко одинъ изъ якутовъ, и весь отрядъ провалилъ мимо.

Это еще болѣе оскорбило Борисенко, и въ своей жалобѣ онъ особенно подчеркивалъ то об-

стоятельство, что его, чиновника, обыскали, а государственныхъ преступниковъ не обыскивали.

Исторія эта въ свое время надѣлала много шума не только въ Амгѣ и ея окрестностяхъ, но и въ Якутскѣ. Вѣроятно якутамъ пришлось вести объясненія съ начальствомъ, сопровождаемыя аргументами, имѣвшими свою убѣдительность. Какъ бы то ни было, хлѣбъ, увезенный на тридцати двухъ подводахъ, исчезъ безслѣдно. Конечно, нагрянула полиція изъ Якутска, ходили по татарскимъ дворамъ, но ничего не нашли.

Въ своемъ очеркѣ «Марусина заимка» я довольно подробно описалъ эту войну татаръ съ окружавшими Амгу якутами. Неточность тамъ только одна: въ центрѣ этой борьбы стояло не то лицо, которое я тамъ выставилъ, а русскій, жившій въ самой Амгѣ и, правду сказать, не совсѣмъ доброкачественный. За этимъ отступленіемъ въ очеркѣ довольно вѣрно изображены отношенія воюющихъ сторонъ...

Между прочимъ, тамъ изображенъ эпизодъ съ двумя слѣпыми стариками изъ якутовъ. Они заработали тяжелымъ трудомъ (помолъ хлѣба на ручныхъ мельницахъ) теплыя покрывала на зиму. Татары ихъ украли, ограбивъ амгинскаго жителя, которому старики отдали свое сокровище на храненіе. Старики (мужъ и жена), держась за руки, шли по улицѣ слободы, и изъ незрячихъ глазъ по ихъ лицамъ текли слезы. Мнѣ попались они навстрѣчу, на нихъ же смотрѣли татары. Я былъ сильно взволнованъ этимъ зрѣлищемъ и, подойдя

къ одному изъ этихъ татаръ, нашему сосѣду, котораго, помнится, звали Александромъ, указалъ ему на стариковъ и сказалъ:

— Посмотри, Александръ... Хорошо сдѣлали ваши татары?

Должно быть было что-нибудь въ моемъ тонѣ, что его сильно задѣло.

Этотъ Александръ былъ человѣкъ, представлявшій для меня загадку. У него были прекрасные глаза, притомъ голубые, совсѣмъ не татарскіе. Онъ сильно интересовалъ меня и порой возбуждалъ во мнѣ симпатію. Онъ какъ будто невольно тяготѣлъ къ намъ и порой приходилъ «посидѣть». Въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ мало, а больше слушалъ, какъ будто вдумываясь въ слышанное. Въ его жизни было тоже большое горе. Всѣ знали, что онъ безъ ума влюбленъ въ свою жену, въ которой тоже не было ничего татарскаго. Она была очень красива, и всѣ знали, что она измѣняла мужу. Въ Амгѣ разсказывали, что, вернувшись съ какой-то ночной экспедиціи слишкомъ поспѣшно, онъ засталъ у себя муллу, стараго и очень некрасиваго. Онъ чуть не убилъ его, но женѣ не мстилъ и попрежнему находился у ней въ полномъ подчиненіи. Порой онъ приходилъ къ намъ пьяный, бормоча что-то, и видимо въ очень тяжеломъ настроеніи. Однажды онъ сказалъ, положивъ руки мнѣ на плечи:

— Какіе вы люди? Я не знаю, какіе вы люди... А я вотъ какой человѣкъ: кабы мнѣ не

жена, — давно бы я каторгу себѣ заработалъ...

Очевидно, «заработать каторгу» онъ считалъ достоинствомъ, доказывавшимъ удаль. Однажды при немъ заговорили объ одномъ богатомъ якутѣ, жившемъ очень «людно». Татары давно подбирались къ его богатому дому, но все неудачно. Народу у него жило много, и было очень опасно взламывать у него амбары. Александръ слушалъ эти толки, и глаза его вдругъ сверкнули.

— А я знаю, что нужно сдѣлать... Подпалить юрту... Якуты станутъ выскакивать въ дверь, а у двери поставить двухъ человѣкъ съ топорами. Какъ выскочитъ, такъ и прикончить.

И его глаза сверкали одушевленіемъ изобрѣтателя. И я не увѣренъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ не выполнилъ бы этого своего изобрѣтенія.

И вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой темной душѣ жили движенія совсѣмъ другого рода. Когда я попрекнулъ татаръ слѣпыми стариками, онъ, очевидно, нѣсколько дней находился подъ впечатлѣніемъ этого упрека. Наконецъ, однажды онъ привелъ ко мнѣ семью татаръ, выселившихся въ Амгу изъ сосѣдняго улуса. Подъ впечатлѣніемъ войны между татарами и якутами, — якуты перестали имъ давать работу и равнодушно смотрѣли, какъ старики и дѣти слабѣли отъ голода. Семьѣ не оставалось ничего болѣе, какъ притащиться въ Амгу, явиться на крестьянскій сходъ и швырнуть имъ своихъ стариковъ и дѣтей. Теперь Александръ пришелъ ко мнѣ, привелъ одного изъ

этихъ несчастливцевъ и спросилъ у меня, сверкая глазами:

— Слушай, Владиміръ . . . А это, скажешь хорошо?..

Я не могъ, конечно, сказать, что это хорошо. Передо мной ясно встала жестокая трагедія этой жизни, которая путемъ суровыхъ уроковъ превращаетъ симпатичныхъ по натурѣ людей въ разбойниковъ.

Конечно, не всѣ среди татаръ были такія яркія фигуры. Рядомъ съ нами была юртенка Туфея, или, какъ его чаще называли, Туфейки. Это былъ худой, истощенный человѣкъ съ бѣгающими глазами мелкаго воришки, и часто мы видѣли, какъ онъ ночью прокрадывался мимо нашего двора, увозя въ лѣсъ ворованное имущество (можетъ быть даже ворованное не имъ). Его баба была такая же худая и истощенная, какъ и онъ, и дѣти бѣгали лѣтомъ, какъ хищные звѣрки, промышлявшіе случайной добычей. Здѣсь уже очевидно исчезала индивидуальная отвѣтственность и вступалъ въ силу вопросъ: ну, а какъ же имъ быть? Было жаль крестьянъ и якутовъ, жаль до такой степени, что порой и мы ожесточались и готовы были принять участіе въ борьбѣ... Но... было жаль и иныхъ татаръ... И настроеніе невольно обращалось къ тому, что привело насъ сюда, то-есть къ измѣненію соціальнаго строя . . . Обѣ стороны признавали нашъ авторитетъ въ этой борьбѣ. Можно сказать опредѣленно, что въ мое время слова: «государственный

преступникъ», или, въ сокращеніи, просто «преступникъ» были до извѣстной степени лестнымъ званіемъ. Однажды мнѣ случилось слышать, какъ одинъ амгинскій обыватель, заспоривъ съ однимъ изъ политическихъ ссыльныхъ, который, по его мнѣнію, поступилъ съ нимъ неправильно, сказалъ съ непередаваемымъ выраженіемъ укоризны:

— А еще называетесь преступникъ!..

IX.

АМГИНСКІЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ.

Въ Амгѣ были два «магазина». Одинъ изъ нихъ принадлежалъ Татьянѣ Андреевнѣ Афанасьевой, съ которой я вскорѣ познакомился черезъ товарищей, у которой училъ дѣтей и съ семьей которой до сихъ поръ поддерживаю дружескія сношенія.

Другая лавка принадлежала поляку Вырембовскому. Это былъ честный и добрый человѣкъ, попавшій на каторгу за возстаніе и отбывавшій ее также въ Нерчинскѣ съ Чернышевскимъ. Казалось, теперь у него не было ничего общаго съ прежними молодыми увлеченіями. Это былъ прозаическій человѣкъ, низенькаго роста, съ большими опущенными внизъ усами. Ходилъ онъ постоянно въ валенкахъ и, казалось, думалъ только о своихъ торговыхъ дѣлахъ. Всѣ знали при этомъ, что Вырембовскій человѣкъ глубоко

честный, никого не обидитъ, на слово котораго можно положиться, какъ на каменную гору; порой подъ его старопольскими усами являлась улыбка, добрая, но слегка ироническая. Мнѣ всегда казалось, что она отложилась въ лицѣ Вырембовскаго, какъ результатъ его отношенія къ своей жизни, — жизни трезваго и практическаго человѣка, разъ поддавшагося фантастическимъ увлеченіямъ, которыя и закинули его на край свѣта...

Если упомянуть еще объ одномъ торговцѣ, который, однако, своей лавки не имѣлъ и велъ какія-то дѣла съ тунгусами изъ тайги, то затѣмъ мнѣ придется отмѣтить еще мельника, у котораго, въ противоположномъ отъ насъ концѣ слободы, была деревянная мельница съ коннымъ приводомъ. Онъ считался у якутовъ представителемъ особой мудрости, дававшей ему возможность перемалывать невѣроятное количество муки. Якуты находятся еще въ той стадіи культуры, когда всякое ремесло считается чуть не колдовствомъ. Мнѣ случилось въ улусѣ видѣть двухъ кузнецовъ. Они считались вмѣстѣ съ тѣмъ и врачами, и колдунами.

Затѣмъ въ качествѣ представителей культурнаго общества мнѣ придется упомянуть только о священникахъ. Ихъ было два. Одинъ былъ мѣстный уроженецъ, сынъ попика Ивана, о которомъ мнѣ приходилось упомянуть въ «Снѣ Макара». Этотъ попъ Иванъ былъ необыкновенно добрый человѣкъ; о немъ въ Амгѣ сохрани-

лась наилучшая память. Но у него былъ одинъ недостатокъ: онъ былъ горькій пьяница. Разъ въ пьяномъ видѣ онъ свалился въ пылающій камелекъ и сгорѣлъ. Сынъ его былъ необыкновенно благообразенъ, но и необыкновенно тупъ. Разсказывали, что якутскій архіерей, жившій въ монастырѣ подъ Якутскомъ, считалъ своимъ долгомъ посвятить сына попа Ивана во священники. Этотъ архіерей былъ необыкновенно толстъ и въ такой же степени добродушенъ. Въ немъ повидимому бродили какія-то идеи. Нѣкоторымъ священникамъ онъ рекомендовалъ познакомиться съ каракозовцами, Страденко и Юрасовымъ, рекомендуя ихъ, какъ замѣчательно умныхъ людей, у которыхъ можно многому научиться. Эта просвѣтительная экскурсія закончилась довольно оригинально: священникъ доказалъ, что онъ умнѣе Страденко тѣмъ, что успѣлъ надуть его на какомъ-то подрядѣ. Посвящая благообразнаго сына попика Ивана, благодушный архіерей не разъ восклицалъ громогласно въ сердечномъ сокрушеніи на всю церковь:

О, Господи, Господи! Взыщешь ты съ меня недостойнаго за то, что я такого тупицу (онъ выразился еще рѣзче) ставлю пастыремъ и наставникомъ...

Теперь отецъ Николай нѣсколько уже лѣтъ былъ священникомъ въ Амгѣ, изучилъ обыкновенныя службы, а въ экстренныхъ случаяхъ пользовался содѣйствіемъ дьячка. Жители къ нему относились въ память отца благодушно,

тѣмъ болѣе, что голосъ у него былъ очень хорошій и служилъ онъ благолѣпно.

Другой священникъ, настоятель церкви, былъ человѣкъ худощавый, желчный и нездоровый. Волосы у него были жидкіе, при чемъ разсказывали, что ихъ значительно разрѣдилъ какой-то дьячокъ въ церкви, гдѣ онъ служилъ раньше, подравшись со своимъ настоятелемъ въ пьяномъ видѣ. Священникъ сгоряча написалъ на дьячка жалобу и, приложивъ къ жалобѣ прядь волосъ, послалъ все это къ архіерею. Благодушный архіерей призвалъ обоихъ и въ довольно суровомъ увѣщаніи склонилъ къ «евангельскому» миру.

Порой духовенство, по случаю, напримѣръ, именинъ, устраивало у одного изъ священниковъ попойки, и намъ случалось бывать на такихъ празднествахъ. Отъ татарской водки, настоенной вдобавокъ на табакѣ, всѣ быстро пьянѣли. Особенно слабъ бывалъ самъ настоятель. Подобравъ полы рясы, онъ пускался въ плясъ, выдѣлывая ногами удивительные курбеты. Младшій священникъ Николай игралъ при этомъ на скрипицѣ, сохраняя то же невозмутимое выраженіе на своемъ благообразномъ лицѣ, а великолѣпный, знакомый уже мнѣ дьячокъ, на котораго совершенно не дѣйствовала водка, укоризненно поматывалъ своей головой и говорилъ:

— Ахъ, батюшка, батюшка!.. Нѣтъ на тебя матушки... Была бы жива, задрала бы она на тебѣ ряску-то, да всыпала бы горячихъ... При-

лично ли пастырю производить этакіе неблаголѣпные выкрутасы.

Священникъ становился противъ него и отвѣчалъ съ большимъ сокрушеніемъ и горестью:

— Молчи, дьяче, молчи! Нѣтъ матушки и къ тому уже не будетъ. — И по лицу его текли слезы.

А отецъ Николай продолжалъ пиликать на скрипицѣ. Въ общемъ такія вечеринки наводили на насъ тоску, пока не наступалъ единственный номеръ, дѣйствительно яркій и очень характерный. Это былъ приходъ двухъ настоящихъ артистовъ изъ уголовныхъ ссыльныхъ. Одинъ былъ глубокій басъ, другой высочайшій теноръ. Оба они были неразлучны и, когда бывали въ Амгѣ, то приходили на вечеринки вмѣстѣ. Я тогда же зарисовалъ обоихъ. Басъ былъ необыкновенно лохматъ и плотенъ; теноръ худой, съ маленькой головкой на тонкой шеѣ. Особенный эффектъ производилъ въ ихъ исполненіи какой-то старинный романсъ нравоучительнаго свойства. Начинался онъ словами:

Среди игры, среди забавы . . .
Среди благо-благо-благополучныхъ дней. . .

Начало это выводилъ теноръ на самыхъ высокихъ нотахъ. Потомъ рокоталъ басъ:

Среди богатства, чести, славы,
Къ полной ра-ра-радости своей-е-ей . . .

И это «ра-ра-ра» звучало, какъ громъ, заполняя всю комнату, отдаваясь во всѣхъ углахъ.

Послѣ этого вмѣшивался опять теноръ, и оба голоса вмѣстѣ гремѣли, далеко вырываясь за предѣлы поповскаго дома на морозный воздухъ. Казалось, квартира священника превращалась въ какой-то гремящій улей. Звуки неслись... далеко по лугамъ, привлекая вниманіе одинокихъ путниковъ. У порога поповской гостиной собиралось все населеніе поповскаго дома, — прислуга, работники, работницы. Они тянулись другъ изъ-за друга, вытягивая шеи. Порой среди нихъ появлялся проѣзжій якутъ, въ своемъ плисовомъ кафтанѣ съ приподнятыми рукавами, и въ остроконечной шапкѣ. Онъ тоже жадно, не безъ удивленія ловилъ неслыханные звуки. Якуты не знаютъ не только хорового пѣнія, но я не слыхалъ у нихъ даже дуэта. Они поютъ только въ одиночку и то не полнымъ голосомъ, горловыми всхлипываніями. Не мудрено, что дуэтъ, да еще такой громоподобный, привлекалъ вниманіе якутовъ. Порой артисты даже сами уходили «въ якуты», прослышавъ о свадьбѣ или какой-нибудь пирушкѣ. Тамъ опять гремѣло «Среди игры, среди забавы». Якуты, конечно, не понимали поэзіи этой пѣсни, сочиненной навѣрное какимъ-нибудь духовнымъ піитой. Но они отдавались теченію гармоническихъ звуковъ... Послѣ игры и забавы наступали превратности, судьба преслѣдовала человѣка все грознѣе, басъ становился все могущественнѣе и глубже, теноръ вскрикивалъ все отчаяннѣе. Казалось, не оставалось мѣста ни малѣйшему утѣшенію... Но

вдругъ мотивъ опять смягчался, и теноръ мягко, утѣшительно вводилъ первоначальныя ноты: «Среди игры, среди забавы» . . . Буря постепенно, гармоничными нотами сходила опять на игры и забавы, и всѣ звуки изъ бездны отчаянія взбирались опять на высоты гармоніи.

Я уже сказалъ, что пѣвцы были настоящіе артисты, и это была ихъ любимая пѣсня. Было очевидно, что они сами увлекались и увлекали слушателей. Слава ихъ гремѣла далеко за предѣлами Амги. О нихъ извѣстно было въ Якутскѣ, въ архіерейскомъ хорѣ, откуда басъ получалъ неоднократныя приглашенія. Но, вѣрный дружбѣ, онъ не соглашался поступить въ хоръ иначе, какъ вдвоемъ съ теноромъ. Однако, — даже искренняя дружба порой измѣняетъ: въ одинъ прекрасный день басъ соблазнился, оставилъ своего компаньона и исчезъ. Трудно себѣ представить всю глубину несчастья, въ которомъ послѣ этого очутился теноръ. Случилось это около Пасхи, и онъ явился ко мнѣ въ отсутствіе моихъ товарищей. Онъ показался мнѣ еще худѣе и тоньше, и — прямо попросилъ водки . . . Не могу безъ угрызеній совѣсти вспомнить, что я ему отказалъ. Я предложилъ ему всякой пасхальной снѣди, посадилъ его за столъ и сталъ угощать. Онъ сѣлъ, въ надеждѣ, что я смилостивлюсь и поднесу ему водки. Но я предлагалъ все, что угодно, но водки не давалъ. Не помню каковы были причины этой жестокости. Можетъ быть у меня тогда дѣйствительно не было водки, а мо-

жетъ быть меня удерживалъ просто жестокій молодой ригоризмъ. Какъ бы то ни было, я предлагалъ все, что угодно, но водки не давалъ. Онъ смотрѣлъ на меня жалостнымъ взглядомъ и потомъ, внезапно поднявшись изъ-за стола, повалился мнѣ въ ноги.

— Милостивецъ, — сказалъ онъ, глядя на меня жестоко страдающимъ, потухшимъ взглядомъ умирающаго, — я пищи теперь совсѣмъ не потребляю... Водки мнѣ, водки... Хоть рюмочку небольшую... махонькую...

Мнѣ хочется думать, что причина моей жестокости была уважительная. Папина и Вайнштейна тогда, вспоминаю, дома не было. Они уѣхали къ недальнимъ товарищамъ, а для себя я водки не покупалъ никогда. Мнѣ хочется думать это, — иначе я не могу простить себѣ этой жестокости. Помню, однако, что онъ поднялся съ полу, отказался отъ угощенія и, шатаясь, вышелъ изъ юрты. Вскорѣ онъ исчезъ изъ Амги, дуэты смолкли и объ артистахъ я больше не слышалъ.

X.

МОЕ ОТДѢЛЬНОЕ ЖИЛЬЕ.

Однако мнѣ приходится вернуться нѣсколько назадъ, къ первымъ днямъ моего пребыванія въ Амгѣ.

Я рѣшилъ поселиться отдѣльно отъ товарищей. Наша юрта была довольно тѣсная, и я на-

шелъ въ Амгѣ урокъ: первая Т. А. Афанасьева стала посылать ко мнѣ своего сынишку. За нею послѣдовалъ мальчикъ вдоваго священника, и, наконецъ, третьимъ моимъ ученикомъ былъ сынъ торговца безъ лавочки. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось порою уединиться, чтобы набросать замѣтку или занести въ дневникъ какое-нибудь новое явленіе. Поэтому я спросилъ у товарищей, не найдется ли по близости отъ нихъ какая-нибудь отдѣльная юртешка.

Такая вскорѣ нашлась. Это была нежилая юрта, довольно большая для одного, на самомъ краю слободы. Она была въ полуверстѣ отъ юрты товарищей, и я нанялъ ее у хозяина за три рубля въ годъ. Хозяинъ былъ очень симпатичный мѣстный крестьянинъ, отъ своего «пашеннаго» прошлаго сохранившій слѣды усовъ и бороды, которую онъ тщательно сбривалъ косаремъ. Онъ самъ не жилъ въ этой юртѣ, — семья у него была большая, — поэтому юрта давно не ремонтировалась. Она отдѣлялась отъ жилья товарищей двумя-тремя дворами сосѣдей и пустыремъ... Дальше была околица, слободской коловоротъ въ концѣ длинной улицы и дорога лугами. Въ юртѣ была даже русская печь и окна со стеклами, правда слишкомъ мелкими и вставленными въ берестяныя рамы. Вскорѣ я предпочелъ вставить льдины, такъ какъ на стекла намерзало столько инея, что они становились совершенно непроницаемыми для свѣта. Печка тоже была съ большими неудобствами: она садилась назадъ,

отчего въ трубѣ образовалась трещина. Трещина все расширялась, и въ юрту пыхалъ изъ нее дымъ, а порой и пламя. Мнѣ приходилось часто ее замазывать глиной. Кромѣ того, когда я сталъ чаще топить ее, чтобы выгнать холодъ изъ намерзшихъ угловъ, вся юрта стала разсѣдаться; при этомъ она то кряхтѣла, какъ старуха, то издавала другіе странные звуки, то изъ нея что-то сыпалось. Приходившіе ко мнѣ посѣтители находили порой, что жить въ этой юртѣ прямо опасно, но я относился къ кряхтенію старушки съ молодой безпечностью. Засыпать мнѣ приходилось подъ ея шопотъ и говоръ, особенно, когда днемъ я затапливалъ печку. Но это бывало не каждый день.

Утро я обыкновенно проводилъ у товарищей. Затѣмъ приходилъ къ себѣ на время уроковъ съ мальчиками, а потомъ опять уходилъ къ товарищамъ обѣдать и часто оставался до вечера. До сихъ поръ помню ощущеніе легкой жути, когда я одинъ возвращался въ свою пустую юрту. По слободѣ послѣ моего пріѣзда пошли слухи о моемъ богатствѣ. Поводомъ для этого послужило, во-первыхъ, привезенное съ собой лохматое байковое одѣяло; во-вторыхъ, то, что я тотчасъ же послѣ пріѣзда купилъ лошадь. Объ этихъ слухахъ меня предупреждали доброжелатели крестьяне, и каждый разъ, когда я входилъ въ затѣненныя сѣни, мнѣ невольно приходила въ голову летучая мысль: не ждетъ ли меня уже кто-нибудь въ этой молчаливой, какъ будто притаившейся

пустотѣ... Затѣмъ я затапливалъ камелекъ, въ юртѣ становилось свѣтло и весело, и всякая тѣнь опасенія исчезала. Пока каминъ топился, я писалъ что-нибудь за столомъ, потомъ закрывалъ камелекъ, для чего приходилось лазить на плоскую крышу. При этомъ я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться величественнымъ зрѣлищемъ неба. Передо мной, такъ какъ моя юрта стояла на краю возвышенія, на которомъ стояла слобода, разстилалась обширная равнина, за нею рѣка Амга и далѣе крутой кряжъ горъ искрился подъ луной и звѣздами. Порой я невольно прислушивался къ тихимъ шорохамъ ночи... Скрипитъ полозъ... Должно быть татаринъ пробирается «въ якуты» для какой-нибудь воровской экспедиціи. Чьи-то запоздалые шаги скрипятъ по снѣгу; это какой-нибудь уголовный ссыльный идетъ въ слободу изъ улуса... Лаютъ собаки...

На этой крышѣ, подъ тихо продувающимъ холоднымъ вѣтромъ, я понялъ истинное значеніе русскаго выраженія «трескучій морозъ». Однажды, когда я стоялъ и любовался ночью, мнѣ послышался какой-то трескъ. Я невольно обернулся въ ту сторону. Тогда и трескъ послышался съ другой стороны. Я, наконецъ, понялъ: это замерзало мое дыханіе, точно вблизи ворочали сухое сѣно.

Порой по вечерамъ у меня сидѣли товарищи или кто-нибудь изъ амгинцевъ. Особенно любилъ я посѣщенія хозяина моей юрты, по имени,

кажется, Александра. Это былъ умный и пріятный крестьянинъ, отличавшійся необыкновеннымъ чутьемъ погоды. Однажды, я попросилъ у него сѣдло.

— А когда поѣдешь? — спросилъ онъ.

— Завтра съ утра.

— Сѣдло я дамъ, но куда же ты поѣдешь въ дождь?

Дѣло было лѣтомъ. Стояли жары, и на небѣ не было видно ни облачка. Я засмѣялся. И однако на слѣдующій день около полудня дѣйствительно пошелъ дождь, и я вымокъ до нитки.

— Спроси у Александра. Онъ знаетъ, — говорили порой амгинцы. Я любилъ разговаривать съ Александромъ. Мнѣ нравилась его спокойная манера, нравились и самыя сужденія.

Въ этотъ вечеръ я поставилъ свой самодѣльный жестяной самоварчикъ, тотъ самый, изъ котораго я угощалъ еще починковцевъ. Мы сидѣли и бесѣдовали, какъ вдругъ моя юрта крякнула вдругъ такъ своеобразно, что Александръ вскочилъ.

— Слушай, Владиміръ, — сказалъ онъ съ безпокойствомъ. — Лучше же я добуду откуданибудь твои три рубля и отдамъ тебѣ . . . Эта юрта провалится.

Внимательно вслушавшись, онъ настоялъ, чтобы я перебрался на слѣдующій же день. Такъ какъ и по моему мнѣнію Александръ зналъ то, о чемъ говорилъ, то я послушался.

Признаться, мнѣ было жаль покидать мою юрту. Я въ ней провелъ уже три-четыре мѣсяца и успѣлъ свыкнуться съ нею. По вечерамъ мнѣ было пріятно писать въ уединеніи, среди полной тишины, за ея столомъ. По утрамъ — заниматься съ мальчиками. Я уже сказалъ, что ихъ было трое. Первый былъ сынъ Т. А. Афанасьевой. Сынъ русской и якута, — онъ былъ похожъ на якутенка лицомъ и подвиженъ, какъ обезьянка. Каждый день онъ пріѣзжалъ верхомъ за спиной работника. Работникъ оставался на лошади, а Ганя тотчасъ же спускался съ лошадинаго круна. При этомъ онъ безъ церемоніи становился ей на заднія ноги, а порой еще какъ-то особенно юмористически держался за ея хвостъ. Такъ же онъ влѣзалъ на лошадь послѣ урока. Якуты вообще довольно бойки, сообразительны и среди другихъ инородцевъ играютъ роль торговцевъ. Ганя никогда не задумывался въ отвѣтахъ. Удачно или неудачно, — онъ отвѣчалъ сразу, схватывая все на лету, и во всѣхъ затѣяхъ игралъ первую роль. Когда между татарами и якутами обострилась вѣчная война, — онъ всегда первый, ворвавшись ко мнѣ, сообщалъ ея послѣднія новости. Иногда эти новости сообщались въ такой оригинальной формѣ, мальчики на перебой сыпали такими своеобразными сужденіями, что у меня являлось желаніе немедленно записать эти разговоры и я очень жалѣю, что у меня они затерялись. Общее сочувствіе мальчиковъ было на сторонѣ якутовъ и ихъ предводителя. Однажды они

наперебой засыпали меня сообщеніями о происшествіяхъ послѣдней ночи: татары отправились въ экспедицію въ ближайшій наслегъ. Якуты сдѣлали засаду, напали на ихъ лошадей, поставленныхъ въ сторонѣ, и отбили одну лошадь. Извѣстному удальцу, моему знакомому Александру, пришлось вернуться изъ экспедиціи пѣшкомъ. Все это стало извѣстно въ слободѣ, и мальчики разсказывали съ увлеченіемъ про эту удачу якутовъ.

— Учи-ти-иль . . . — спрашивалъ одинъ изъ мальчиковъ, — какъ вы думаете: это онъ ихъ научилъ, чтобы сдѣлали засаду?

Онъ — это русскій предводитель, жившій въ Амгѣ.

— Онъ, — подхватилъ Ганя, — непремѣнно онъ . . . Правда, онъ это хорошо сдѣлалъ, учити-иль?

Руководитель якутовъ въ этой борьбѣ возбуждалъ истинный восторгъ моей маленькой школы. Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ ночей татары осторожно подъѣзжали къ якутскимъ юртамъ и кричали издали, чтобы тѣ отдали коня . . .

— Не отдадутъ, потому что они его уже съѣли . . . — рѣшительно сказалъ Ганя. — Зарѣзали и съѣли на своемъ собраніи. И какъ это Александръ сплоховалъ? Теперь всѣ надъ нимъ смѣются, а онъ тоже храбрый молодецъ . . . Правда, учити-иль? Александръ тоже удалой добрый молодецъ, какъ это говорится въ сказкѣ.

Едва ли какому-нибудь учителю въ Россіи приходилось имѣть дѣло съ такими мотивами... Борьба шла начистоту, и вопросы удали и силы покрывали другіе мотивы, которые я старался ввести въ ихъ кругозоръ.

Когда я выбрался изъ юрты Александра, то сначала мальчики пріѣзжали въ жилье товарищей, а потомъ я нашелъ болѣе удобное помѣщеніе у Захара Цыкунова (съ котораго я написалъ впослѣдствіи своего Макара). Это былъ пашенный, женатый на якуткѣ. У нихъ была маленькая дочка. Жилье ихъ состояло изъ юрты и русской избы съ плоской крышей. Сами они жили въ юртѣ съ коттономъ (отдѣлъ для хлѣва), а русскую избу съ прямыми стѣнами и широкими окнами сдавали мнѣ. Отношенія Захара съ женой якуткой были очень оригинальны. Они никогда не дрались, но порой ругались при помощи... пѣсенъ. Начинала всегда жена. У нея было много поводовъ для огорченія: Захару нерѣдко случалось выпивать такъ, что она узнавала объ этомъ только послѣ того, какъ буланка привозилъ хозяина отъ татаръ совершенно пьянымъ. Если порой онъ привозилъ бутылку татарской водки и угощалъ ее, она сначала была весела и привѣтлива, но потомъ вспоминала прежнія обиды и начинала выпѣвать всѣ его прегрѣшенія. Порой они ложились мирно, но когда начинали засыпать, то вдругъ раздавалось почти истерическое всхлипываніе, и я изъ своей комнаты слы-

шалъ, какъ якутка начинала пѣть жалобно и протяжно. Захаръ пытался возражать ей все такъ же нараспѣвъ, но вскорѣ принужденъ бывалъ сдаться. Въ особенности памятенъ мнѣ одинъ такой вечеръ. Помнится, это было подъ Рождество. Захаръ ради наступающаго праздника привезъ бутылку водки, и супруги совершенно мирно роспили ее. Потомъ такъ же мирно улеглись. Но послѣ нѣкотораго молчанія жена начала всхлипывать, и вскорѣ полились звуки якутской пѣсни. Тогда я уже понималъ по-якутски и съ любопытствомъ прислушался. Жена пѣла, что напрасно она пошла за пашеннаго. Лучше бы вышла за якута. Онъ не сталъ бы такъ пьянствовать тайно отъ жены и ей было бы веселѣе. Захаръ возражалъ также пѣсней. Захлебываясь и всхлипывая, онъ пѣлъ, что можетъ и онъ нашелъ бы жену получше. Но въ его голосѣ не было увѣренности. Дѣйствительно, его прегрѣшенія значительно превышали то, въ чемъ онъ могъ упрекнуть жену. Кромѣ того, онъ не владѣлъ пѣсней такъ свободно, какъ его благовѣрная. Поэтому его голосъ становился все тише, ея рулады, наоборотъ, все истеричнѣе и громче. Тогда онъ грозилъ мною. Вотъ «нюче» (русскій) за дверью все слышитъ и не дастъ якуткѣ обижать пашеннаго... И все это происходило какъ будто во снѣ. Съ закрытыми глазами она выпѣвала свои жалобы, съ закрытыми же глазами онъ возражалъ. Только въ тотъ вечеръ подъ Рождество дѣла моего бѣднаго Захара стали такъ плохи, что онъ, наконецъ,

появился на моемъ порогѣ. Глаза его были сильно заплаканы.

— Владиміръ, — сказалъ онъ, — зачѣмъ ты даешь якуткѣ обижать меня... Она совсѣмъ выгнала меня изъ юрты. Прикрикни на нее. Она испугается.

Онъ былъ такъ жалокъ, что я подошелъ къ порогу и сказалъ, хотя довольно ласково:

— Тытыма (замолчи), Лукерья (кажется, ее звали такъ)... Будетъ тебѣ обижать мужа.

И она сразу смолкла. Но вмѣсто нея раздались всхлипыванія дѣтскаго голоса. Маленькая дочь ея въ свою очередь пѣла сквозь сонъ. Якутская пѣсня вообще производитъ жалобное впечатлѣніе, но я не знаю, съ чѣмъ сравнить этотъ дѣтскій голосокъ, вплетавшійся въ пѣсенныя переругиванія родителей.

Что она пѣла, я не могъ разобрать...

XI.

УЛУСНИКИ.

Такъ мы называли между собою товарищей, политическихъ ссыльныхъ, разбросанныхъ вокругъ Амги, невдалекѣ, а порой и далеко отъ слободы по отдѣльнымъ якутскимъ юртамъ. Они невольно тяготѣли къ слободѣ, являясь къ намъ довольно часто за покупками, а порой и просто для того, чтобы отвести душу.

Первымъ изъ такихъ улусниковъ явился въ слободу Ананій Семеновичъ Орловъ, котораго я встрѣтилъ въ якутскомъ острогѣ. Онъ явился довольно скоро послѣ моего пріѣзда, и мы встрѣтились, какъ знакомые. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ чисто русскимъ, нѣсколько скуластымъ лицомъ, съ большой бородой, закрывавшей всю грудь, и чрезвычайно добродушный. Онъ писалъ стихи, довольно, правду сказать, плохіе, и очень сердился, что мы не признаемъ его поэтомъ. Онъ приписывалъ это предразсудку: поэтъ, дескать, по нашему мнѣнію, долженъ быть отмѣченъ перстомъ судьбы, а онъ для насъ является человѣкомъ обыкновеннымъ. Однажды, чтобы испытать насъ, онъ принесъ намъ стихотвореніе Надсона, выписанное изъ послѣдняго журнала, выдавъ его за свое. Онъ торжествовалъ заранѣе, предвидя, какъ мы его забракуемъ, и былъ очень удивленъ, когда я не только опредѣленно сказалъ, что это написано не имъ, но даже назвалъ вѣроятнаго автора.

За что былъ арестованъ этотъ человѣкъ — настоящее олицетвореніе благодушія, — я теперь сказать не могу. Онъ былъ телеграфистъ. Арестъ его произошелъ въ одномъ изъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ, и онъ очень колоритно разсказывалъ о своемъ пребываніи въ тюрьмѣ этого города. Тюремнымъ надсмотрщикомъ былъ у него старикъ, николаевскій солдатъ, очень добродушный, относившійся къ нему такъ же, какъ къ Цыбульскому относился старикъ надзиратель

Литовскаго замка, то-есть покровительственно и нѣсколько тиранически.

— Парень ты, я вижу, хорошій, а на службѣ не ужился, даже въ тюрьму, вишь, попалъ... Какъ же это такъ?

Орловъ пытался объяснить, за что онъ попалъ въ тюрьму: правительство притѣсняетъ всю Россію, а мы, дескать, пытаемся освободить народъ.

Старикъ снисходительно слушалъ, улыбаясь, точно на ребяческія бредни.

— Значитъ, вы супротивъ царя... Та-акъ! Глупые вы люди, ничего не понимающіе... А ежели царь пошлетъ супротивъ васъ войски... Мало ли ихъ у него?..

Орловъ начиналъ объяснять, что войска — тоже народъ, что пропаганда проникаетъ уже и въ войска, и приводилъ примѣры.

— Ка-акъ, значитъ вы уже бунтовать и войски!... Ну, когда такъ, ступай въ камеру. Будетъ, тебѣ гулять, посиди, когда такъ, за рѣшеточкой! Ты вотъ какой: войски бунтовать!... Посиди, посиди, а то бы и еще погулялъ.

И онъ, гремя ключами и ворча, загонялъ Орлова въ камеру.

Кромѣ этого жанроваго разсказа, я ничего отъ Орлова о его дѣлѣ не слышалъ. Думаю, что и серьезнаго дѣла никакого не было: правительство въ своемъ отношеніи къ революціонному движенію не шло дальше философіи этого надзирателя, съ тоій оговоркоій, что это была философія

добродушнаго человѣка, а правительство прибавляло къ ней много жестокости.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Орловъ часто посѣщалъ Амгу: онъ жилъ въ одномъ изъ сосѣднихъ наслеговъ, верстахъ въ двадцати. Черезъ нѣкоторое время онъ сталъ намъ разсказывать, что въ его юртѣ живутъ двое новобрачныхъ почти еще дѣтей, — сынъ хозяина и его молодая жена. А далѣе мы стали замѣчать, что Орловъ начинаетъ писать якутскіе стихи, посвященные какому-то «идеалу».

Мѣсяца черезъ четыре, а можетъ быть и больше, однажды, когда мы возвращались отъ Васильева, передъ моей лошадью вдругъ выросла на дорогѣ, среди снѣжной пурги какая-то фигура. Я остановилъ лошадь. Фигура оказалась Орловымъ.

— Почему вы пошли такъ поздно? Дождались бы насъ.

— Я боялся одиночества въ вашей юртѣ... Особенно замѣтивъ, что у васъ на полкѣ револьверъ, — отвѣтилъ онъ уныло.

Когда мы пріѣхали домой, то всѣмъ намъ бросилось въ глаза, что на Орловѣ, какъ говорится, лица не было. Онъ былъ блѣденъ, страшно осунулся, исхудалъ. Оказалось, что его поэтическое сердце сильно затронуто молодой якуткой. Онъ ей писалъ якутскіе стихи, но она оставалась равнодушной. Все это онъ могъ стерпѣть, но вотъ прошлой ночью мужа дома не было, а въ юртѣ слышны всѣ звуки... И вотъ, поэтъ прослѣ-

дилъ ревнивымъ ухомъ, что его идеалъ измѣняетъ мужу съ какимъ-то проѣзжимъ якутомъ. Особенно уязвилъ его поэтическое сердце заключительный эпизодъ этой измѣны.

— Понимаете: я ясно слышалъ, какъ зазвенѣли четыре пятака . . .

И на лицѣ бѣдняги выразилось такое страданіе, что я прямо испугался.

— Надо на это обратить серьезное вниманіе. — сказалъ я товарищамъ; — дѣло, повидимому, серьезное. Видите: парень совсѣмъ сохнетъ.

— Ничего, — сказалъ новоприбывшій нашъ товарищъ Ромась. — Я его знаю: до конца никогда не высыхаетъ. Посохнетъ, посохнетъ, да и утѣшится.

И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время Орловъ пришелъ значительно повеселѣвшій. Въ объясненіе своего расцвѣта онъ вынулъ записную книжечку и показалъ мнѣ запись: «идеалу три рубля».

Когда я возвращался въ Россію, то въ Иркутскѣ засталъ уже Орлова, который выѣхалъ раньше. Онъ приготовилъ, тщательно переписавъ, двѣ или три тетради своихъ стиховъ и взялъ съ меня слово, что я ихъ передамъ въ какую-нибудь редакцію. Я это исполнилъ, увы! — безуспѣшно. Всю переписку съ редакціями я препроводилъ Орлову, чтобы показать, что на печальный для автора отвѣтъ не имѣло вліянія мое «предубѣжденіе». Послѣ двухъ-трехъ опытовъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, бѣдняга убѣдился...

У меня сжалось сердце, когда я года черезъ два-три узналъ, что Ананій Семеновичъ Орловъ умеръ въ Иркутскѣ, оставивъ жену и сына ... Въ послѣднее время онъ служилъ у Рыхлинскаго ... Въ воспоминаніи моемъ осталось отъ этой фигуры, мелькнувшей въ моей жизни, впечатлѣніе доброты, мягкости, благодушія, а одинъ разъ я горько раскаялся, что слишкомъ легко отнесся къ одному его предупрежденію.

XII.

ТРАГЕДІЯ ПАВЛОВА.

Вскорѣ наша колонія увеличилась еще двумя товарищами. Это были Ромась и Павловъ. Ромась былъ родомъ изъ юго-западнаго края, по виду и по рѣчи настоящій хохолъ. Это была фигура чрезвычайно своеобразная. Не получившій никакого образованія, онъ однако производилъ впечатлѣніе совершенно образованнаго человѣка и могъ поддерживать самый сложный интеллигентный разговоръ. Всего этого онъ добился упорнымъ, самостоятельнымъ чтеніемъ. Всего, но не письма. Писалъ онъ каракулями, какъ человѣкъ совершенно неграмотный. Это впослѣдствіи много ему вредило. Многіе желѣзнодорожные администраторы послѣ перваго разговора съ нимъ готовы были дать ему любое интеллигентное мѣсто, но при взглядѣ на его почеркъ, испытывали сильное колебаніе. Я много

разъ предлагалъ ему воспользоваться свободнымъ временемъ и выработать себѣ, при моемъ содѣйствіи, такой же интеллигентный почеркъ; но онъ упорно отъ уроковъ отказывался, да пожалуй въ его возрастѣ это было уже довольно трудно.

Его товарищъ Павловъ былъ петербургскій рабочій. Онъ былъ ученикъ Халтурина, того самаго, который проникъ подъ видомъ плотника въ Зимній дворецъ и устроилъ тамъ взрывъ. Павловъ разсказывалъ о немъ, какъ этотъ террористъ убѣждалъ со слезами своихъ учениковъ рабочихъ продолжать пропаганду среди своей братіи, но ни въ какомъ случаѣ не вступать на путь террора. — «Съ этого пути возврата уже нѣтъ», — говорилъ онъ. И дѣйствительно, самъ Халтуринъ закончилъ жизнь висѣлицей, послѣ убійства военнаго прокурора въ Одессѣ.

Казалось, нѣтъ двухъ людей болѣе несходныхъ, чѣмъ Ромась и Павловъ: одинъ родомъ изъ Вологодской губерніи, изъ семьи крестьянъ, великороссъ. Онъ былъ полонъ, даже пожалуй толстъ и довольно неповоротливъ, сохранилъ много крестьянскаго въ пріемахъ, хотя не любилъ крестьянскихъ работъ и никогда съ нами въ нихъ не участвовалъ. Ромась, наоборотъ, былъ выше средняго роста, коренастъ, сухощавъ и чрезвычайно упоренъ въ работѣ. Они выразили желаніе поселиться вмѣстѣ и были поселены въ двадцати пяти верстахъ отъ насъ, въ якутской юртѣ, если не ошибаюсь, Балагурскаго наслега, распо-

ложеннаго на югъ отъ слободы, по теченію рѣки Амги. Я узналъ вскорѣ, что они затѣяли общій побѣгъ: они рѣшили бѣжать ближайшей весной, съ такимъ расчетомъ, чтобы выбраться съ мѣста, оставивъ два три ледохода горныхъ рѣчекъ. Я вскорѣ присоединился къ этому плану, и мы стали готовиться вмѣстѣ. Сначала они поселились въ якутской семейной юртѣ. Я сталъ часто ходить къ нимъ. Въ выработкѣ нашего плана принималъ участіе Петръ Давыдовичъ Баллодъ, о которомъ я скажу послѣ. Мы стали хлопотать объ обуви, которую долженъ былъ приготовить я, если не удастся выписать пріисканельскіе саноги, которые мы могли достать у того же Баллода. Послѣдній указалъ намъ и путь: черезъ Амгу пролегала когда-то торговая дорога, такъ называемой «сѣверо-американской компаніи», которая вела торговлю съ Сибирью. Эта американская дорога пролегала изъ Якутска черезъ Амгу и дальше на тысячу верстъ горами, въ которыхъ сохранились еще слѣды старыхъ дорогъ и тропокъ. Мы хотѣли пріучить населеніе и особенно мѣстное начальство къ нашимъ совмѣстнымъ отлучкамъ. Затѣмъ стоило перебраться черезъ двѣ-три рѣчки, передъ самымъ ледоходомъ, и мы могли выиграть много времени, пока мѣстное начальство спохватилось бы... А тамъ...

Что было бы дальше? Мы намѣревались, пройдя около тысячи верстъ гольцами (такъ называются вершины пролегающихъ этими мѣстами горъ), пробраться къ Охотскому морю и тамъ,

если бы удалось, сѣсть на какой-нибудь американскій пароходъ. Но это могло быть только случайно. Иначе же намъ пришлось бы спуститься вдоль Охотскаго моря до устьевъ Амура и затѣмъ подыматься по Амуру обычными бродяжьими путями. Всего вѣрнѣе однако же, что насъ настигла бы погоня, и все закончилось бы самой прозаической тюрьмой и дальнѣйшей ссылкой.

Но въ это время изъ Россіи стали приходить извѣстія о назначеніи сроковъ ссылки. Мы поневолѣ охладѣли къ своему плану: брести по Амуру, — на это понадобилось бы не менѣе трехъ лѣтъ. Поэтому мы съ Ромасемъ скоро отказались отъ побѣга. Вѣренъ плану оказался только Павловъ, который какъ-то страстно на немъ настаивалъ. Въ это время Балагурскій наслегъ рѣшилъ для своихъ ссыльныхъ выстроить новую избушку на берегу какой-то узкой рѣчки, среди густого лѣса. Мѣсто было выбрано очень мрачное. Мнѣ приходится упомянуть объ одномъ происшествіи, которое прибавило суевѣрно-мрачную черту къ этой трагедіи. Однажды Павловъ, бродя по лѣсу, нашелъ тамъ и принесъ, какъ курьезъ, какія-то игрушечныя сани, съ такимъ же деревяннымъ сѣдокомъ. Мы отнеслись къ находкѣ какъ къ курьезу и много смѣялись надъ курьезнымъ видомъ этого сѣдока. Это было тогда, когда Ромась и Павловъ еще жили въ якутской юртѣ. Я часто приходилъ къ нимъ, ночевалъ у нихъ, и мы очень подружились. Такъ же я пришелъ къ нимъ во время находки. Одинъ

изъ семейныхъ, зайдя зачѣмъ-то въ юрту русскихъ и увидя находку, пришелъ въ искренній ужасъ и сталъ убѣждать насъ тотчасъ же унести сани и сѣдока на то же мѣсто въ тайгу. При этомъ онъ сомнѣвался, удастся ли намъ уже избавиться отъ бѣды. Оказалось, что это талисманъ. Когда якутъ заболѣваетъ, шаманъ заваживаетъ духовъ болѣзни и уноситъ ихъ въ тайгу. Значитъ, Павловъ принесъ съ собой враждебныхъ духовъ. Мы, разумѣется, только смѣялись надъ этимъ суевѣріемъ. Но мнѣ показалось, что Павлову не по себѣ: крестьяне вологодскихъ лѣсовъ тоже имѣютъ дѣло съ инородческими колдунами.

Когда отдѣльная изба была выстроена и Павловъ и Ромась въ ней поселились, я опять пришелъ къ нимъ, и меня поразилъ мрачный видъ этого жилья. Около него не было никакой пристройки, не было даже коновязи. Изба стояла на самомъ берегу быстрой рѣчки и рисовалась своимъ свѣжимъ лѣсомъ на фонѣ темной тайги, которая густо высилась кругомъ избы и на противоположномъ берегу. Оттуда доносился глухой таежный шумъ.

— Ну, не долго поживемъ, ничего ... — сказалъ Павловъ.

Но зимой стали объявлять сроки ... Было бы безумiемъ настаивать на побѣгѣ, и насъ очень удивила страстность, съ которой Павловъ все-таки настаивалъ. На этомъ началось нѣкоторое охлажденіе между товарищами, и ихъ дружескія

отношенія стали охладѣвать. Павловъ будто предчувствовалъ начинающуюся для него трагедію.

Ромась началъ жаловаться, что Павловъ становится невыносимымъ въ общежитіи. Ромась приходилъ къ намъ въ слободу и проживалъ цѣлыя недѣли. Приходилъ иногда и Павловъ, но оставался не подолгу, уходя въ свою одинокую избушку. Наши веселыя бесѣды втроемъ за рыбной ловлей и наши разговоры съ якутами теперь кончились... Я до сихъ поръ не могу простить себѣ, что у меня не хватило достаточно воображенія, чтобы представить себѣ положеніе Павлова въ этой одинокой избушкѣ на берегу мрачной рѣки, на фонѣ не менѣе мрачнаго лѣса. Разсказы Ромася выставляли Павлова все болѣе неуживчивымъ и страннымъ.

Между тѣмъ наступила весна. Мы готовились къ началу полевыхъ и огородныхъ работъ. Это было самое веселое время въ году. Мы звали Павлова, но онъ повидимому не рѣшался прійти. Онъ считалъ теперь Ромася своимъ врагомъ и вѣроятно думалъ, что Ромась возстановилъ и насъ противъ него. Между тѣмъ, къ намъ пріѣхалъ новый сожитель, Осипъ Васильевичъ Аптекманъ. Павловъ былъ съ нимъ знакомъ раньше и прислалъ записку, прося его пріѣхать немедленно къ нему. Это показалось было намъ несообразной претензіей: Аптекманъ только-что пріѣхалъ изъ Усть-Майи и чувствовалъ себя сильно усталымъ. Поэтому онъ написалъ, что онъ самъ не можетъ

пріѣхать, но что ждетъ Павлова въ Амгу. Я прибавилъ къ этому радушное письмо, въ которомъ увѣрялъ Павлова, что всѣ мы будемъ очень рады его видѣть. Я отправилъ письмо съ тѣмъ же посланцемъ, съ которымъ пришло письмо Павлова. На слѣдующій день этотъ же посланецъ принесъ намъ печальную вѣсть: въ эту ночь Павловъ застрѣлился.

До сихъ поръ этотъ сумрачный день стоитъ со всѣми мелочами въ моей памяти: по небу неслись весенніе облака, изъ которыхъ по временамъ моросилъ дождь, а по временамъ настоящій холодный ливень. Все было полно оживленія и жизни. Въ словахъ посланца мнѣ слышалась укоризна: вотъ если бы, дескать, пріѣхали по тої запискѣ, вашъ товарищъ былъ бы живъ. Я имѣлъ еще большія причины укорять себя. Аніній Семеновичъ Орловъ говорилъ мнѣ, что въ послѣдній разъ, когда онъ былъ у Павлова въ его мрачной избушкѣ, поведеніе Павлова показалось ему страннымъ: потолокъ его избы былъ расчерченъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вбиты крѣпкіе гвозди, и на одномъ изъ нихъ висѣла веревка. Кромѣ того, Павловъ заговаривалъ съ Орловымъ о самоубійствѣ. Я въ этотъ день очень усталъ, такъ какъ цѣлый день пахалъ на огородѣ, и не обратилъ на предостереженіе Орлова достаточнаго вниманія. Мнѣ казалось, что самоубійцы не предупреждаютъ объ этомъ товарищей. И, кромѣ того, пріѣздъ Аптекмана казался мнѣ удобнымъ предлогомъ для прихода Павлова къ

намъ. А тамъ мы сумѣемъ удержать его. И вотъ теперь это извѣстіе...

Помню ближайшую ночь. Въ избѣ мнѣ было душно. Я вышелъ на плоскую крышу юрты и здѣсь изъ-подъ наклонной крыши нашего «лѣтника» все смотрѣлъ на небо, по которому неслись сѣрыя облака, по временамъ сыпавшія дождь. И много мыслей о жизни и смерти пронеслось въ моемъ умѣ въ эту ночь.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали изъ Якутска докторъ и засѣдатель для вскрытія тѣла. Мы получили приглашеніе присутствовать при вскрытіи и рѣшили съ Ромасемъ поѣхать въ избу Павлова. День былъ чисто весенній, — полный какого-то особеннаго оживленія: по небу неслись яркія облака, тайга шумѣла подъ налетомъ весенняго вѣтра, глухо, но какъ-то особенно внятно. Природа порой удивительно вторитъ настроенію человѣка, и намъ съ Ромасемъ казалось, что теперь она ясно говорила о нашей винѣ... «Прозѣвали, прозѣвали», — слышалось мнѣ въ шумѣ вѣтра.

Когда мы подъѣхали къ новому срубу на берегу мрачной рѣчушки, — вокругъ нея шумѣлъ глухой косой ливень. Докторъ и засѣдатель были уже тутъ, окна избушки были открыты и изъ нея былъ слышенъ голосъ уже знакомаго намъ поселенца.

— Ну, поворачивайся, товарищъ... — Въ этомъ голосѣ мнѣ слышался добродушный цинизмъ.

— Пойдемъ, — сказалъ я Ромасю, указывая на дверь.

Онъ отрицательно покачалъ головой и, несмотря на ливень, остался подъ стѣной избы и простоялъ такъ все время . . . Я, скрѣпя сердце, вошелъ . . .

Лицо Павлова было спокойно: ни тѣни страданія . . . Казалось, онъ простилъ намъ все . . . Рядомъ со мною раздался шопотъ по-якутски. Я обернулся и узналъ въ числѣ понятыхъ того самаго якута, который съ такимъ страхомъ отнесся тотъ разъ къ Павловской находкѣ.

— Вы тогда смѣялись, — говорилъ онъ мнѣ съ укоромъ. — Мнѣ вспомнилась другая смерть въ починковскихъ лѣсахъ, вспомнилось и странное выраженіе на лицѣ Павлова, когда ему говорили, что онъ принесъ нечистую силу. Онъ былъ тоже крестьянинъ. Кто знаетъ, что говорили ему голоса ночи въ эти послѣдніе часы его жизни. Можетъ быть, онъ ждалъ избавителей-товарищей. — «Прозѣвали, прозѣвали» . . . И мнѣ все вспоминались предупрежденія Орлова.

Послѣ вскрытія тѣло положили въ грубо сбитый гробъ и унесли его въ могилу, выкопанную на берегу мрачной рѣки. Яма была глубокая, а въ тѣхъ мѣстахъ земля лѣтомъ не оттаиваетъ больше, чѣмъ на сажень. Я думаю, что и теперь Павловъ лежитъ въ ней съ тѣмъ же скорбнымъ, но все-таки примиреннымъ выраженіемъ.

Когда мы вышли изъ избы, Ромась все стоялъ подъ ливнемъ на томъ же мѣстѣ и съ тѣмъ же выраженіемъ на лицѣ.

Молодость безпечно и легко забываетъ. Пришли новыя впечатлѣнія, новыя заботы. Теперь я чувствую эту смерть гораздо живѣе, чѣмъ чувствовалъ ее мѣсяцъ спустя.

XIII.

ПЕТРЪ ДАВЫДОВИЧЪ БАЛЛОДЪ.

Именемъ Петра Давыдовича Баллода была полна тогда Амга, хотя онъ въ ней тогда и не жилъ. Какъ-то, проходя мимо лавочки Вырембовскаго, я услышалъ стукъ въ окно и, зайдя въ лавочку, засталъ Вырембовскаго сіяющимъ.

— Пріѣхалъ Баллодъ, — сказалъ онъ, и по виду его было замѣтно, что онъ сообщаетъ важную и радостную новость.

Баллодъ имѣлъ непосредственное отношеніе ко всей жизни Амги. Это именно онъ доставилъ первую работу Вайнштейну и Папину: они пекли хлѣбъ на его пріисковую партію, работавшую въ тайгѣ, гдѣ-то на рѣкѣ Алданѣ. Черезъ Васильева онъ часто доставлялъ работу также крестьянамъ, а разъ въ годъ, въ началѣ зимы, цѣлый обозъ изъ Амги отправлялся въ тайгу. Вся слобода смотрѣла, какъ вереница саней направлялась лугами, переѣзжала по льду черезъ рѣку, потомъ являлась на другомъ берегу и узкой лен-

той подымалась по скалистой дорогѣ на противоположный берегъ. Потомъ она исчезала на поворотѣ этой дороги. Амгинцы везли припасы «господину Баллодову». Амгинцы брали съ собой только возъ сѣна и припасы для людей. Выносливыя ихъ лошадки кормились подножнымъ кормомъ, на что способны только мѣстныя якутскія лошади. Послѣ цѣлаго дня пути ихъ спускаютъ на снѣгъ, предоставляя имъ добывать себѣ кормъ. Любопытны при этомъ ихъ пріемы: ногой въ снѣгу они описываютъ кругъ, потомъ сильно фыркаютъ, отчего пушистый промерзлый снѣгъ разлетается, обнажая прошлогоднюю траву. И такъ эти мѣстныя лошадки проходятъ тысячи верстъ. Понятно, какъ этотъ путь труденъ и для людей: ночлеговъ подъ кровлей совсѣмъ не встрѣчается, приходится ночевать подъ открытымъ небомъ, и только хорошій заработокъ побуждаетъ преодолѣвать эти трудности. Большая радость бывала въ слободѣ, когда опять на той же скалистой дорогѣ появлялись первые возвращающіеся слобожане. Источникомъ этой радости былъ опять тотъ же Петръ Давыдовичъ Баллодъ: амгинцы привозили изъ тайги квитанціи, по которымъ Выремовскій выплачивалъ деньги. Самъ Баллодъ жилъ въ Алданской тайгѣ. Порой къ намъ являлись отъ него рабочіе пріисковой партіи и много любопытнаго разсказывали о своей жизни и опять-таки о Баллодѣ. Ихъ разсказы были проникнуты восхищеніемъ, удивленіемъ и любовью къ «Петру Давыдовичу Баллодову».

— Господинъ Баллодовъ, Петръ Давыдовичъ, насъ не выдастъ, — говорили они, разумѣя заступничество передъ золотопромышленной компаніей. — Онъ за насъ стоитъ крѣпко.

Ихъ разсказы о его силѣ, выносливости и чутьѣ мѣстности бывали прямо изумительны. У него были карты Сибири, но онъ имъ не особенно вѣрилъ и приводилъ много примѣровъ, когда между рѣками, отдѣленными на картѣ сотнями верстъ, разстояніе оказывалось только десятки; и наоборотъ, тамъ, гдѣ по картѣ можно было ожидать совершеннаго сближенія русла двухъ рѣчекъ, — приходилось брести по таёгѣ цѣлыя недѣли. Порой онъ оставлялъ партію съ проводниками тунгусами и по какому-то инстинкту отправлялся черезъ горные кряжи напрямикъ, набивая карманы только шоколадомъ.

— Порою думаешь: пропалъ нашъ Петръ Давыдовичъ. Даже тунгусы только качаютъ головами... А глядишь, черезъ нѣсколько дней подходимъ къ берегу какой-нибудь рѣчушки... Глядь, — горитъ огонекъ, а у огонька сидитъ нашъ Петръ Давыдовичъ и дожидается.

Однажды съ нимъ случилось слѣдующее истинно эпическое происшествіе. Приходилось сплавлять внизъ по теченію очень быстрой рѣки барку со всѣмъ имуществомъ партіи. Вдругъ неожиданная быстрина подхватила барку и понесла на торчавшую внизу скалу. Всему имуществу партіи грозила гибель. Не растерялся только Баллодъ: онъ обернулъ канатъ вокругъ ствола

большой лиственницы, и въ концѣ концовъ ему удалось удержать барку. Въ результатѣ этого подвига у Баллода оказалась сломанной нога. Это было за тысячи верстъ отъ необходимой медицинской помощи. Баллодъ справился и тутъ: подъ его руководствомъ рабочіе соорудили необходимые въ такихъ случаяхъ лубки, Баллодъ самъ забинтовалъ ногу и нѣкоторое время пролежалъ въ тайгѣ, продолжая распоряжаться работами.

Вообще это былъ настоящій богатырь, и это подало поводъ къ разсказамъ, что именно онъ послужилъ Чернышевскому прототипомъ къ его Рахметову. Можетъ быть, это была и правда. Исторія его ареста тоже была очень любопытная. Васильевъ разсказывалъ, что его арестовали за печатаніемъ извѣстной въ шестидесятыхъ годахъ прокламаціи «Великороссъ», довольно свирѣпой, какъ всегда, когда зовешь къ тому, что еще самому не представляется ясно. Но это не вѣрно. Баллодъ былъ человѣкъ мягкій, что всегда присуще силѣ, и онъ относился къ «Великороссу» отрицательно: онъ былъ арестованъ въ связи съ дѣломъ Писарева, изъ-за котораго Писаревъ, тогда уже извѣстный критикъ, просидѣлъ въ крѣпости три года. Баллодъ учился въ университетѣ одновременно съ Писаревымъ и былъ съ нимъ на «ты». Однако я замѣтилъ, что въ отзывахъ Баллода о Писаревѣ чувствовалось отсутствіе дружбы, даже пожалуй замѣчалось какое-то нерасположеніе. Я понялъ этотъ оттѣнокъ

только теперь, когда прочелъ воспоминанія о дѣлѣ Писарева въ «Быломъ». Баллодъ разсказывалъ мнѣ, что Писаревъ былъ крайне непослѣдователенъ въ своихъ взглядахъ. Проповѣдуя свободу чувства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ избилъ на Николаевскомъ вокзалѣ офицера только за то, что одна дѣвица предпочла этого офицера ему, Писареву. Когда Баллода и Писарева арестовали, они были еще юноши, — имъ было по двадцати одному году. Баллодъ убѣдилъ Писарева написать статью о Шедо-Ферроти, пресмыкающемся писателѣ, нападавшемъ въ шестидесятыхъ годахъ на Герцена, обѣщая напечатать ее на карманномъ станкѣ. Статья Писарева была очень рѣзкая, заключала много нападокъ на самодержавный строй и на личность Александра II. По случайному доносу у Баллода произвели обыскъ, и готовая написанная рукой Писарева статья попала въ руки жандармовъ. При этихъ условіяхъ Баллодъ не видѣлъ причины отрицать принадлежность этой статьи Писареву: почеркъ Писарева былъ извѣстенъ, и авторство легко могло быть установлено. Но Писаревъ почему-то долгое время отрицалъ это обстоятельство, и Баллоду пришлось на очныхъ ставкахъ уличать его. Вѣроятно это обстоятельство внесло извѣстную долю горечи, которую я и замѣтилъ при упоминаніи о Писаревѣ.

Вообще надо замѣтить, что арестованные тогда и арестованные въ наше время держали себя совершенно иначе. Извѣстно, какъ унижались передъ самодержавіемъ и лично передъ царемъ

многіе декабристы. Извѣстно также, что отъ этого упрека не были свободны также и петрашевцы. Вообще можно сказать, что въ тѣ времена арестованный русскій человѣкъ считалъ себя обязаннымъ отвѣчать на всѣ вопросы начальства и зналъ, что его товарищи будутъ держать себя такъ же. Я приводилъ примѣръ изъ моего уже времени наивнаго «диллетанта» отъ революціи, С—ва, который считалъ себя въ правѣ всякій разъ при арестѣ непремѣнно отвѣчать на всѣ вопросы жандармовъ, выдавая товарищей. Въ наше время такіе типы составляли уже рѣдкость, но въ двадцатыхъ, сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ гипнотизирующее обаяніе самодержавнаго строя было еще очень велико, и я не увѣренъ, что настоящій Рахметовъ не давалъ бы откровенныхъ показаній. То презрѣніе къ власти, которое выработалось уже къ нашему времени, еще отсутствовало даже въ шестидесятыхъ годахъ. Въ наше время считалось уже неприличнымъ подавать просьбы о помилованіи, а тогда не только Баллодъ, но и самъ Писаревъ, клеймившій презрѣніемъ самодержавный строй и его носителя въ рѣзкой статьѣ о Шедо-Ферроти, считалъ сообразнымъ со своимъ достоинствомъ подать такое прошеніе, объясняя статью своимъ легкомысліемъ и молодостью. Иныя времена, иные нравы, и нельзя прилагать одну мѣрку къ разнымъ поколѣніямъ. Тогда было еще обаяніе, которое къ нашему времени совершенно исчезло. Просить пощады считалось унизительнымъ, и люди предпочитали

смерть... И быть можетъ, лучшимъ предвѣстникомъ гибели строя было именно это отношеніе къ нему побѣжденныхъ.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю о многихъ вечерахъ, проведенныхъ мною за разговорами съ Баллодомъ во время его пріѣздовъ въ Амгу. Мы встрѣчались съ нимъ на заимкѣ у Васильева, у Вырембовскаго, который при этомъ неизмѣнно сіялъ, или, наконецъ, Баллодъ порой пріѣзжалъ въ нашу юртешку. При этомъ, когда онъ порой неожиданно выпрямлялся, то обнаруживалось полное несоотвѣтствіе между нашимъ низкимъ потолкомъ и его богатырскимъ ростомъ. У меня осталось отъ этихъ разговоровъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Было какое-то соотвѣтствіе между его богатырской силой и тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ онъ встрѣчалъ наши порой страстныя возраженія на свои взгляды. Я былъ тогда все еще страстный народникъ, и разсказы Баллода о его жизни среди сибирской общины, проникнутые взглядами индивидуалиста латыша, часто встрѣчали во мнѣ горячій отпоръ. При этомъ мнѣ всегда вспоминается спокойное достоинство, съ которымъ Баллодъ парировалъ мои возраженія.

Изъ его разсказовъ мнѣ запомнился одинъ: когда онъ проѣзжалъ, уже высылаемый, черезъ какой-то сибирскій городъ и спалъ въ телѣгѣ, — его разбудилъ его русскій знакомый учитель изъ Луги, Викторовъ. Тогда была эпидемія поджо-

говъ, о которыхъ много писали въ газетахъ. Консервативныя газеты на нихъ настаивали, либеральныя совершенно отрицали. Викторовъ былъ сосланъ именно за такой поджогъ. Онъ какъ разъ въ этотъ день женился и пьяный выскочилъ на дворъ и поджегъ полѣнницу дровъ, отъ которой училище сгорѣло. Помнится, Баллоду ставилось въ вину и его вліяніе на Викторова. Самъ Баллодъ къ этому обвиненію относился съ искренней иронією, но самаго факта поджога со стороны Викторова не отрицалъ. Было, очевидно, въ настроеніи зеленой молодежи того времени кое-что отъ «Бѣсовъ» Достоевскаго. Впослѣдствіи долгое время не могли простить его статей по поводу пожаровъ. Конечно, обобщать ихъ можно было только подъ вліяніемъ клеветническихъ побужденій или крайней близорукости. Самъ Достоевскій, впослѣдствіи, — этихъ статей, повидимому, стыдился. Но очевидно было также и другое: въ наивныхъ умахъ въ родѣ Викторова, всякое разрушеніе, хотя бы училища, представлялось актомъ революціоннымъ.

Впослѣдствіи я увидѣлъ его уже въ Россіи. Тогда онъ жилъ уже не въ Якутской области, а пріѣзжалъ въ Петербургъ по поводу какой-то тяжбы съ золотопромышленной компаніей. Оказалось, что, воспользовавшись тѣмъ, что Баллодъ былъ очень довѣрчивъ къ людямъ и не защитилъ себя противъ кляузныхъ подвоховъ, компанія затѣяла съ нимъ эту тяжбу, пытаясь оттягать что можно. Въ то время онъ былъ такой же богатырь,

и было извѣстно, что онъ недавно женился. Если онъ еще живъ и будетъ читать эти строки, — я шлю ему привѣтъ и самыя теплыя пожеланія.

XIV.

ТЮТЧЕВЪ, КИЗЕРЪ И ДОЛЛЕРЪ, ЛИНЕВЪ.

Однажды, взойдя въ свѣтлый день ранней весны на нашу крышу, я увидѣлъ на лугахъ, въ сторонѣ Чапчалгана, сани, сопровождаемыя всадниками. Сначала мнѣ показалось, что ѣдетъ какое-то начальство. Оказалось, однако, что это къ намъ въ гости пріѣхали еще новые товарищи, которыхъ мы до сихъ поръ не видали. Скоро наша юрта наполнилась веселымъ гамомъ и суетой.

Это была компанія политическихъ ссыльныхъ съ Чуропчи. Мы ихъ знали уже по слухамъ. Тутъ были, во-первыхъ, Линевъ и Тютчевъ. Ихъ обоихъ прислали въ Иркутскъ почти наканунѣ моего отъѣзда. Съ ними былъ тогда еще Шамаринъ и Екатерина Константиновна Брешковская. Они были первоначально сосланы въ городъ Баргузинъ, Забайкальской области, но оттуда ухитрились бѣжать. Побѣгъ не удался. Проводникъ-бурятъ, сначала охотно взявшійся проводить ихъ къ китайской границѣ, потомъ испугался, раздумалъ и въ концѣ концовъ скрылся, оставивъ компанію среди горъ и ущелій. Мѣстность была очень живописна, но безъ проводника

совершенно непроходима для маленькаго каравана.

Тютчевъ разсказывалъ очень живо, какъ однажды (уже безъ проводника) они съ величайшими усиліями спустились въ какую-то котловину, при чемъ лошадей пришлось спускать на канатахъ почти по отвѣсной кручѣ, и здѣсь, на днѣ котловины расположились на отдыхъ. Бѣглецы не скрывали отъ себя, что ихъ положеніе очень затруднительно, но данная минута оставалась въ ихъ воспоминаніи очень поэтической. Казалось, стоитъ только оглянуться, и выходъ непремѣнно найдется. А пока они наслаждались настоящей минутой и считали себя всецѣло внѣ предѣловъ цивилизаціи и во всякомъ случаѣ далекими отъ всякаго начальства... И вдругъ... какъ громъ среди яснаго неба, съ вершины той самой скалы, откуда они только-что спустились, послышался звонкій молодой голосъ:

— Нико-лай Сер-гѣ-и-ичъ!...

Звали Тютчева. Начальство нарядило погоню изъ бурятъ родовичей, отлично знающихъ горныя дороги. Буряты, разумѣется, относились съ эпическимъ равнодушіемъ къ борьбѣ правительства и людей, которыхъ они теперь преслѣдовали. Но имъ исправникъ велѣлъ снарядить погоню, а они привыкли исполнять приказанія исправника. Бѣглецы были окружены, и приходилось сдаться. Поэтическая страница закончилась: послѣ раздолья горъ и ущелій вся компанія была вновь водворена въ баргузинскую тюрьму и затѣмъ ра-

сослана въ разныя стороны. Шамаринъ, Линевъ и Тютчевъ попали въ Якутскую область.

Теперь они жили въ мѣстности около Чурочи, недалеко другъ отъ друга и видались часто, составляя какъ бы нѣкоторый центръ, вокругъ котораго группировалось много ссыльныхъ той мѣстности. Не могу поручиться, что они не затѣвали новаго побѣга. Народъ былъ молодой, предпріимчивый и веселый. Линевъ получилъ въ Америкѣ серьезную сельско-хозяйственную подготовку и рѣшилъ «до перемѣны намѣреній» примѣнить свои знанія въ новыхъ условіяхъ. Тютчевъ примкнулъ къ нему. Шамаринъ, самый молодой изъ этой компаніи, очень живой и дѣятельный, тоже завелъ хозяйство, при чемъ, такъ какъ онъ былъ въ ветеринарномъ институтѣ (помнится въ Дерптѣ), то присоединилъ къ своимъ занятіямъ также и медицинскую дѣятельность, надъ чѣмъ товарищи посмѣивались. Тютчевъ въ средствахъ къ жизни не нуждался и имѣлъ возможность снабжать ими товарищей. Благодаря ему, у всей компаніи были верховыя лошади и охотничьи ружья. Верховые, которыхъ я видѣлъ съ крыши нашей юрты, были Кизеръ и Доллеръ. Эти послѣдніе были совсѣмъ молодые петербургскіе рабочіе и при томъ иностранные подданные,—одинъ французъ, другой германецъ. Они родились въ Россіи, ни на какомъ языкѣ, кромѣ рускаго, не говорили, но это не помѣшало имъ заявить протестъ противъ административной расправы съ ними... Черезъ нѣкоторое

время протестъ этотъ былъ... уваженъ, и одинъ изъ иностранныхъ подданныхъ былъ (другой. Доллеръ, утонулъ въ Ленѣ, уже въ Иркутскѣ) по-этапу препровожденъ на границу, о чемъ, конечно, очень сожалѣлъ. Но эта горестная страница была еще впереди. А пока оба жили около Чуропчи, работали для якутовъ по кузнечной или по слесарной части, и я увѣренъ, что теперь Киверъ вспоминаетъ объ этой полосѣ своей жизни, какъ о самой счастливой. Французъ Доллеръ оказался, кромѣ того, замѣчательнымъ охотникомъ. Съ весной въ якутскія палестины налетало невѣроятное количество дичи. Цѣлые дни и ночи Доллеръ пропадалъ въ лѣсахъ и по озерамъ. Онъ не позволялъ себѣ стрѣлять эту дичь дробью. Выждетъ, когда двѣ-три утки выплывутъ въ рядъ, и старается нанизать ихъ на одну пулю.

Эту молодую компанію окружала особенная атмосфера веселья, которое они внесли въ нашу слободу. Съ ихъ пріѣздомъ у Афанасьевыхъ каждый вечеръ бывали вечеринки, въ которыхъ, — увы! — я принималъ всего менѣе участія. Дѣло въ томъ, что веселая компанія часто пріѣзжала въ сильно поношенныхъ сапогахъ и, скинувъ съ себя сапоги для того, чтобы чуропинская компанія могла отплясывать у Афанасьевыхъ, я садился за починку. Товарищи смѣялись, что первый мой взглядъ послѣ пріѣзда «казаковъ» былъ на ихъ сапоги. Въ самой Чуропчѣ было тоже достаточно молодежи — дочери священни-

ковъ, торговцевъ и т. д. — и тамъ тоже шло веселье. Кончилось это тѣмъ: Кизеръ и Доллеръ на Чуроичѣ поженились.

XV.

ЭПОПЕЯ ИВАНА ЛОГГИНОВИЧА ЛИНЕВА.

Старшій изъ этой компаніи былъ Иванъ Логгиновичъ Линевъ.

Мы всѣ были сравнительно зеленая молодежь, Линевъ оставилъ уже позади себя цѣлую полосу жизни. Сынъ костромского помѣщика, довольно состоятельнаго прежде, но впослѣдствіи разорившагося, онъ изучалъ сельское хозяйство сначала въ Горы-горецкомъ институтѣ, потомъ въ Германіи, а потомъ прошелъ довольно тяжелую школу въ Америкѣ.

Это было время, когда Америка особенно привлекала русскихъ. Мы уже видѣли примѣръ этого въ скитаніяхъ Маликова, Чайковскаго и другихъ «богочеловѣковъ»... Та же полоса захватила и Линева. Сначала, повидимому, онъ былъ человѣкъ веселый и изрядный кутила, но это не помѣшало ему смотрѣть очень серьезно на жизнь. За что онъ принимался, то доводилъ до конца. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ эмигрировалъ въ Америку съ товарищемъ, фамилію котораго я забылъ.

Свои похожденія въ Америкѣ онъ разсказывалъ съ большимъ юморомъ. Пріѣхали они

на эмигрантскомъ пароходѣ и высадились тамъ же, гдѣ высаживались тогда всѣ эмигранты, въ учрежденіи, называвшемся Кастль-Гарденъ. Туда являлись фермеры для найма рабочихъ. Наши русскіе, даже настроенные самымъ демократическимъ образомъ, были невольно оскорблены пріемами американскихъ нанимателей: они принимались безъ церемоніи ощупывать мускулы будущихъ рабочихъ, какъ у скотины. Хотя наши соотечественники были народъ, повидимому, здоровый, безъ особыхъ тѣлесныхъ недостатковъ и не слабый, однако ихъ систематически браковали, пока кто-то изъ администраціи не посовѣтовалъ имъ сказать, что они знаютъ спеціально извѣстную область сельскаго хозяйства. Они послѣдовали этому совѣту и были приняты.

Первые шаги оказались не совсѣмъ удачны. У нашихъ эмигрантовъ были нѣкоторыя деньги, и они смотрѣли на свое положеніе, не какъ на крайность. Къ этому присоединилось довольно грубое обращеніе и склонность американцевъ къ боксу. Новый хозяинъ, не понимая русскаго языка, сталъ прибѣгать къ языку общепонятному. Кончилось тѣмъ, что рабочіе изрядно помяли хозяина, но, такъ какъ въ спросѣ на трудъ недостатка не было, то они скоро опять устроились. Только они рѣшили, что имъ надо поставить себя въ положеніе не столь привилегированное. Линевъ не безъ юмора разсказывалъ, какъ они наняли оркестръ негровъ и ѣздили съ

нимъ мимо своего бывшаго хозяина... Пусть, дескать, знаетъ... Прокутивъ деньги, они, притиснутые голодомъ, стали брать всякую работу, сильно отощали, но поденную работу находили легко.

Товарищу, человѣку повидимому состоятельному, скоро прислали деньги, и онъ бросилъ эти опыты. Онъ предлагалъ то же и Линеву, но Линевъ былъ человѣкъ другого закала. Онъ рѣшилъ остаться и во что бы то ни стало добиться цѣли. Товарищъ уѣхалъ, а онъ остался.

Послѣ этого онъ много бѣдствовалъ и порой доходилъ до крайности. Онъ былъ превосходный разсказчикъ. Когда онъ по вечерамъ разсказывалъ эпизоды изъ своего прошлаго, — въ нашей маленькой юртѣ стояла жадная тишина. А онъ именно былъ разсказчикъ. Порой мы убѣждали его записать эти разсказы. Порой я даже самъ пытался это сдѣлать, но ничего изъ этого не выходило. Линевъ говорилъ медленно и записать было не трудно. Но нельзя было передать тѣхъ оттѣнковъ слова, тѣхъ паузъ, тѣхъ сверканій взгляда, той иронiи и интонацій, которыя составляютъ настоящую музыку слова, порой вызывавшую среди слушателей неудержимые взрывы веселаго смѣха.

Помню одну яркую картину. Линевъ, сильно отощавшій, шелъ черезъ маленькій городишко. Вдругъ онъ увидѣлъ на площади большую телѣгу, въ родѣ эшафота, запряженную парой наряженныхъ въ фантастическую упряжь лошадей.

Оказалось, что это «сибирскіе врачи». Два еврея, остановивъ повозку на площади, объявили, что у нихъ есть средства отъ всѣхъ болѣзней. Тутъ былъ главнымъ образомъ жиръ сѣверныхъ медвѣдей. Такое врачеваніе въ Америкѣ никому не воспрещается. Если къ этому прибавить фантастическіе костюмы, въ родѣ средневѣковыхъ алхимиковъ, съ остроконечными шапками, и значительную развязность этихъ врачевателей, то не трудно представить себѣ также, что дѣла сибирскихъ докторовъ шли отлично. На Линева напало нѣчто въ родѣ припадка бѣшенства.

— Честный человѣкъ, ищущій честнаго заработка, умираетъ отъ голода, а разные шарлатаны обманываютъ невѣжественный народъ... Онъ сообразилъ, что евреи говорятъ по-русски, и самъ заговорилъ по-русски.

Толпа остановилась и стала слушать, непонятный разговоръ. «Врачи», наткнувшись на неожиданное препятствіе, рѣшили, что они уже кончили на сегодняшній день, и быстро собрались,пригласивъ и неожиданно встрѣченнаго соотечественника.

— Ну, господинъ, что вамъ надо, — заговорили они. — Всякій кормится, чѣмъ можетъ. Пойдемъ, если вы голодны, къ намъ. А можетъ быть мы и вамъ что-нибудь придумаемъ.

Евреи оказались людьми добродушными и они дѣйствительно придумали: имъ нуженъ теперь сибирскій кучеръ. Они нарядятъ Линева въ такой же фантастическій костюмъ и съ этихъ

порѣ они будутъ разъѣзжать вмѣстѣ. Это будетъ отлично и всѣ они будутъ сыты. «А кому это повредитъ, скажите пожалуйста?»

Эта комбинація не состоялась: Линевъ не согласился, но и разоблачать «сибирскихъ врачей» не сталъ и, разспросивъ о дорогѣ и переночевавъ у земляковъ, отправился дальше.

Много еще Линеву пришлось перенести бѣдствій... Переходя отъ занятія къ занятію, побывалъ онъ дровосѣкомъ и пильщикомъ на лѣсопилкѣ... Одинъ изъ эпизодовъ его скитанія въ началѣ 70-хъ годовъ сталъ извѣстенъ въ литературѣ. Это было въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ. Скитающаяся русская компанія забрела въ штатъ Канзасъ и остановилась около городка Сенеки. Двое русскихъ стали разряжать испорченный револьверъ. Послѣдовалъ выстрѣлъ, и одинъ изъ нихъ оказался убитымъ наповалъ.

Объ этомъ разсказалъ въ «Недѣлѣ» или въ журналѣ «Наблюдатель» извѣстный въ то время писатель Мачтетъ. Къ сожалѣнію, Мачтетъ разсказалъ этотъ эпизодъ со свойственными этому писателю преувеличеніями. Я слышалъ его непосредственно отъ Линева, и это было гораздо проще и гораздо ярче. Фамилію убитаго не помню. Убившій назывался Рѣчицкій. Вся компанія была въ отчаяніи: убили товарища, и вдобавокъ люди въ этихъ мѣстахъ чужіе. Могло возникнуть подозрѣніе, что убійство произошло на почвѣ личныхъ счетовъ. Къ счастью, Линевъ уже тогда порядочно зналъ англійскій языкъ, и къ

тому же въ городѣ оказался еврей изъ Галиціи, понимавшій немного по-русски. Въ тотъ же день нарядили судъ присяжныхъ, и дѣло было быстро покончено. Защитникъ, тотъ же еврей, сказалъ очень хорошую рѣчь, въ которой изобразилъ компанію русскихъ, ищущихъ на свѣтѣ правды, которой они не находятъ въ своемъ отечествѣ, вѣрнѣе въ своемъ правительствѣ. Они пріѣхали за этой правдой въ Америку, и вотъ ихъ постигаетъ тутъ несчастная случайность... Рѣчь очень понравилась и польстила американцамъ. Они оправдали подсудимаго и дня два водили всю компанію изъ дома въ домъ, угощая русскихъ. Въ жизни маленькаго городка это было событіе. А затѣмъ — скитальцы опять пустились дальше, оставивъ позади безвѣстную могилу.

Линевъ вскорѣ отсталъ отъ этой компаніи. Ему нужно было войти въ американскую жизнь, а для остальныхъ это былъ лишь мимолетный эпизодъ. Въ дальнѣйшемъ Линеву повезло. Не могу изложить дальнѣйшихъ скитаній послѣдовательно. Помню только, что онъ нанялся къ какому то богатому предпринимателю, построившему пильный заводъ въ почти дѣвственномъ лѣсу. На молодого русскаго пильщика обратила вниманіе интеллигентная жена хозяина. Она заговорила съ нимъ и обратила на него вниманіе мужа. Съ этихъ, кажется, поръ хозяинъ сталъ давать ему болѣе отвѣтственныя и значительно лучше оплачивамыя обязанности. Линеву уда-

лось скопить небольшую сумму и онъ завелъ свой фургонъ. Онъ рѣшилъ завести собственное дѣло. Въ это время вспыхнула послѣдняя (кажется) воiна съ индѣйцами. Линевъ сталъ маркитантомъ. Онъ покупалъ припасы и продавалъ ихъ американскимъ войскамъ. Потомъ онъ пріобрѣлъ участокъ земли и завелъ собственную ферму.

Теперь Линевъ былъ настоящій американскій фермеръ и прочно стоялъ на ногахъ. Но тутъ-то у него явилась тоска по родинѣ. Цѣли онъ добился. Нужно было приложить на родинѣ все, что онъ пріобрѣлъ въ Америкѣ. Въ это время въ Россіи шло сильное народническое движеніе, которое правительство произвольными мѣрами уже сбивало на терроръ. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, появился американецъ Филипсъ. У него былъ американскій паспортъ, американскіе пріемы и нѣкоторыя деньги. Онъ арендовалъ имѣніе у вдовы Симанской и сталъ группировать въ этомъ имѣніи разныхъ «подозрительныхъ лицъ». Нѣтъ сомнѣнія, что лица были дѣйствительно «подозрительныя», и среди нихъ впослѣдствіи оказались видные террористы, какъ Баранниковъ и Квятковскій. Но тогда это были еще только народники-пропагандисты. На таинственнаго американца обратило вниманіе нижегородское жандармское управленіе: къ Филипсу нагрянули съ обыскомъ. Обыскъ производилъ майоръ Вороничъ. Бѣдняга этотъ былъ, пови-

дымому, не очень умѣть. Кромѣ того Филиппъ-Линевъ успѣлъ внушить ему значительное уваженіе къ своему американскому званію, и онъ совершилъ нѣсколько крупныхъ промаховъ съ точки зрѣнія жандармской практики. Самъ Филиппъ былъ все-таки арестованъ, впредь до выясненія его американскаго подданства, но компанія «подозрительныхъ людей» разлетѣлась, какъ неосторожно испуганные воробьи. Для Линева началась наша обычная, чисто россійская процедура, въ которой административный порядокъ перемѣшивался съ судебнымъ, и въ концѣ-концовъ Линевъ попалъ въ «отдаленныя мѣста Сибири», гдѣ я его и встрѣтилъ.

Въ это время его здоровье, вслѣдствіе пережитыхъ въ Америкѣ передрягъ, было уже сильно расшатано. Ему, по-настоящему, слѣдовало основательно отдохнуть. Америка даетъ многія возможности, но требуетъ напряженія всѣхъ силъ. Тютчевъ разсказывалъ мнѣ, что еще въ Забайкальской области имъ съ Линевымъ однажды пришлось перегонять въ грозу нѣсколько лошадей ущельемъ. Вдругъ Линевъ сѣлъ среди самаго потока. Тютчевъ удивился. Потокъ все прибывалъ, и сидящаго Линева начало затоплять. Тютчевъ началъ его стыдить:

— Неужели ты перенесъ столько трудовъ, чтобы утонуть въ этомъ ручьѣ?

— Это онъ, видите ли, старался подѣйствовать на мое самолюбіе... А куда тутъ! Я отлично

понимаю свое положеніе, да у меня вдругъ отнялись ноги: точно стопудовая тяжесть гнетъ книзу. Да, американскіе заработки дались мнѣ не легко...

Въ другой разъ мы ѣхали съ Линевымъ и Тютчевымъ на тройкѣ. Правилъ въ такихъ случаяхъ Линевъ. Дѣло было въ сумерки, дорога довольно широкая. И вдругъ мы замѣтили, что Линевъ направляетъ тройку мимо мостка. Намъ едва удалось свернуть на настоящую дорогу, — иначе предстояла опасность свалиться въ оврагъ. Оказалось, что у Линева бываютъ припадки куриной слѣпоты, — очевидно тоже результатъ прежняго переутомленія.

Черезъ годъ, кажется, послѣ своего возвращенія въ Россію я получилъ письмо: Линевъ тоже возвращается, но вслѣдствіе того, что за нимъ было уголовное дѣло (проживаніе по американскому паспорту), его не отпустили, какъ отпустили бы административно-ссыльнаго, а препровождали этапнымъ порядкомъ. Я уже готовился обнять его въ Нижнемъ, но извѣстіе о его продвиженіи впередъ все еще не приходило, и я узналъ, что Линевъ умеръ на одномъ этапѣ (Кимильтакѣ). Этапъ этотъ расположенъ между Иркутскомъ и Красноярскомъ. Въ 1887 году еще указывали на кладбищѣ его могилу. Теперь навѣрное нельзя найти и слѣда ея. Такъ кончилась эта яркая жизнь.

XVI.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ ТРУДЪ.

Въ годъ моего пріѣзда въ Якутскъ туда же пріѣзжалъ академикъ Юргенсъ. Онъ доѣзжалъ по Ленѣ до Ледовитаго океана и производилъ климатическія изслѣдованія. Пріѣзжіе изъ Якутска разсказывали, что онъ ставилъ свои термометры на Ленѣ противъ города, и они показывали по недѣлямъ свыше 54 градусовъ мороза.

У насъ тоже былъ ртутный термометръ, но онъ стоялъ замерзшимъ цѣлыя недѣли.

Наконецъ, однимъ утромъ Папинъ пришелъ со двора, оживленный и веселый:

— Весна, братцы, весна! Сегодня навѣрное морозъ не больше 25 градусовъ.

Мы дѣйствительно температуру не ниже 25 градусовъ ощущали, какъ настоящее вѣяніе весны. Это понятно. Въ послѣднія недѣли мы вынуждены были оставить ближніе водопои и гонять лошадей на рѣку, потому что ближніе водопои въ стоячихъ водахъ промерзли до самаго дна. Когда самое дыханіе вырывается изъ груди съ трескомъ, когда нельзя пробыть на воздухѣ пяти минутъ, чтобы не отморозить ухо или концы пальцевъ, тогда понятно, что морозъ въ 25 градусовъ можетъ показаться настоящимъ вѣяніемъ весны.

Разъ начавшись, это смягченіе идетъ уже неуклонно. Дни быстро прибываютъ. Зима начинаетъ отступать. Переходный промежутокъ за-

нимаетъ короткое время. Только по ночамъ духи зимы вокругъ юрты метутся и стонутъ... Лошади чувствуютъ это и бѣгаютъ вокругъ двора съ сумасшедшими глазами, распустивъ по вѣтру хвосты и длинныя гривы. У каждой лошади при этомъ свой нравъ. У насъ ихъ было три. Особенно безпокойный конекъ былъ у Папина. Сѣрый въ яблокахъ, очень красивый, онъ легко вспыхивалъ и бѣсился. Съ началомъ весны, когда къ ночи начиналось какъ будто обратное вѣяніе зимы, онъ начиналъ бѣгать вокругъ двора съ распущеннымъ по вѣтру хвостомъ и длинной гривой (гривы у якутскихъ лошадей вообще очень длинны). У Вайнштейна была бѣлая лошадь, сильная, но нѣсколько тяжеловатая. У меня — стального цвѣта въ яблокахъ, съ бѣлой гривой и бѣлымъ хвостомъ. Обѣ наши лошади, моя и Вайнштейна, искоса и какъ будто съ интересомъ смотрѣли на бѣснованія папинскаго конька и сами начинали безпокоиться. Весенними ночами, подъ завываніе вьюги, мы слышали вокругъ юрты частый топотъ. Это значило, что бѣснованія папинскаго конька уже заразили остальныхъ. Мы держали лошадей на заднемъ дворѣ у стоговъ. Порой конекъ Папина ухитрялся перемахнуть черезъ первую городьбу и носился вокругъ нашей юрты. Потомъ топотъ стихалъ. Это значило, что папинскій конь рѣшился на смѣлый подвигъ: на утро мы находили на городьбѣ клокъ шерсти, а порой и слѣдъ крови. Конекъ умчался въ луга на солончаки, гдѣ онъ тотчасъ

же брать подъ свое покровительство нѣсколько самокъ и вступать изъ-за нихъ въ сраженіе съ жеребцами. На утро мы съ Папинымъ садились на оставшихся и отправлялись въ солончаки, гдѣ намъ стоило не мало усилій заарканить бѣглеца и привести его домой, впредь до первой бурной ночи и до новаго побѣга.

Этотъ періодъ, когда зима еще отстаиваетъ свои права, въ тѣхъ мѣстахъ длится не долго, до начала апрѣля. Въ это время вѣтры все мѣняются. То они дуютъ съ океана суровымъ холодомъ, то начинаются сравнительныя оттепели. Такъ среди рѣзкихъ перемѣнъ проходятъ двѣ-три недѣли. Земля въ это время твердая, какъ камень. Наконецъ, подъ вліяніемъ все прибывающаго дня, въ воздухѣ чувствуется тепло. Снѣгъ какъ будто оживаетъ: подъ нимъ начинаютъ журчать ручьи, которые быстро несутся по твердой еще землѣ. Наступаетъ еще одинъ парадоксъ: лѣто наступаетъ среди зимы. Кругомъ лежитъ еще снѣгъ, но уже тепло совершенно по-лѣтнему. Въ юртѣ намъ уже душно, и я работаю на нашей плоской крышѣ въ одной рубашкѣ...

Мы, люди, привыкшіе къ европейской зимѣ, не представляемъ себѣ неожиданностей сибирской зимы. Начать съ того, что рѣки замерзаютъ здѣсь не сверху, какъ у насъ, а снизу. Былъ яркій солнечный день, когда я (впослѣдствіи) подъѣхалъ къ Ангарѣ подъ Иркутскомъ. Я былъ очень удивленъ, увидя передъ рѣкой настоящую

стѣну густого тумана. Нѣкоторое разстояніе намъ пришлось проѣхать, какъ будто среди сумерекъ, подъ которыми рѣка волновалась и кипѣла. Былъ уже сильный морозъ, но рѣка еще клокотала. Среди бурнаго теченія она быстро достигаетъ двухъ съ половиной градусовъ, а при этой температурѣ ледъ становится тяжелѣе воды и тонетъ. Теченіе несетъ по дну настоящую кашу изъ льда, пока она, согрѣвшись на днѣ, не всплываетъ на поверхность и не останавливаетъ, наконецъ, рѣку... Такъ замерзаютъ многія сибирскія рѣки.

Когда онѣ начинаютъ вскрываться, — это опять своего рода драма, величавая и грозная. Въ одно утро я услышалъ вдругъ сильный шумъ со стороны рѣки. У насъ была привычка въ такихъ случаяхъ тотчасъ же заоботать лошадь и верхомъ отправиться на мѣсто. Я отправился къ Амгѣ.

Зрѣлище, которое я тутъ увидѣлъ, поразило меня своимъ величіемъ. Амга сначала тронулась, потомъ вдругъ остановилась. Образовался заторъ. Льдины, громоздясь другъ на друга, образовали громадную перегородку, на которую набирались все новыя льдины, бревна поваленнаго лѣса, и все это подымало воду. Потоки изъ боковыхъ ущелій, обратившихся въ рѣчки, еще увеличивали этотъ хаосъ. Я остановился пораженный зрѣлищемъ. Кое-гдѣ вода шумѣла, прорывалась, бурлила. Порой что-то въ заторѣ будто вздрагивало...

Пока я стоялъ на своемъ конѣ и любовался, мнѣ вдругъ послышался съ возвышеннаго берега отчаянный крикъ. Крикъ относился ко мнѣ: кто-то изъ благопріятелей размахивалъ руками, дѣлая мнѣ знаки. Я сообразилъ, что стоялъ въ опасномъ мѣстѣ, и повернулъ коня, который весь дрожалъ подо мной. Едва я повернулъ его, онъ понесся, какъ вихрь, на возвышенный берегъ. Еще нѣсколько минутъ, — въ заторѣ началось движеніе. Огромная льдина и нѣсколько бревенъ качнулись, дрогнули и заторъ съ трескомъ обрушился. Цѣлый хаосъ льдинъ и бревенъ двинулся по теченію съ такимъ громомъ, точно наступило землетрясеніе. Амга сокрушала свои берега и ревѣла долго и протяжно... Я вынужденъ былъ отскакать еще дальше, при чемъ вода гналась по пятамъ моей лошади. Черезъ нѣкоторое время заторъ болѣе или менѣе ровно несся по теченію. Льдины сталкивались, раскалывались съ трескомъ; цѣлыя деревья корежились среди льдинъ. Все это гремѣло, трещало, неслось внизъ по теченію, сначала въ Алданъ, потомъ въ Лену и въ Ледовитый океанъ. Вдоль рѣки неслись громовые выстрѣлы...

Но еще задолго до того дня, когда рѣка возвѣстила съ такимъ торжествомъ на всю окрестность окончательную побѣду весны, — весна уже всюду торжествовала: въ лугахъ уже зеленѣла трава, пестрѣли разноцвѣтные ирисы, всюду стояли ярко-синія озера. Послѣ ледохода на рѣку налетѣло невѣроятное количество птицъ. Мы при-

нялись уже за огородныя работы, и порой въ сумеркахъ утки пролетали мимо насъ, чуть не задѣвая крыльями. На озеркахъ и болѣе мелкихъ, по мѣстному, «лывахъ» подъ вечеръ буквально стонъ стоялъ отъ многоголосаго птичьяго гомона и крика. Тутъ были и курлыканья, и скрежетъ, и разные другіе звуки, въ которыхъ все живое выражало неистовую радость жизни.

Но и здѣсь опять сѣверная природа дарила неожиданностями. Однажды Папинъ вошелъ въ юрту, — онъ вообще вставалъ раньше всѣхъ насъ, — и сказалъ:

— Взойдите на крышу и посмотрите на поля... Вы увидите неожиданность...

Я вышелъ, и то, что я увидѣлъ, было дѣйствительно неожиданно. Кругомъ нашего жилья въ эту пору весны стояло много озеръ. Большія, малыя, порой просто лужи, они давно уже растаяли и очень живописно отражали на темной землѣ клочки синяго неба. Одно изъ нихъ въ это утро опять оказалось бѣлымъ, точно замерзло въ эту ночь. Объясненіе было просто. Эти озерки промерзаютъ до дна. Ледъ на нихъ начинаетъ таять сверху и долго держится на днѣ, на стебляхъ водорослей. Наконецъ, эти стебли тоже обтаиваютъ, и широкая сплошная льдина всплываетъ на поверхность, вспугивая огромное количество утокъ, которыя долго встревоженно носятся надъ такими озерками, наполняя воздухъ встревоженными криками. Это, впрочемъ, случается не каждый годъ. Порой ледъ незамѣтно

«изнываетъ» до дна и только изрѣдка та или другая «лыва» вдругъ забѣлѣетъ. На этотъ разъ побѣлѣло цѣлое озеро, въ полуверстѣ отъ нашей юрты.

Замѣчательно, что птицы какимъ-то инстинктомъ узнаютъ, пересохнутъ ли наступающимъ лѣтомъ озера или нѣтъ.

— Смотри, Владиміръ, — сказалъ мнѣ весной Александръ, — лѣто будетъ жаркое. Птицы улетѣли на рѣку и на большія озера.

Съ половины апрѣля мы принимались за огородныя работы. Я съ большимъ интересомъ относился къ началу этихъ работъ. Руководилъ ими Папинъ. Начали мы ихъ рано. Земля еще не совсѣмъ оттаяла, и по временамъ сошникъ выскакивалъ изъ промерзшей земли. Мѣстные жители пашутъ неуклюжей русской сохой. У насъ тоже была такая соха, но товарищамъ удалось купить, кажется у скопцовъ, пароконный плужокъ (въ родѣ вятскаго), и мы предпочитали работать этимъ болѣе усовершенствованнымъ орудіемъ. Это было много легче.

Большое затрудненіе представляли наши лошади. Всю зиму мы ихъ кормили сытно и порядочно баловали: кромѣ возки дровъ съ осени изъ лѣсу на разстояніи верстъ семи, да поѣздокъ къ товарищамъ, — другой работы онѣ у насъ не знали. Якутскія лошади вообще довольно дикія. У нихъ привычки къ тяжелому земледѣльческому труду не выработалось поколѣніями. Только не доглядш, онѣ наровятъ бѣшено умчать легкую

сошку. Особенно часто это случалось съ Вайнштейномъ. У него вообще, какъ у многихъ евреевъ, не было въ обращеніи съ лошадьми достаточной увѣренности, а лошади сразу это чувствуютъ. Поэтому съ Вайнштейномъ случались приключенія даже чаще, чѣмъ въ первый годъ со мною. Еще зимой стоило Вайнштейну сѣсть въ свои сани, — лошадь начинала сразу перебѣгать съ одной стороны улицы на другую, и часто ему оставалось только направить ее въ снѣжный сугробъ. Когда же мы выѣзжали на пашню, особенно въ первое время, лошади дрожали, косили глазами и заставляли насъ держаться сильно насторожѣ. Разъ у Вайнштейна лошади убѣжали съ плугомъ и, пробѣгая мимо городьбы, моя бѣлогривая лошадь сильно напоролась бокомъ на кусокъ торчащей въ городьбѣ жерди. Пришлось позвать цѣлое совѣщаніе добрыхъ сосѣдей. Это былъ, прежде всего,—Пекарскій, польскій крестьянинъ, повстанецъ, большой нашъ пріятель. Это была фигура своеобразная: небольшого роста, съ большой бородой, какъ у Черномора. Онъ былъ женатъ на слобожанкѣ, полуякуткѣ. У него было нѣсколько дѣтей, и всѣ дочери, что его очень огорчало и чего онъ, кажется, не могъ простить женѣ, существу крайне изнуренному и довольно робкому. Затѣмъ пришли татары, друзья Папина. Общими силами мы стреножили раненую лошадь, повалили ее на землю и поставили діагнозъ. Рана оказалась неопасной: пришлось вынуть засѣвшій подъ кожу довольно длинный конецъ жерди и за-

тѣмъ лѣчить совершенно домашнимъ образомъ. По совѣту одного изъ татаръ, считавшагося въ своей средѣ опытнымъ коноваломъ, мы ежедневно валили нашего больного на землю и... поливали... мочею. Впослѣдствіи, когда къ намъ пріѣхалъ Аптекманъ, опытный врачъ, онъ сильно стыдилъ насъ, что подчинились такому невѣжественному предписанію, но въ то время намъ не оставалось ничего болѣе: говорили люди знающіе, а мы не знали ничего. Не могу забыть, съ какой поистинѣ комической важностью татаринъ говорилъ при этомъ:

— Пос-вайте, господа, пос-вайте, не лѣнитесь.

Пекарскій тоже подтверждалъ эти авторитетные совѣты. И, дѣйствительно, лошадь вскорѣ выздоровѣла.

Вообще якутскія лошади больше верховыя. Къ работѣ онѣ не пріучены поколѣніями, какъ наши, и потому то и дѣло съ ними случаются вспышки бѣшенаго испуга. Однажды во время бороньбы мы вдругъ замѣтили, что у одного татарина сорвались три лошади съ боронами. Зрѣлище было поистинѣ ужасное: бороны задѣвали за неровное поле и, подскакивая, то и дѣло ранили и безъ того взбѣшенныхъ лошадей. Намъ стоило много усилій удержать нашихъ собственныхъ коней, которые уже бѣшено косили глазами и порывались за остальными. Татарскія лошади помчались въ слободу, гдѣ надѣлали много тревоги:

женщинамъ едва удалось убрать съ улицы дѣтишекъ...

Я еще зимой выучился хорошо справляться съ лошадьми, и пашня скоро стала моимъ любимымъ занятіемъ. Не помню, въ этотъ ли первый годъ или на слѣдующій мы затѣяли поднять цѣлину. Захаръ Цыкуновъ расчистилъ участокъ лѣса и не смогъ съ нимъ справиться. У него было слишкомъ много работы: зимой онъ возилъ лѣсъ для насъ и, кромѣ того, для татаръ (за водку). Поэтому расчищенный (лѣтъ уже десять назадъ) участокъ онъ уступилъ намъ. Дѣло было трудное, но мы съ Папинымъ рѣшили за него взяться.

Папинъ направилъ нашъ плужокъ, и въ одно утро я запрягъ въ него нашу пару и отправился въ поле, подъ лѣсомъ. Сначала мы принялись вдвоемъ съ Папинымъ, но, проработавъ день и достаточно утомивши лошадей, я убѣдился, что теперь справлюсь и одинъ. Работа, повторяю, была очень трудная. Почва была недостаточно расчищена отъ корней, и по временамъ мнѣ приходилось оставлять пашню и приниматься рубить въ землѣ эти корни. На соху пришлось налегать всею силою, и по временамъ меня самого швыряло изъ стороны въ сторону. Порой я въ изнеможеніи ложился въ бороздѣ передъ лошадьми, пока онѣ тяжело работали боками.

Жара была прямо тропическая. Ночь длилась два-три часа, это были собственно только сумерки. Остальное время солнце хотя не поды-

малось высоко, но оно свѣтило такъ долго, что накаляло своими косыми лучами землю до жары почти тропической. Вдобавокъ, въ воздухѣ носились тучи комаровъ всякаго вида, въ томъ числѣ особенно подъ лѣсомъ и надъ озерками, очень ядовитыхъ. Порой мы вокругъ нашей пашни зажигали костры изъ навоза, располагая ихъ съ подвѣтреной стороны. Это все-таки нѣсколько отгоняло комаровъ, хотя далеко недостаточно.

Приблизительно въ полдень я съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ Папина, который направлялся ко мнѣ верхомъ на своей бѣлой лошадкѣ, нагруженной посудой и припасами для обѣда. Тогда я выпрягалъ лошадей, пускалъ ихъ куданибудь въ тѣнь и ложился на землю отдыхать. Невдалекѣ озеро дышало прохладой. На немъ грузными комьями сидѣли утки, нисколько не стѣсняясь нашей близостью. Я лежалъ на землѣ и отдыхалъ, а Папинъ принимался за стряпню. До сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю эти минуты. Горитъ нашъ костеръ, и мы съ Папинымъ порой мечтаемъ о зимѣ.

— Представь себѣ только, Иванъ Ивановичъ, что вѣдь было время, когда кругомъ лежалъ снѣгъ.

— Ахъ, хорошо! — отвѣчалъ онъ, отмахиваясь отъ комаровъ и обливаясь потомъ . . . — На саночкахъ бы теперь . . .

А кругомъ стоялъ палящій зной. Утки на озерѣ лежали живыми черными пятнами. Порой

среди нихъ водворялась тревога, и онѣ грузно подымались въ воздухъ. Это значило, что къ намъ приближается Ромась. Всегда двѣ-три утки кружились надъ озеромъ, охраняя покой остальныхъ, и стоило появиться хоть издали нашему Немвроду, онѣ извѣщали объ этомъ грозномъ событіи тревожными криками. Опасность, положимъ, была небольшая. Ромась уходилъ съ утра, и до насъ то и дѣло доносились выстрѣлы . . .

— Опять умирать полетѣла, — усмѣхаясь говорилъ Папинъ.

Это была фраза, которую мы неизмѣнно слышали отъ упрямаго украинца. Пороху онъ тратилъ невѣроятное количество, но никогда (буквально ни разу) не принесъ домой ни одной утки.

Наконецъ, наша пашня была кончена, и Папинъ ее засѣялъ. Посѣвъ дѣло тоже довольно трудное: нужно засѣять ровно, и я всегда любовался на увѣренные взмахи руки Папина. Объ урожаѣ на цѣлинѣ у насъ ходили баснословные слухи. Невдалекѣ отъ нашей слободы одинъ богатый якутъ вырубилъ участокъ лѣса, обработалъ его и съ самодовольствомъ разсказывалъ намъ, что получилъ урожай самъ-сорокъ. Его пашня была въ лѣсу, хорошо защищенная отъ дыханія первыхъ заморозковъ, а эти первые заморозки наступаютъ очень рано — въ концѣ іюня. Если хлѣбъ переживаетъ эти критическіе дни, то есть вѣроятіе, что онъ вообще уцѣлѣетъ, зерно затвердѣетъ и окрѣпнетъ.

Въ концѣ іюня мы съ Панинымъ и Вайнштейномъ грустно стояли верхами у нашей полосы: она была расположена на склонѣ и какъ разъ на пути холодныхъ вѣтровъ. Теперь она вся была въ инеѣ. Мы рѣшили, что она пропала, и не смотрѣли ее до самаго сентября, то-есть до конца покоса. И вдругъ однажды Панинъ явился съ радостной вѣстью:

— Садитесь на своего бѣлохвостаго, поѣдемъ, — я вамъ покажу что-то.

Мы живо пріѣхали къ лѣсу. Оказалось, что наша полоска ожила и теперь стояла, хотя далеко не такая, какъ можно было ожидать, но всходы переливались подъ вѣтромъ. Впослѣдствіи мы собрали съ нея урожай самъ-восемнадцать. Значитъ, мои труды на цѣлинѣ не пропали даромъ.

Въ концѣ августа мы приступили къ покосу. Амгинцы получили предписаніе начальства выдѣлить покосъ и для татаръ. Неизвѣстно, на чемъ это предписаніе основывалось, но амгинцы согласились. Они обусловили это согласіе тѣмъ, чтобы татары выдѣлили часть своего покоса и «для сударскихъ». Татары не имѣли ничего противъ, и такимъ образомъ мы получили участокъ рядомъ съ татарскимъ, за семь верстъ отъ слободы, надъ рѣкой Амгой. Въ прошломъ году товарищи уже участвовали въ раздѣлѣ, и теперь мы пріѣхали на готовые прошлогодніе участки.

Надъ рѣкой стояло большое оживленіе. Татары весело перекликались и радушно окликали насъ. Прежде всего, намъ предстояло построить шалашъ. Распоряжался опять Папинъ. Мы нарубили крупныхъ вѣтокъ ивы, воткнули ихъ въ землю, переплели и покрыли свѣженакошеннымъ сѣномъ. Лучшимъ косцомъ опять оказался Папинъ. Онъ для шутки всталъ въ рядъ съ первымъ косцомъ изъ татаръ и долго шелъ съ нимъ рядомъ.

— Молодца, Иванъ Ивановичъ... А все-таки долго съ Ахмедзяномъ не выдержишь, — сказалъ одинъ изъ татаръ.

Я косить совсѣмъ не умѣлъ и мнѣ сначала эта работа показалась очень трудной. Первый день я задыхался, а ночью чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ. Татары сосѣди совѣтовали мнѣ не надрываться. — «Бульно ты горячь», — говорили они. — «Такъ не долго и совсѣмъ себя испортить». — Но я былъ тогда очень здоровъ и черезъ нѣсколько дней выравнялся настолько, что уже не задерживалъ товарищей. Правда, мы смотрѣли на покосъ, какъ на удовольствіе, и не слишкомъ надрывались на этой работѣ. Объ этомъ времени я и до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ.

Мнѣ приходилось учиться и еще кое-чему. До сихъ поръ товарищи освобождали меня отъ хлѣбопеченія. Я порой чинилъ имъ сапоги и занимался уроками. Теперь этой причины не бы-

ло, и мы поочереди ѣздили съ покоса въ слободу, чтобы печь хлѣбъ и порой готовить горячіе обѣды. Печь хлѣбъ я еще не умѣлъ. Поэтому товарищи въ первый разъ, когда я отправлялся въ слободу съ этой задачей, снабдили меня подробнѣйшими инструкціями.

Дѣло это оказалось, однако, не такимъ легкимъ, какъ думали я и товарищи. Инструкцій, хотя и подробныхъ, оказалось недостаточно, и на первый разъ я осрамился... Инструкціи перезабылъ и на утро, заведя дежу, забылъ, что ее надо замѣсить новой мукой... Безпомощно выйдя изъ юрты, я увидалъ Пекарскаго и прибѣгъ къ нему за помощью. Но онъ не вмѣшивался въ бабье дѣло и зналъ его плохо. Общими усиліями мы состряпали не хлѣбъ, а какія-то жидкія лепешки. На слѣдующій разъ я записалъ уже инструкціи подробнѣйшимъ образомъ, и хлѣбъ у меня вышелъ на славу.

Покосъ шелъ у насъ вполнѣ благополучно, за исключеніемъ одного небольшого приключенія. Татары предупреждали насъ, чтобы мы присматривали за лошадьми: за рѣкой были якутскіе покосы, и стоило нашей лошади сорваться и переплыть рѣку, — она въ качествѣ татарской немедленно попала бы въ якутскій котелъ. Однажды прибѣжалъ одинъ татаринъ и спросилъ:

— Не ваша ли лошадь пробѣжала по лугамъ, сѣрая въ яблокахъ? Какъ будто лошадь Папина...

Я бросился къ мѣсту, гдѣ былъ привязанъ конекъ Папина: его тамъ не оказалось. Времени терять было нельзя. Я сейчасъ взнуздалъ своего коня и отправился по слѣдамъ. Слѣды привели меня къ рѣкѣ, какъ разъ во то мгновеніе, когда предпріимчивый папинскій конекъ выходилъ на другой берегъ... Не долго думая, я бросился съ берега въ быстрое русло рѣки. Меня сразу охватило холодное стремительное теченіе и скоро я замѣтилъ, что моя лошадь съ нимъ не можетъ справиться. Она жалобно оскаливала зубы надъ самой поверхностью воды и начинала тонуть... Тогда я соскочилъ съ нея въ волны, не забывъ захватить въ руки узду. Плавалъ я хорошо, но лошадь, испуганная, окруживъ меня, опять потащила въ быстрину. Я догадался и, давъ ей еще разъ приблизиться къ берегу, я отпустилъ ее и выгналъ на берегъ. Затѣмъ бросился къ товарищамъ, и съ ихъ помощью мы еще успѣли захватить предпріимчиваго конька, пока онъ не успѣлъ отбѣжать въ якутскіе луга.

— Иначе быть бы ему въ якутскомъ котлѣ, — говорили свѣдущіе на этотъ счетъ татары.

Наконецъ, покосъ былъ конченъ; оставалось сметать стогъ и затѣмъ загородить его. Мы кое-какъ сметали его, но, по неопытности, не расчитали точно. Поэтому въ осенніе дожди его должно быть прибивало дождями, и часть сѣна была попорчена. Теперь намъ оставалось только загородить нашъ стожокъ. За это опять взялся я и

при томъ поѣхалъ одинъ. За эту предпріимчивость я чуть было не поплатился жизнью.

День былъ безпокойный, вѣтреный. Въ лугахъ завывалъ осенній вѣтеръ. Людей уже не было: татары справились раньше насъ. Я пріѣхалъ съ утра, успѣлъ нарубить жердей и обгородить кругомъ нашъ стожокъ. Это было какъ разъ во-время. Амгинцы отпускаютъ лошадей на время покоса въ лѣса, и онѣ тамъ совершенно дичаютъ. Проходя по лѣсу въ это время, нерѣдко встрѣтишь табуны лошадей подъ предводительствомъ жеребца, искоса смотрящаго на человѣка. Порой этотъ жеребецъ, дико поводя глазами, кидается въ чащу. Тогда остальной табунъ бросается за нимъ, и по лѣсу въ это время стоитъ топотъ и трескъ. Къ осени эти табуны опять возвращаются въ слободу и первымъ дѣломъ кидаются въ луга. Свѣжіе стога представляютъ для нихъ большую приманку, и не загороженные стога они порой совершенно разоряютъ.

Итакъ, я успѣлъ закончить свою городьбу и уже запрягъ лошадь, которая очень безпокоилась и стригла при порывахъ вѣтра ушами. Мнѣ оставалось только сѣсть въ телѣгу и вернуться домой. Но въ это время сильный порывъ вѣтра подхватилъ мой легкій халатъ и швырнулъ его на лошадь. Отъ этого она вдругъ взбѣсилась и рванула телѣгу впередъ. При этомъ она подмяла меня подъ телѣгу, и я почувствовалъ ударъ копыта въ бокъ, и кованое колесо пробѣжало у меня по ли-

цу. Къ счастью, я не растерялся въ этомъ поистинѣ критическомъ положеніи, не выпустилъ изъ рукъ возжей и успѣлъ направить взбѣсившагося коня въ густой лознякъ, гдѣ онъ и застрялъ, весь дрожа мелкой дрожью.

Сначала я чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ. Пробовалъ кричать, въ надеждѣ, что кто-нибудь запоздалъ на работѣ, какъ и я. Но на мои крики отвѣчали лишь печальныя завыванія вѣтра, шумѣвшаго въ пустыхъ лознякахъ. Мнѣ, разбитому, предстояло распрячь коня, вытащить изъ лозняка телѣгу и опять запрячь лошадь. Сначала я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и уже подумывалъ ночевать въ лугахъ, расчитывая, что на утро за мной пріѣдутъ товарищи. Но тогда я былъ молодъ, силенъ, для меня не было неисполнимыхъ задачъ. Наваливъ на землю сѣна и отлежавшись на немъ, я сначала вытащилъ телѣгу изъ лозняка и потомъ запрягъ лошадь. Теперь предстояло доѣхать до слободы, при чемъ на дорогѣ у меня было нѣсколько крутыхъ овраговъ. Я рѣшилъ, прежде всего, утомить лошадь. Для этого, взобравшись въ телѣгу на сѣно, я пустилъ лошадь по ровнымъ лугамъ во весь карьеръ; такимъ образомъ, проскакавъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, я пустился, наконецъ, въ обратный путь. Теперь опасные спуски на утомленной лошади я миновалъ благополучно. Но все-таки товарищамъ пришлось снять меня съ телѣги, и нѣсколько дней я пролежалъ въ нашей юртѣ пластомъ.

Я думаю, все-таки, что въ этомъ приключеніи была до извѣстной степени виновата моя безпечность: съ татариномъ или даже съ Папинымъ этого бы не случилось. Много значили выработанные долгой привычкой пріемы. У меня такихъ рабочихъ привычекъ тогда не было, и оттого сначала я чуть не потонулъ въ Амгѣ, а потомъ рисковалъ погибнуть въ лугахъ.

Весь этотъ томъ написанъ въ теченіе послѣднихъ 6 мѣсяцевъ жизни В. Г. Короленко, во время его тяжелой болѣзни. Надъ «Исторіей моего современника» Владиміръ Галактіоновичъ работалъ еще за 9 дней до смерти; послѣднія главы не озаглавлены и не проредактированы имъ. Ниже печатается все, что успѣлъ написать Вл. Гал. Этими главами и заканчивается, къ великому прискорбію, одно изъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній нашего времени.

XVII.

НА ЯММАЛАХСКОМЪ УТЕСѢ.

Подъ этимъ утесомъ я пережилъ нѣсколько минутъ смертельной опасности, а на его вершинѣ — одну изъ рѣшающихъ минутъ моей жизни.

Это случилось еще тогда, когда Павловъ былъ живъ, Ромась жилъ съ нимъ, и насъ троихъ соединяла тѣсная дружба. Я часто ходилъ къ нимъ. Не помню, зачѣмъ поѣхалъ на этотъ разъ. Помню только, что поѣхалъ не на своей лошади, а попросилъ лошадь у того крестьянина Александра, о которомъ я уже писалъ выше.

Не знаю, чѣмъ объяснить это... Товарищи говорили, что я думаю о разныхъ литературныхъ предметахъ и оттого порой «прозѣвываю» то, что нужно помнить, — но только со мной чаще, чѣмъ съ ними, случались опасныя передряги. Поѣхалъ я раннимъ утромъ, пробылъ у товарищей нѣсколько часовъ и уже возвращался обратно въ

Амгу. Дѣло было въ день совершенно опредѣлившейся весны. День былъ свѣтлый и теплый. Я ѣхалъ надъ Амгой и любовался закатомъ. Въ одномъ мѣстѣ Яммалахскій утесъ приближается къ самой рѣкѣ. Въ этомъ мѣстѣ ручьи выбиваются изъ подъ земли и спускаются по наклонному берегу. Здѣсь они очевидно вытекаютъ подъ сильнымъ давленіемъ и тотчасъ же замерзаютъ, оттаивая уже дальше у рѣки. Помню, я ѣхалъ задумавшись, но все-таки у меня мелькнула мысль, что въ этомъ мѣстѣ надо сойти съ лошади. Но лошадь немного заупрямилась, остановилась не сразу, вступила на наклонныя ледяныя струи. Не успѣлъ я оглянуться, какъ она упала сразу со всѣхъ четырехъ ногъ. Я успѣлъ разставить ноги и подъ нее не попалъ. Но случилось нѣчто худшее: лошадь сразу поднялась, а нога у меня осталась въ стремени. Она стояла надо мною, а я лежалъ на землѣ съ ногою въ стремени.

Къ счастью, лошадь Александра была довольно смирная, но положеніе мое было все-таки отчаянное. Я лежалъ головой книзу. Всякая моя попытка подняться пугала лошадь. Она расширяла ноздри и по временамъ привскакивала; я предвидѣлъ, что она можетъ понести меня по каменистому берегу, а тогда я едва ли имѣлъ бы теперь удовольствіе дѣлиться съ читателями этими впечатлѣніями.

Эта минута навсегда запечатлѣлась у меня въ памяти съ какой-то фотографической точно-

стью. Въ сторонѣ слободы заходило солнце. Я могъ видѣть всю рѣку, вверхъ по теченію до поворота. Мнѣ виденъ былъ даже силуэтъ слободской колокольни. Надо мной на утесѣ склонялось корявое дерево, а впереди по каменистому берегу виднѣлись камни разной величины, падавшіе въ разное время со скалъ. Помню одинъ камень съ очень острыми краями. Помню также, что мнѣ представлялось, какъ черезъ нѣсколько минутъ лошадь, потерявшая терпѣніе, помчитъ меня за ногу мимо этого камня. Помню пылающую рѣку и особенно корявую лиственницу, свѣсившуюся со скалы и рисовавшуюся надо мной на синемъ небѣ.

Къ счастью, въ такія минуты я не терялся. Сообразивъ, что лошадь не побѣжитъ на человѣка, я подтянулся прямо къ ея переднимъ ногамъ. Не стану описывать нѣсколькихъ минутъ, которыя я провелъ въ этомъ положеніи. Одно, что мнѣ оставалось, это постараться, чтобы лошадь подняла меня своей мордой. Я былъ силенъ и ловокъ. Пригнувъ къ себѣ морду коня, я вдругъ нанесъ ему сильный ударъ снизу. Онъ бѣшено рванулся впередъ, и я въ это время успѣлъ схватиться за его длинную гриву. Нѣсколько минутъ бѣшеной скачки, и я очутился въ сѣдлѣ. Лошадь мчала меня вихремъ, и все-таки, когда я пріѣхалъ домой, товарищи удивились моей блѣдности. Почти двѣнадцать верстъ бѣшеной скачки не успѣли разогнать моего волненія.

Въ другой разъ я былъ опять у Ромася съ Павловымъ, но уже пѣшкомъ. Я носилъ имъ пилу. Мы работали цѣлый вчерашній день, и теперь я возвращался обратно. Рѣка внизу подо мною опять пылала. Все было такъ, какъ въ ту критическую минуту. Взобравшись на вершину утеса, я почувствовалъ усталость, прилегъ на травѣ и внезапно заснулъ. Какъ это часто бываетъ, я проснулся внезапно, точно отъ толчка, съ мыслью: гдѣ я и что со мною?

Мысль побѣжала по дорогѣ ближайшаго прошлаго. Прежде всего, я надъ Амгой, на Ямалахскомъ утесѣ. Вотъ памятная корявая лиственница, свѣсившаяся надо мною въ ту памятную роковую минуту. Я видѣлъ ее тогда снизу... Затѣмъ мое положеніе встало передо мной съ какой-то роковой ясностью.

Отъ Петербурга до Москвы 600 верстъ, которыя я проѣхалъ съ братомъ. Отъ Москвы до Перми 1500 верстъ. Это уже безъ брата. Здѣсь на пути величавая Волга и суровая, порой мрачная Кама. Отъ Перми 7000 верстъ до Иркутска... Громадная рѣка, порой вдали снѣговыя вершины. Отъ Иркутска почти три тысячи верстъ до Якутска... Широкая Лена, каменные уступы, туманы въ ущельяхъ, низкія облака на скалистыхъ вершинахъ, тунгусская пустыня по обѣимъ сторонамъ, и убогія юрты ямщиковъ, несущихъ здѣсь на голомъ камнѣ тяжелую службу русскому государству...

Затѣмъ около 275 верстъ на востокъ отъ Якутска. Узкая дорога, то тайгой, то Яммалахскимъ ущельемъ... Порой убогая юрта съ длинной полосой дыма, порой всадникъ на высокомъ сѣдлѣ въ остроконечной мѣховой шапкѣ, или проскачетъ казакъ изъ города или въ городъ... Убогая слобода объякутившихся переселенцевъ... Почта приходитъ сюда разъ въ двѣ недѣли и не идетъ дальше. Телеграфъ остался за три тысячи верстъ, а извѣстія изъ Россіи приходятъ приблизительно черезъ два мѣсяца. Здѣсь три недѣли молились еще о здравіи Александра II послѣ перваго марта.

Еще шесть верстъ лугами, потомъ вбродъ черезъ небольшую рѣчку и еще версты три до Яммалахскаго утеса. Голый камень вступилъ въ рѣку и перегородилъ дорогу. Отъ подъема къ подъему, съ уступа на уступъ, и вотъ я на вершинѣ Яммалахскаго утеса и думаю о своей жизни.

Не могу сказать, что всѣ эти мысли шли именно такъ, какъ я ихъ излагаю. Помню только, что я пережилъ тогда нѣчто вродѣ легкаго душевнаго удара, какой-то толчекъ. Я здѣсь. Что жъ будетъ дальше?

Я уже говорилъ ранѣе о томъ вліяніи, которое имѣлъ на меня Василій Николаевичъ Григорьевъ, мой товарищъ по академіи. Часто въ критическія минуты моей жизни передо мною вставало его открытое, честное лицо и я думалъ, какъ онъ поступилъ бы въ такихъ обстоятель-

ствахъ. Недавно я получилъ отъ него письмо, которое произвело на меня большое впечатлѣніе. Онъ былъ арестованъ почти одновременно со мной, просидѣлъ почти годъ, сначала въ той же Спасской части, въ которой сидѣлъ и я, потомъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Потомъ его выпустили на волю. И вотъ, едва выпущенный, тотчасъ же, не спрашивая ни у кого разрѣшенія, онъ бросился въ Павловскій кустарный районъ и, пока начальство спохватилось, успѣлъ написать замѣчательную книгу, о которой теперь говорили въ литературѣ. Я представлялъ себѣ его лицо, когда онъ собиралъ матеріалы. Потребность узнать тотъ именно народъ, для котораго мы работаемъ, пробудилась тогда въ интеллигенціи съ неодолимой силой. Она-то и вызвала движеніе въ земскую статистику, которая дала огромные результаты. Теперь я несомнѣнно былъ бы съ нимъ вмѣстѣ.

Но я пошелъ другимъ путемъ. Во имя чего? Во имя «народной мудрости».

Мы часто съ Григорьевымъ говорили о честности передъ собой. Теперь я оглянулся на свой путь. Былъ ли я честенъ передъ собой? Гдѣ она, эта народная мудрость? Куда привела она меня?

Вотъ я на Яммалахскомъ утесѣ. Внизу передо мною песчаный островъ, какія-то длинноногія птицы ходятъ по песку, перекликаясь непонятными голосами, почти столь же непонятными, какъ и народная мудрость... Вдали, на-

лѣво виднѣется слобода и ея колокольня, направо за островомъ бѣжитъ рѣка, теряясь среди лѣсовъ и каменистыхъ уступовъ. Тамъ за этими лѣсами живутъ товарищи, съ которыми мнѣ предстоитъ долгій и безвѣстный путь, теряющійся въ неизвѣстности.

Вотъ я, во имя народной мудрости, таинственной, неопредѣленной, отказался отъ литературы, быть можетъ, моего истиннаго призванія. Эта неопредѣленная «народная мудрость» привела меня къ туманностямъ Златовратскаго, а теперь приводитъ къ тому, противъ чего возмущается все мое непосредственное чувство: къ смиренію, къ покорности . . .

Народъ признаетъ то, противъ чего возмущается, противъ чего борется интеллигенція. Гдѣ же правда?

И непосредственное чувство, и все, что я передумалъ, говорили мнѣ ясно, что правда на сторонѣ интеллигенціи. Чувство смиренія, къ которому звалъ Златовратскій, вызывало во мнѣ одно возмущеніе. Если понадобится, то нужно возстать противъ цѣлаго народа. Я увѣренъ, что правда въ этомъ и только въ этомъ. Если вѣренъ тотъ голосъ, который такъ ясно говоритъ во мнѣ, у меня есть для этого орудіе: литература. Но я одно время подавлялъ ее въ себѣ во имя пресловутой народной мудрости . . .

Теперь передо мной долгій путь, туманный, мглистый, изъ котораго мнѣ, пожалуй, не выб-

раться... Наконецъ, честность передъ собой требуетъ поставить еще одинъ вопросъ: дѣйствительно ли я революціонеръ? Вотъ Юрій Богдановичъ звалъ меня на революціонное дѣло. Я отказался. Отказался ли бы настоящій революціонеръ при этихъ условіяхъ? Я подумалъ, что было уже нѣсколько случаевъ, когда настоящій революціонеръ на моемъ мѣстѣ уже погибъ бы или запутался бы гораздо больше, чѣмъ я. Это, во-первыхъ, въ томъ памятномъ для меня случаѣ, когда мнѣ предстояла возможность побѣга еще въ Вятской губерніи. У меня тогда мелькнули въ памяти мысли о мести, Лукѣ Сидоровичѣ, но я понималъ, что эти мысли и тогда были у меня не серьезны. Мелькнули и исчезли. У настоящаго революціонера было бы не то... Изъ за чего я тогда отказался отъ нихъ?... Изъ-за заманчивыхъ наблюденій. Я не революціонеръ, а наблюдатель... И потомъ въ Тобольскѣ... Мнѣ все казалось, что хотя мнѣ помѣшала тогда собачка... Но чувства, которыя я тогда испытывалъ, были бы сильнѣе у истиннаго революціонера.

Однимъ словомъ, честность передъ собой заставила меня сознаться, что я не революціонеръ... Наконецъ, мои ленскія мечты... Могли ли онѣ быть у настоящаго революціонера, а не мечтателя? Мнѣ казалось, что отзывъ гипотетическаго лица, названнаго мною «Волкомъ», гораздо ближе передаетъ революціонную психологію, чѣмъ всѣ мои разсужденія.

Въ этомъ мѣстѣ моихъ размышленій (повторяю: я ихъ передаю очень неточно, стараясь лишь о томъ, чтобы они вѣрно излагали общій ходъ моихъ мыслей) на дорогѣ, которая вела на Яммалахскій утесъ, послышался топотъ верховой лошади, и надъ обрѣзомъ утеса показался острый конецъ якутскаго бергеса (шапки). Я двинулся... Якутъ сразу исчезъ. Онъ подумалъ, очевидно, что на утесѣ сидитъ татаринъ, а встрѣтиться на пустынномъ утесѣ съ татариномъ очевидно не входило въ его расчеты. Поэтому онъ сразу скрылся.

Но это не входило въ мои расчеты. Мнѣ страстно захотѣлось поговорить въ эту минуту съ живымъ человѣкомъ. Поэтому я его окликнулъ.

— Догоръ! (другъ), — крикнулъ я. — Минъ нюче сударской. Татаръ манна йохъ (я русскій, государственный... Татарина здѣсь нѣтъ).

Надъ обрѣзомъ дороги опять появилась расцвѣтшая физіономія якута. Онъ спѣшился, подвязалъ лошадь и сѣлъ на травѣ рядомъ со мной. Мы дружески поздоровались и затѣмъ вскорѣ разговорились. Это оказался человѣкъ добродушный и разговорчивый. Происходилъ онъ изъ наслега, расположеннаго по ту сторону рѣки, за островомъ, на которомъ звонко кричали голенастыя птицы. Не помню теперь, какъ назывался этотъ наслегъ. Онъ разсказалъ преданіе о происхожденіи этого наслега. Въ основѣ преданія была любовь. Было два брата: одинъ хорошій и

для своей семьи и для людей, другой настоящій разбойникъ. Хорошаго полюбила дѣвушка. Она соглашалась прійти къ нему въ домъ. Но разбойникъ тоже полюбилъ эту дѣвушку и, увидя, что она хочетъ уйти къ хорошему брату, рѣшился отнять ее. Онъ осадилъ хорошаго брата и его невѣсту съ такими же разбойниками, какъ самъ. Тогда хорошій братъ отбѣжалъ на лошади отъ берега и, сотворивъ молитву богамъ, перескочилъ черезъ рѣку. Родовичи увидали въ этомъ явное благоволеніе боговъ къ хорошему брату, прогнали злого брата, а хорошаго выбрали родовымъ тайономъ.

Послѣ этого онъ перешелъ къ болѣе современнымъ событіямъ. Они не знаютъ, изъ-за чего былъ убитъ царь Александръ II. Очевидно, одни русскіе не соглашались признать его царемъ, а другіе соглашались. А для выбора нужно общее согласіе. Соглашающихся было большинство. Изъ-за этого-то мы и высланы съ родины на далекую сторону. Пока много несогласныхъ, царь не можетъ надѣть шапку (корона и шапка по-якутски обозначаются однимъ словомъ). Такъ царь и ходитъ безъ шапки. Это, разумѣется, очень неудобно. Изъ-за этого онъ распорядился несогласныхъ выслать. Теперь со всей страны требуютъ депутатовъ. Отъ нихъ, изъ улуса тоже потребовали (тогда дѣйствительно по случаю коронаціи Александра III призывали депутатовъ). Они въ своемъ улусѣ сказали: «Пусть надѣваетъ шапку. Мы не противимся. Но нашъ

улусъ бѣдный, намъ убыточно посылать депутатовъ такъ далеко. Вотъ теперь, — прибавилъ онъ, — царь надѣнетъ съ общаго согласія шапку. Тогда и вы получите право вернуться на родину. А жаль, что нашихъ депутатовъ не будетъ. Наши родовичи сказали бы: верни, тайонъ, когда надѣнешь шапку, сударскихъ обратно. Народъ они, мы видимъ, хорошій: не воры, не разбойники, какъ, напримѣръ, татары» . . .

Солнце между тѣмъ садилось въ сторонѣ слободы въ расплавленную рѣку, и намъ пора было подумать о возвращеніи. Я былъ благодаренъ этому невѣдому якуту, съ его наивными разсказами о двухъ братьяхъ и еще болѣе наивными политическими взглядами. Не такъ же ли наивна вся народная мудрость? И все-таки я чувствовалъ, что отъ этого разговора что-то у меня повернулось въ душѣ. Любить этотъ народъ — не въ этомъ ли наша задача. А я въ это время чувствовалъ къ нему именно любовь.

Когда мы спустились съ утеса, онъ долго трясъ мою руку, дружелюбно заглядывая мнѣ въ глаза. Я тоже искренно пожималъ его руку, чувствуя, что этотъ разговоръ, въ свою очередь, далъ мнѣ много. Наконецъ, мы разстались, и его темная фигура потонула въ пріамгинскихъ лугахъ, а я со своею пилой пошелъ луговыми дорогами и передо мной, на фонѣ всходившей луны, уже заливавшей ту сторону, рисовалась темнымъ силуэтомъ острая колокольня амгинской церкви.

XVIII.

ЯКУТСКАЯ ПОЭЗІЯ. НА «ЫСЕХЪ».

Я уже пытался дать читателю первыя свои впечатлѣнія о якутской пѣснѣ. Это нѣчто примитивное и крайне немелодичное. Но своя поэзія есть и у якутовъ. Одинъ знакомый разсказывалъ мнѣ, что однажды въ сумерки онъ ѣхалъ съ знакомымъ якутомъ по лѣсной дорогѣ. По обыкновенію якутъ пѣлъ, и его пѣсня сливалась съ шумомъ тайги. Пѣсня была рифмованная. Знакомый мой вслушался и сталъ разбирать слова. Якутъ пѣлъ:

Бу ордукъ титъ масъ турде,
Бу ордукъ минъ атъ барде...

То-есть:

Вотъ такъ стояла лиственница,
А вотъ такъ бѣжала моя лошадь...

Мой знакомый сталъ вслушиваться далѣе, и понемногу пѣсня стала его захватывать. Якутъ пѣлъ о томъ, что еще версты три... Будетъ въ лѣсу озерко. А тамъ появятся среди темнаго лѣса огни его юрты. Его встрѣтитъ жена, которую онъ очень любитъ, и дѣти... И все это онъ пѣлъ, почти истерически захлебываясь. Тутъ не было пѣсни въ нашемъ смыслѣ, не было мелодіи. Но тутъ было нѣчто до такой степени сливавшееся съ настроеніемъ минуты, съ этимъ протяжнымъ шумомъ тайги, съ мечтательными сумерками, что моего знакомаго захватила эта пѣсня...

Однажды мы позвали къ себѣ въ гости нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Особенное вниманіе возбуждала молодая дѣвушка, которую звали Ленчикъ. Она не была красавица: въ неіі даже, съ ее полнотоіі, было что-то смѣшное. При взглядѣ на нее хотѣлось смѣяться добрымъ смѣхомъ. Она сама то-и-дѣло прерывала свои рѣчи внезапными взрывами смѣха. Въ этомъ было что-то очень женственное и очень милое. Дѣвушки предложили намъ спѣть что-нибудь о насъ. Это была бы поэтическая импровизація, и мы, разумѣется, попросили ихъ объ этомъ. Ленчикъ посмотрѣла на меня и начала:

Въ Камчаткѣ стоитъ серебряное дерево (береза),
На второй вѣткѣ этого дерева сидитъ тетеревъ.
Онъ распустилъ хвостъ.
На его хвостѣ есть загнутыя очень красивыя перья.
Твоя борода напоминаетъ хвостъ этого тетерева и лучшія его перья.
Когда ты везешь дрова мимо моего двора,
Я выхожу на поляницу и смотрю на тебя . . .
Но ты на меня не смотришь, и я вздыхаю . . .

Такимъ же образомъ онѣ по очереди пѣли объ остальныхъ нашихъ товарищахъ. Къ сожалѣнію, повторить этого цѣликомъ невозможно. О Хаботинѣ, напримѣръ, онѣ пѣли, называя все циничными именами. Онѣ называли Хаботина «саксалы», что значитъ прихрамывающая утка.

(Онъ постоянно стаптывалъ валенки и ходилъ на голенищахъ, что дѣйствительно производило впечатлѣніе прихрамыванія). Пѣсня была очень циничная и постоянно прерывалась звонкимъ смѣхомъ юныхъ дѣвицъ.

Вообще у якутовъ есть большая склонность къ поэзіи, хотя не въ нашемъ смыслѣ. Я уже сказалъ, что закругленной мелодіи у нихъ нѣтъ, но зато есть другое,—есть импровизація. Якутъ изливаетъ въ своей пѣснѣ мимолетное настроеніе минуты. Я уже говорилъ о пѣсенныхъ спорахъ Захара Цыкунова со своей женой. Этимъ пѣснямъ никакъ нельзя было отказать въ искреннемъ горячемъ чувствѣ. Якуты часто садятся у камелька и, уставивъ глаза на огонь, слушаютъ длинную импровизацію, цѣлыя поэмы... Иныя поэмы можно пѣть нѣсколько вечеровъ подрядъ, и ихъ слушаютъ все съ тѣмъ же захватывающимъ вниманіемъ. Мнѣ помнится, между прочимъ, длинная поэма о человѣкѣ, который называется «Эрейдахъ - бурейдахъ, эръ соготохъ», по-русски это было бы нѣчто вродѣ «приключенія одинокаго бобыля». Эти приключенія можно пѣть безконечно. Замѣчательно, что приключенія этого эрейдаха крайне разнообразны. Порой онъ попадаетъ въ мѣста, которыя пѣвецъ описываетъ очень подробно. Описывается, напримѣръ, покосъ. Тутъ есть, между прочимъ, описаніе всѣхъ кочекъ разныхъ формъ: кочки съ круглыми головами, кочки съ головами остроконечными, и для каждой формы есть особое суще-

ствительное. Между прочимъ, меня поразило также упоминаніе въ этой пѣснѣ яблокъ, апельсинъ и тому подобныхъ фруктовъ, о которыхъ якуты повидимому не должны имѣть понятія. Объясняется это тѣмъ, что якутскій эпосъ привезенъ въ эти холодныя страны съ юга, и пѣсенники сохранили не только слова, но и самыя понятія, тщательно оберегая ихъ отъ забвенія.

Однажды собралась компанія молодежи на такъ называемый «ысехъ». Это весенній праздникъ, когда освящается съ разными древними обрядами весенній кумысъ. Для этого якуты строятъ чумы, — тунгусскіе шалаши, въ память о томъ, что они жили одно время въ такихъ чумахъ.

Мы отправились съ толпой молодежи. Къ берегу Амги подходили и подъѣзжали много якутовъ и якутокъ. Когда мы подъѣхали къ перевозу, то какой-то пьяненькій якутъ, возвращавшійся съ тройкой лошадей (повидимому, онъ отвозилъ за рѣку какое-то начальство), сталъ горячо протестовать противъ того, что «нюче» (русскіе) тоже собираются присутствовать на «ысехѣ». Онъ находилъ это неприличнымъ нарушеніемъ старыхъ обычаевъ. Остальные ничего противъ этого нашего участія не имѣли и стали его удерживать. Но пьяненькій якутъ до такой степени разгорячился, что сталъ засучивать рукава, намѣреваясь очевидно вступить съ нами въ драку. Тогда его просто вывели изъ лодки съ его лошадьми, и

лодка отчалила безъ него. Тогда онъ сталъ кричать съ берега, что его, сахалы (якута) высадили, а нюче взяли, что онъ все-таки пройдетъ на другую сторону, хотя бы ему пришлось утонуть, и онъ сталъ входить въ воду.

— Вотъ я уже вошелъ по колѣни, — кричалъ онъ, — вотъ я вошелъ по поясъ. Якутъ утонетъ и не попадетъ на ысехъ, а русскіе попадутъ. Онъ разскажетъ объ этомъ всему своему наслегу. Даже всему улусу... И онъ посмотритъ, одобрятъ ли это его родичи.

Пока мы переправлялись на другую сторону, якутъ все кричалъ намъ, что вотъ онъ войдетъ по шею и, наконецъ, утонетъ, и грозился. Другіе якуты не обращали на его крики вниманія, но подошедшій къ тому времени къ перевозу народъ вывелъ его изъ воды. «Сударской», — слышалъ я тихонько передаваемое перевозчиками объясненіе нашего присутствія.

Пройдя съ полверсты отъ берега, мы увидѣли, во-первыхъ, тунгусскій чумъ, сооруженный по старинному обычаю. Это былъ остроконечный шалашъ. Въ немъ уже совершались обряды освященія кумыса. Передъ чумомъ стояли ряды якутовъ и что-то пѣли. Я обратился къ знакомому амгинцу и попросилъ перевести мнѣ эти пѣсни. Онъ сталъ переводить, но очевидно самъ не все понималъ. Видя, что я вынулъ записную книжку и пытаюсь записать пѣсни, изъ группы стариковъ отдѣлился почтенный, совер-

шенно сѣдой старикъ, приближеніе котораго ко мнѣ произвело на якутовъ извѣстное впечатлѣніе. Они стали слѣдить за нашимъ разговоромъ. Я думалъ, что онъ станетъ тоже протестовать противъ моихъ записей, но онъ, наоборотъ, охотно сталъ объяснять мнѣ происходящее. Онъ говорилъ порядочно по-русски, а затѣмъ намъ еще помогли знакомые амгинцы, и я приблизительно понялъ смыслъ этихъ религіозныхъ пѣсенъ. Въ нихъ якуты молились, чтобы Богъ принялъ первую весеннюю жертву милостиво, взглянувъ на нее «съ седьмого неба». Старикъ, показавшійся мнѣ очень разумнымъ, сталъ объяснять мнѣ, что Богъ одинъ у всѣхъ людей. Якуты сначала этого не понимали, но одинъ разумный священникъ объяснилъ имъ это. Онъ объяснилъ имъ, между прочимъ, что у русскихъ есть тѣ же божества, которыя есть и въ древней якутской религіи: Богъ-Сынъ, служащій посредникомъ между Божествомъ и людьми, Богъ-Духъ Святой (дыханіе Божества) и Божья Матерь, которая родила сына. Кажется, о Божьей Матери были у якутовъ слишкомъ матеріалистическія представленія. Наконецъ, — повидимому это произвело на якутовъ особенно сильное впечатлѣніе, — у якутовъ оказались даже ангелы. Старикъ называлъ ихъ анги, что во множественномъ числѣ звучитъ ангеллеръ, что уже совсѣмъ близко къ русскому.

Старикъ говорилъ важно и немного торжественно. Остальные ему поддакивали, одобри-

тельно кивая головами и очень интересуясь тѣмъ, чтобы мои записи вышли правильно.

Я шелъ по лѣсу подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого праздника и торжественныхъ объясненій старика. Когда мы подошли къ рѣкѣ, за ней угасало солнце, заливая огнемъ заката вечернее небо. Спустились сумерки.

Я думалъ о томъ, что христіанство не потеряло еще своего значенія, что оно еще незамѣнимо для объединенія человѣчества, и Богъ знаетъ, когда роль его кончится.

Изъ тайги доносились отголоски религіозныхъ гимновъ, захлебывающихся, истерическихъ, но производившихъ на меня свое впечатлѣніе.

На берегу рѣки ко мнѣ подошелъ тотъ самый якутъ, который протестовалъ противъ нашего присутствія на «ысехѣ». Онъ видѣлъ, какъ со мной разговаривали старики, пожалъ мнѣ руку и извинился.

Вообще въ якутской поэзіи, несмотря на отсутствіе мелодіи (въ этомъ отношеніи она напоминаетъ монгольскія пѣсни), есть то, чего у насъ нѣтъ, — много непосредственности. Якутъ сразу выливаетъ свои ощущенія, безъ затрудненія находя для нихъ и рифмы, и своеобразный ритмъ, то-есть то, что мы уже утратили...

XIX.

МАРКЪ АНДРЕЕВИЧЪ НАТАНСОНЪ И ЕГО ЖЕНА.

Къ намъ перевели изъ довольно отдаленнаго Балганскаго улуса Марка Андреевича Натансона и его жену. Я не знаю, какія были побужденія у администраціи для ихъ перевода, но ихъ поселили недалеко отъ насъ, верстахъ въ двадцати, кажется, въ Женкунскомъ наслегѣ, въ одинокой избушкѣ въ лѣсу, выстроенной нарочно для нихъ.

Я встрѣчался съ Натансономъ еще въ Петровской Академіи. Однажды къ намъ на сходку пріѣхалъ молодой студентъ еврей, въ очкахъ, съ очень умнымъ лицомъ, и, помню, въ этотъ первый разъ сталъ толковать мнѣ о томъ, что у насъ мало обращаютъ вниманія на расколъ, и что вниманіе революціонеровъ должно быть направлено на Уралъ, гдѣ много раскольничьихъ центровъ. Онъ говорилъ очень умно, но мнѣ показалось тогда, что все это слишкомъ теоретично.

Послѣ этого имя Натансона часто встрѣчалось, какъ имя довольно извѣстное въ революціонной средѣ, такъ же, какъ имя его жены, Ольги Натансонъ, русской. Ольга Натансонъ умерла, и теперь, въ самое послѣднее время, онъ женился на другой, дочери какого-то московскаго купца, которая раздѣляла его революціонныя убѣжденія. Она незадолго до того пріѣхала къ нему въ Якутскую область, и скоро предстояла свадьба.

Натансона перевели сначала на рѣку Алданъ, а потомъ поближе къ нашей слободѣ. Въ то время, какъ я съ нимъ познакомился въ Петровской Академіи, Натансона причисляли къ чайковцамъ, — кружку, къ которому принадлежалъ Маликовъ, но къ богочеловѣкамъ онъ не принадлежалъ никогда. Для этого онъ былъ слишкомъ практиченъ.

Въ ожиданіи окончанія работъ у ихъ лѣсной избушки, гдѣ имъ предстояло жить, Натансоны поселились у насъ въ слободѣ и стали устраивать свое хозяйство. Между прочимъ, мы пріискали имъ и прислугу. Это былъ старый бродяга, всю жизнь проведшій по тюрьмамъ. Звали его «Иваномъ 38-ми лѣтъ». Лѣтъ ему было гораздо больше, но какъ-то его записали такимъ образомъ, и съ тѣхъ поръ онъ официально застылъ на этомъ возрастѣ.

Это былъ человѣкъ очень оригинальный. Онъ внушилъ намъ, амгинскимъ ссыльнымъ, общую симпатію, и мы нѣсколько разъ предлагали ему примкнуть къ нашему хозяйству. Это ему было очевидно выгодно, но онъ почему-то упорно отказывался. Сначала я съ любопытствомъ присматривался къ этому бродягѣ и старался объяснить себѣ его отказъ. Потомъ мнѣ показалось, что я его понялъ. Въ юности онъ былъ крѣпостнымъ и провинился въ какомъ-то бытовомъ крѣпостническомъ преступленіи... Мнѣ казалось, что прошлое имѣло надъ нимъ неодолимую власть. Крѣпостное право было давно

отмѣнено, но онъ продолжалъ жить въ крѣпостномъ правѣ. Онъ мечталъ о возстановленіи своей жизни именно съ того момента, съ котораго она прервана тюрьмой. Онъ мечталъ о томъ, что ему удастся найти «настоящихъ господъ», и тогда его жизнь будетъ возстановлена. Мы ему казались не настоящими. Когда наши пріятели (напримѣръ, Пекарскій) заговорили съ нимъ о насъ, онъ отзывался о насъ, какъ о людяхъ очень хорошихъ, но все-таки оставался въ его отзывахъ какой-то осадокъ неудовлетворенности: для него мы были слишкомъ демократичны. Въ насъ мало было господскаго. Мы были «не настоящіе».

Я объяснилъ Натансону, какъ я понимаю психологію стараго крѣпостного человѣка. Натансонъ съ этимъ согласился, и идеалъ Ивана 38-ми лѣтъ получилъ, наконецъ, осуществленіе. Натансоны помѣстили бродягу въ узенькой проходной каморкѣ. Онъ вскакивалъ каждый разъ, когда черезъ его помѣщеніе проходили «господинъ» или «госпожа», и былъ совершенно доволенъ. Наконецъ, у него были «настоящіе господа».

Между прочимъ, онъ былъ мастеръ на всѣ руки. «Мнѣ по бродяжеству все приходилось дѣлать», — говорилъ онъ. — И поэтому, когда у насъ испортилось заднее колесо, передъ самымъ отъѣздомъ къ Натансону, онъ тутъ же его починилъ. Правда, колесо это не довезло насъ даже до мѣста и невдалекѣ отъ избушки свалилось.

У бродяги и на это нашлось средствіе. Онъ срубилъ молодую лиственницу и приладилъ ее вмѣсто колеса. Къ счастью, это случилось близко отъ избушки Натансона, и мы кое-какъ доѣхали. По съ тѣхъ поръ въ такихъ случаяхъ у насъ установилась поговорка: «это по бродяжеству».

Я запрягъ нашу пару и лично свезъ Натансоновъ въ ихъ новое жилище. При этомъ не могу не упомянуть еще о маленькой допущенной мною неосторожности. Въ это время я выработалъ привычку каждый день купаться въ холодной амгинской водѣ. Къ Натансонамъ мы пріѣхали уже поздно, въ густыя сумерки, и распрягши и подвязавши лошадей, я тотчасъ же отправился въ лѣсъ, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, должна была находиться рѣка. Она была меньше, чѣмъ въ полверстѣ отъ избушки, и я вскорѣ услышалъ шумъ ея быстраго теченія. Я подбѣжалъ къ берегу, быстро раздѣлся и кинулся съ разбѣга въ холодныя волны. Кинулся и, признаюсь, испугался. Меня сразу подхватилъ какой-то водоворотъ и понесъ по теченію. Темные силуэты деревьевъ проносились мимо, тотчасъ же сливаясь въ неопредѣленную темную массу, а меня все несло и несло. Вдобавокъ впереди слышался шумъ, точно отъ водопада... Я съ неимовѣрными усиліями измѣнилъ нѣсколько направленіе, и меня прибило къ какимъ-то кучамъ хвороста, нанесеннымъ теченіемъ. Не безъ усилій я выбрался на довольно крутой берегъ и съ полверсты мнѣ пришлось пробѣжать по тем-

ному лѣсу до своей одежды. Въ избушкѣ уже шумѣлъ самоваръ, поставленный Иваномъ 38-ми лѣтъ, Натансоны ждали меня и начинали безпокоиться. Бродяга съ радостною готовностью прислуживалъ господамъ. Натансоны, впрочемъ, отпустили его, наливъ ему чаю, но сдѣлали это такъ величественно, что бродягѣ не оставалось ничего, кромѣ повиновенія. Черезъ нѣкоторое время онъ сталъ самымъ вѣрнымъ слугой, которые перевелись въ это время даже и на Руси.

Съ тѣхъ поръ Натансоны зажили въ своей избушкѣ, подъ шумъ лѣса. Впрочемъ, они часто пріѣзжали къ намъ и проживали въ слободѣ по недѣлѣ, оставляя Ивана 38-ми лѣтъ на хозяйствѣ. Когда у насъ начались весеннія работы, — Маркъ Натансонъ изрѣдка принималъ въ нихъ участіе. Я не могу забыть его курьезную фигуру, когда онъ боронилъ вспаханный нами огородъ. Дѣло было не только въ томъ, что Натансонъ былъ еврей, а евреи вообще мало склонны къ физическимъ работамъ. У насъ былъ другой товарищъ еврей-Вайнштейнъ и, однако, онъ удовлетворительно справлялся со всѣми полевыми работами. Впослѣдствіи къ намъ присоединился Осипъ Васильевичъ Аптекманъ, котораго, несмотря на слабосиліе, можно было упрекнуть въ излишней смѣлости въ обращеніи съ лошадьми. Дѣло было просто въ томъ, что въ лицѣ Натансона мы имѣли дѣло съ теоретикомъ, болѣе привычнымъ къ книгѣ и революціонной

конспираціи, чѣмъ къ практическимъ работамъ. Во всякомъ его движеніи сказывалась эта неспособность. Вытянувъ руку съ поводомъ насколько возможно, онъ съ нѣкоторымъ страхомъ смотрѣлъ на лошадь въ очки, та съ такимъ же страхомъ смотрѣла на него, а въ сторонѣ стояла Варвара Ивановна и не безъ опасеній посматривала на обоихъ.

XX.

НРАВЫ ЯКУТСКОЙ АДМИНИСТРАЦІИ.

Одинъ изъ нашихъ сосѣдей, бѣдный, обнищавшій якутъ, рѣшилъ наняться въ городъ, чтобы немного поправить свое хозяйство. Черезъ нѣкоторое время ему повезло: мы узнали, что онъ нанялся къ самому полицеймейстеру. Однако черезъ нѣкоторое время онъ опять появился въ нашихъ мѣстахъ. На наши вопросы онъ, сначала заминаясь, а потомъ смѣлѣе разсказалъ исторію.

Однажды ночью его разбудилъ старшій работникъ и велѣлъ вмѣстѣ съ другими рабочими снаряжаться за сѣномъ. Нашъ якутъ удивился, — кто же ѣздитъ за сѣномъ ночью? Но другіе рабочіе приняли это какъ должное, точно это былъ установившійся порядокъ. Пріѣхали на мѣсто, и старшій рабочій указалъ, какой стогъ надо брать.

— Да вѣдь это не нашъ стогъ, — замѣтилъ якутъ.

— Дуракъ, кто же за своимъ стогомъ ночью ѣздитъ! — отвѣтилъ распорядитель. Остальные засмѣялись. Якутъ такъ испугался, что на слѣдующій же день скрылся и вернулся въ свои мѣста.

Объ этомъ полицеймейстерѣ ходили по городу еще болѣе пикантные слухи. Говорили, что онъ не останавливается и передъ конокрадствомъ. Однажды ему очень понравилась красивая и рѣзвая лошадь одного обывателя. Онъ сталъ торговать эту лошадь у владѣльца. Тотъ былъ любитель и именно эту лошадь уступить не согласился. Но, зная полицеймейстерскія замашки, онъ принялъ свои мѣры: онъ расковалъ лошадь и на копытахъ выжегъ свое тавро. Черезъ нѣкоторое время лошадь дѣйствительно пропала, а въ табунѣ полицеймейстера появилась новая лошадь другой масти.

Обыватель оказался человѣкомъ догадливымъ и настойчивымъ. Официально онъ заявилъ, что у него пропала лошадь, и что онъ имѣетъ всѣ основанія подозрѣвать, что она находится въ табунѣ полицеймейстера. Это былъ уже скандалъ. Купецъ довольно вліятельный и богатый сообщилъ объ этомъ губернатору, а главное — это было бы не важно, съ губернаторомъ администрація дѣлала, что хотѣла, — заявилъ еще безпокойному прокурору. Осмотрѣли та-

бунъ. Купецъ опредѣленно указалъ на свою лошадь, — масть была другая, но владѣлецъ бралъ ся доказать, что она перекрашена. Прокуроръ считалъ себя призваннымъ бороться съ злоупотребленіями мѣстной администраціи. Подковы сняли, тавро обнаружилось, а черезъ нѣкоторое время обнаружилась настоящая окраска лошади. Скандалъ вышелъ слишкомъ громкій даже и для Якутска, и полицеймейстеру пришлось подать въ отставку.

Эти подробности привезъ изъ города Папинъ, который къ этому времени ѣздилъ въ Якутскъ для продажи нѣкоторыхъ нашихъ припасовъ. Онъ же привезъ и другую новость, не менѣе пикантнаго свойства. Нравы якутской администраціи были тогда чисто гоголевскіе. Въ областномъ судѣ былъ судья, у котораго была, не помню, жена или любовница, большая любительница рѣдкихъ птицъ. А у секретаря была тоже, не помню, жена или любовница, у которой была именно рѣдкая курица кохинхинка. Судья потребовалъ эту курицу для своей дамы, секретарь или его дама заупрямилась. Вышла ссора, перешедшая въ громкую перебранку на улицѣ, послѣ того, какъ секретарь загналъ спорную курицу себѣ во дворъ. Секретарь сталъ на всю улицу высчитывать преступленія судьи, судья въ свою очередь сталъ перечислять преступленія секретаря. У судьи такихъ преступленій оказалось больше. А недалеко при этихъ скандальныхъ разоблаченіяхъ присутствовалъ все тотъ

же проку́роръ и моталъ всѣ эти разоблаченія на усъ.

Вѣроятно, все это было въ традиціяхъ якутскихъ чиновничьихъ нравовъ. Поссорятся, потомъ помирятся и опять пріятели, какъ ни въ чемъ не бывало. На этотъ разъ это не обошлось такъ благополучно. Прокуроръ былъ человѣкъ, какъ уже сказано, безпокойный. Онъ былъ изъ правовѣдовъ и обладалъ наружностью, которая заставляла удивляться, какъ онъ попалъ въ якутскія палестины. И главное — не только попалъ, но и застрялъ здѣсь. Про него говорили, что онъ въ чиновничьемъ мірѣ держитъ себя высокомѣрно и безпокойно, какъ крупный шершень, попавшій среди мухъ. Одно время онъ предпочиталъ даже неблагонадежное общество политическихъ. Вотъ этотъ безпокойный прокуроръ потребовалъ къ себѣ секретаря и заставилъ его изложить всѣ свои разоблаченія письменно. Тотъ сгоряча согласился. Прокуроръ отправилъ «доносъ» въ Иркутскъ, и судья впредь до разбирательства потерялъ мѣсто.

Чиновничья среда нашла, что это уже слишкомъ. Когда къ намъ пріѣзжали «засѣдатели», и мы иронически заговаривали съ ними объ этомъ, они (даже самый добродушный изъ нихъ Слѣпцовъ) дѣлали холодныя лица и старались замять разговоръ. Мы видѣли, что прокуроръ возстановилъ противъ себя всю чиновничью среду. Это не говорилось прямо, — защищать конокрадство, хотя бы и у полицеймейстера, — на это ну-

жно много мужества, — но это все-таки чувствовалось... Мы относились къ этимъ административнымъ бурямъ съ юмористической точки зрѣнія, насъ это забавляло, но невольно наше сочувствіе склонялось на сторону безпокойнаго прокурора, пока его безпокойный нравъ не обратился противъ насъ. Но объ этомъ послѣ.

XXI.

МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ ЯКУТСКЪ. ПОЛЬСКІЙ ПИСАТЕЛЬ ШИМАНСКІЙ.

По примѣру Панина, я въ свою очередь попросилъ разрѣшенія съѣздить въ Якутскъ. Особыхъ дѣлъ у меня не было, но было одно порученіе отъ пріятеля: еще во время моего пребыванія въ Иркутскѣ, М. П. Сажинъ просилъ меня, если случится, побывать въ Якутскѣ, передать его привѣтъ одной его давней заграничной знакомой Смецкой. Она была въ его женевскомъ кружкѣ антилавристовъ, вѣрнѣе бакунистовъ (тогда Бакунинъ былъ еще живъ). Когда-то она была рьянымъ политикомъ. Между прочимъ, она была очень горячаго нрава и прославилась въ эмиграціи пощечиной, данной на улицѣ одному изъ видныхъ лавристовъ, писавшихъ рѣзкія статьи противъ Бакунина.

Теперь она вышла замужъ за поляка Шиманскаго, у нея родился ребенокъ, и послѣ этого она замѣтно успокоилась. Узнавъ, что я соби-

раюсь въ Якутскъ и что у меня есть къ ней порученіе, Шиманскіе пригласили меня остановиться на ихъ квартирѣ. Я пріѣхалъ къ нимъ, передалъ привѣтъ Сажина, и они приняли меня очень радушно. Смецкая была женщина красивая и дворянски породистая. Ея большіе глаза по временамъ еще вспыхивали прежнимъ огнемъ.

Шиманскій, — впослѣдствіи замѣтный польскій писатель, — до женитьбы сильно кутилъ и между прочимъ охотно являлся собутыльникомъ безпокойнаго прокурора, который въ то время хандрилъ и заливалъ тоску виномъ. Говорили, что Смецкая вышла замужъ за Шиманскаго, чтобы спасти отъ запоя этого поляка, въ которомъ она угадала недюжинныя способности. Это ей удалось. Со времени женитьбы онъ совершенно остепенился, бросилъ веселую компанію, жилъ чисто семейной жизнью. Мальчику Шиманскихъ шелъ тогда уже второй годъ.

Въ то время Якутскъ былъ почти пустъ отъ политическихъ: ихъ разсылали по улусамъ. Помню, у Шиманскихъ бывалъ по вечерамъ Ширяевъ, братъ погибшаго въ Шлиссельбургѣ, и еще какая-то пара, мужъ и жена, довольно состоятельные московскіе купцы, фамилію которыхъ я теперь забылъ.

Въ этой компаніи я прочиталъ тогда уже написанный мной «Сонъ Макара». На Шиманскаго мой разсказъ произвелъ своеобразное впечатлѣніе. Я не сомнѣваюсь, что у Шиманскаго зародилась первая мысль о собственныхъ про-

изведеніяхъ въ тотъ именно вечеръ. Онъ долго ходилъ по комнатѣ, какъ бы что-то обдумывая подъ глубокимъ впечатлѣніемъ. Онъ очень убѣждалъ меня не бросать писаніе, но мнѣ казалось, что онъ убѣждаетъ въ чемъ-то также и себя. И дѣйствительно, когда Шиманскій вернулся на родину, въ польской литературѣ появилось новое яркое имя. Въ разсказахъ Шиманскаго описывались встрѣчи съ соотечественниками въ отдаленномъ якутскомъ краѣ. Въ нихъ рисовалась тоска по родинѣ, и Шиманскій находилъ для нея искреннія глубокія ноты. Это была какъ разъ самая благодарная для поляковъ тема, а Шиманскій умѣлъ находить для нея яркія краски. Нѣкоторые изъ разсказовъ были переведены на русскій языкъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ переведенный въ «Отечественныхъ Запискахъ» разсказъ «Сруль изъ Любартова», гдѣ та же тема (тоска по родинѣ — Польшѣ) мастерски преломляется въ душѣ еврея. Вообще литературная дѣятельность Шиманскаго стала въ польской литературѣ очень замѣтнымъ явленіемъ.

Умеръ Шиманскій не очень давно, уже въ 1916 году, но боленъ былъ уже давно. Ранѣе его умерла его жена и оба отъ одного и того же недуга: душевной болѣзни. Мнѣ кажется, что я замѣчалъ въ немъ нѣкоторыя ненормальности еще въ то время, когда въ ней ничего не было замѣтно. Однажды вечеромъ онъ сталъ разсказывать о томъ, какъ жившій у нихъ бродяга поку-

шался на ихъ жизнь. — «Бродяги умѣютъ открывать запертыя двери особымъ способомъ, — разсказывалъ намъ Шиманскій, и въ голосѣ его слышались странныя ноты. — Однажды онъ проснулся глубокой ночью. Ему не спалось, разныя мысли приходили ему въ голову. Пришла мысль и о бродягѣ-прислужникѣ. Кстати, Шиманскій по нѣкоторымъ признакамъ сталъ подозрѣвать его. Онъ какъ будто собирался отъ нихъ уходить куда-то, но ничего не говорилъ имъ о своемъ намѣреніи. И вдругъ... онъ слышитъ, кто-то осторожно подымается снизу (они жили въ двухъ-этажномъ домѣ). Дверь снизу, положимъ, заперта. Но ему вспомнились разные пріемы бродягъ. Онъ всталъ съ постели и подошелъ къ двери, оставивъ свѣчку въ сосѣдней комнатѣ.

Шиманскій, длинный, худощавый, съ выразительнымъ лицомъ, самъ подошелъ на цыпочкахъ къ двери и какъ будто замеръ.

— И вотъ... представьте... слышу... трогаетъ. Я наложилъ руку на задвижку... Разъ... Другой... Третій... Потомъ еще, еще, еще и еще... Видитъ, что задвижка не поддается... И такимъ же образомъ... Тихонько...

Шиманскій повернулся и, такъ же приподымая ноги, драматически показалъ, какъ бродяга спустился.

Все это онъ продѣлывалъ такъ драматично, своимъ разсказомъ такъ захватилъ всѣхъ при-

сутствующихъ, что мнѣ, признаюсь, показалось все это какой-то мрачной фантазіей.

Мнѣ показалось, кромѣ того, что Шиманская смотрѣла на мужа съ какимъ-то особеннымъ безпокойствомъ.

Затѣмъ Шиманскіе развивали передъ нами особенную систему воспитанія, которую они намѣрены примѣнять къ своему ребенку. Она русская, онъ полякъ. Обѣ національности имѣютъ одинаковыя права на его душу... У него будетъ пока два отечества... Поэтому они будутъ жить по возвращеніи на родину то въ Россіи, то въ Польшѣ. Такимъ образомъ мальчикъ будетъ подвергаться то польскимъ, то русскимъ вліяніямъ. Затѣмъ, когда онъ вырастетъ, онъ самъ выберетъ себѣ родину. Не знаю, какъ они примѣняли эту систему, знаю только, что оба впали въ душевную болѣзнь. Сначала она, потомъ онъ...

Черезъ нѣкоторое время я ихъ увидѣлъ опять уже въ Россіи. Тогда у нея признаки душевной болѣзни были уже замѣтны. У насъ былъ съ нею разговоръ. Я тогда напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» фельетонъ объ арзамасскихъ «Божьихъ домахъ». Она сообщила мнѣ, что теперь наступаетъ ея очередь, т. е. они будутъ жить въ Россіи. Она выбрала именно Арзамасъ. И теперь я выдвигаю чисто національстическій мотивъ, чтобы ей помѣшать (въ «Божьихъ домахъ» идетъ рѣчь о горѣ близъ Ар-

замаса, ко́торая вся покрыта маленькими «божьими домами», въ сущности могилами казненныхъ стрѣльцовъ). Я долго не могъ понять, въ чемъ дѣло. Но когда понялъ, то сердце у меня сжалось; она говорила такъ страстно, точно подозрѣвала меня въ заговорѣ съ ея мужемъ. Вообще слѣды душевнаго разстройства проступали у нея совершенно ясно. Вспоминался мнѣ тотъ вечеръ, когда Шиманскій разсказывалъ о бродягѣ, и когда мнѣ показалось, что она смотритъ на него съ безпокойствомъ, и я подумалъ: — вотъ еще когда это началось. Если я тогда не ошибся, это безпокойство нарушило ея душевное равновѣсіе. Этимъ они запутали неразрѣшимый національный узелъ. Шиманскій оказался крѣпче, чѣмъ жена, поэтому она дошла до конца раньше. Но послѣ, тѣмъ же роковымъ путемъ, за нею послѣдовалъ и онъ.

Польскій критикъ Л. Козловскій, посвятившій Шиманскому посмертную статью въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», говоритъ, между прочимъ:

«Адамъ Шиманскій сразу плѣнилъ читателя и новыми картинами природы Сибири, въ которой (замѣтимъ отъ себя) погибло столько поляковъ, и новыми образами польскихъ изгнанниковъ...

«Какъ это могло случиться, что всѣмъ извѣстный польскій писатель пріѣхалъ въ Москву и въ мѣстной польской колоніи никто не зналъ объ этомъ? Я этого не знаю, но увѣренъ, что это

могло случиться съ однимъ Шиманскимъ, съ этимъ загадочнымъ и молчаливымъ гостемъ польской литературы . . . Въ польскую литературу онъ вошелъ совершенно неожиданно, готовымъ талантомъ, сверкнувшимъ необычайно яркимъ свѣтомъ, и такъ же неожиданно на долгіе годы исчезъ изъ нея. Онъ написалъ всего нѣсколько разсказовъ, оставивъ однако неизгладимый слѣдъ въ литературѣ. И затѣмъ смолкъ на цѣлыя десятилѣтія».

Меня очень интересовала фигура безпокойнаго прокурора, и Шиманскіе убѣдили меня сходить къ нему. Они увѣряли, что къ политическимъ онъ относится съ извѣстной симпатіей, что онъ даже сочувствуетъ въ общемъ нашимъ идеямъ. Не помню, что помѣшало Шиманскому на этотъ разъ пойти къ нему, но я пошелъ одинъ.

Прокуроръ жилъ въ маленькомъ чистенькомъ домикѣ, убранномъ опрятно, хотя безъ особыхъ претензій. Я былъ тогда одѣтъ довольно странно. Послѣ Починковъ, послѣ цѣлаго ряда тюремъ, послѣ Амги, въ которой нашъ костюмъ обогатился нѣкоторыми принадлежностями изъ кожи, могу сказать, что я былъ одѣтъ довольно фантастически. Все это дополнялось какой-то блузой, присланной мнѣ старшей изъ сестеръ Ивановскихъ, тоже довольно фантастическаго вида, съ очень длинными, широкими рукавами, вдобавокъ расшитыми по краямъ какими-то узорами. Передо мной же былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми, одѣтый по домашнему, но по всѣмъ пра-

виламъ хо́рошаго тона и даже причесанный съ проборомъ на-двое (à la Capoul), — тогда эта прическа была въ модѣ.

Не помню теперь, о чемъ мы тогда говорили, помню только, что мнѣ тогда показалось, что этотъ безпокойный прокуроръ гораздо умнѣе, чѣмъ это оказалось по нѣкоторымъ его поступкамъ впослѣдствіи. Я говорю объ этомъ потому, что черезъ нѣкоторое время онъ выкинулъ въ отношеніи Натансона такую странную штуку, которая обратила его въ посмѣшище всей якутской администраціи.

Это было мое послѣднее свиданіе въ Якутскѣ. Послѣ этого я радушно попрощался съ Шиманскимъ, и пара обывательскихъ опять меня поволокла въ направленіи на востокъ и потомъ въ Яммалахскую падь къ Амгѣ.

Къ сожалѣнію, мнѣ приходится закончить этотъ очеркъ печальной нотой, которая быть можетъ имѣла роковое значеніе для обоихъ Шиманскихъ, для него въ особенности. Вскорѣ послѣ революціи, въ Якутскѣ была найдена переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ которой Шиманскій предлагалъ свои услуги по части доноса. Министръ отказалъ предлагавшему, но все-таки предложеніе было сдѣлано и, если она знала объ этомъ, то неизвѣстно, какъ это могло отразиться на ней, бывшей горячей бакунисткѣ.

XXII.

ВЫХОДКА БЕЗПОКОЙНАГО ПРОКУРОРА.

Теперь мнѣ приходится разсказать маленькій юмористическій эпизодъ, въ которомъ первая роль принадлежитъ именно этому безпокойному прокурору.

Была опять зима. Звуки разносились отчетливо и ясно. Казалось, въ морозномъ воздухѣ звукъ совсѣмъ не умираетъ, а стоитъ, отдаваясь и уходя вдаль. Въ это время къ намъ вошелъ полякъ Пекарскій. Онъ часто сообщалъ намъ новости и всегда при этомъ умное лицо его принимало юмористическій оттѣнокъ...

— Выйдите на свою юрту. Тамъ ѣдетъ, повидимому, начальство и по важному дѣлу: не остановилось передъ такимъ морозомъ.

Мы вышли на юрту. На другихъ юртахъ виднѣлись фигуры заинтересованныхъ татаръ. Кое-гдѣ они уже на всякій случай запрягали лошадей: можетъ быть, понадобится отвозить что-нибудь въ лѣсъ... Неудобство было только въ томъ, что ночь была свѣтла, какъ день; на лѣсной дорогѣ, къ лѣсу все будетъ видно.

Вдругъ звонъ остановился версты за полторы отъ слободы. Потомъ колокольчикъ опять зазвонилъ, но уже очевидно подвязанный, звуки раздавались какіе-то укороченные. Слобода еще болѣе насторожилась. Очевидно распоряжался человѣкъ неопытный. Не было лучшаго средства,

чтобы возбудить крайнее любопытство всей слободы.

— Это что такое, — спросилъ Пекарскій, — не къ вамъ ли это, господа политическіе? Чего добраго, не иначе, какъ къ вамъ. Или ужъ къ татарамъ? Ахметка, Ахметка, слышалъ ты?

— Слыхали, всѣ мы слыхали . . .

— Что узнаете, приходите сказать и намъ, — сказалъ Папинъ.

— Ладно, скажемъ . . .

Съ разныхъ мѣстъ раздался топотъ лошадей, и молодые татарчата помчались въ направленіи въѣзда начальства въ слободу. Съ этихъ поръ мы знали о каждомъ шагѣ начальства.

Мы узнали, прежде всего, что къ мірской избѣ подъѣхало дѣйствительно начальство. Оно состояло изъ засѣдателя Слѣпцова и прокурора. Слѣдующій посланецъ сообщилъ, что кромѣ начальства, есть еще одинъ . . . замаскированный, котораго въ мірскую избу не впустили. Черезъ нѣкоторое время онъ однако сильно озябъ, сталъ проситься въ тепло, его допустили и тогда оказалось, что это Киргинякинъ сынъ. «Киргинякъ» значитъ по-якутски многодѣтный. Я уже говорилъ (еще разсказывая о Вятской губерніи), что правительство стало разрѣшать административнымъ порядкомъ также и еврейскій вопросъ. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Одна изъ такихъ щепокъ былъ и злополучный «Киргинякъ». У него былъ старшій сынъ, у котораго явилась честолюбивая мысль попасть въ политическіе, а

можетъ быть и пріобщитъ къ этому привилегированному сословію кое-кого изъ семьи. Онъ жилъ недалеко отъ насъ.

Натансонъ былъ человѣкъ замѣчательно умный, но у него была маленькая слабость. Даже во Франціи, на почвѣ совершенно свободной, онъ конспирировалъ, и въ послѣдніе годы, уже передъ войной я увидѣлъ у него тѣ же пріемы: онъ то и дѣло отводилъ въ сторону того или другого собесѣдника и начиналъ съ нимъ шептаться. Конспиративные пріемы вошли у него уже въ плоть и кровь и порой способны были вызвать подозрѣніе тамъ, гдѣ для него не было повидимому почвы. Мы знали за нимъ эту черту и порой надъ нею посмѣивались.

Киргинякину сыну это подало нѣкоторыя надежды. Онъ подумалъ, что черезъ Натансона онъ сможетъ попасть въ политическіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтетъ присвоенные этому званію девять рублей въ мѣсяцъ... Онъ началъ дѣйствовать. Сначала онъ заявилъ о своемъ сочувствіи и сталъ внимательно слушать его наставленія. У Натансона было правило: не отталкивать людей, которые могутъ впослѣдствіи пригодиться. Онъ не оттолкнулъ и Киргинякина сына, сталъ съ нимъ толковать и принялъ его, какъ «сочувствующаго молодого человѣка». Молодого человѣка стали видѣть съ Натансономъ въ уединенныхъ бесѣдахъ. Но тому этотъ путь показался слишкомъ медленнымъ. Надо замѣтить, что многіе изъ уголовныхъ ссыльныхъ мечтали о томъ,

чтобы перевестись въ политическіе, а одинъ, фамилію котораго я теперь забылъ, серьезно приступалъ ко мнѣ съ просьбой совѣта, какъ ему сдѣлаться политическимъ. И инымъ это удавалось. Всего вѣрнѣе былъ доносъ: стоило донести, припутавъ тутъ и себя,—и дѣло сдѣлано. Этотъ именно путь избралъ и Киргинякинъ сынъ. Онъ донесъ на Натансона, будто онъ у себя въ лѣсу хранитъ складъ динамита съ цѣлью взорвать губернаторскій домъ и присутственныя мѣста. Доносъ былъ сляпанъ такъ, что никто изъ обычныхъ администраторовъ ему не повѣрилъ. Прежде всего, задавались вопросомъ, какая польза мѣстнымъ политическимъ взрывать присутственныя мѣста въ отдаленномъ Якутскѣ. Нашелся однако человѣкъ, который повѣрилъ всей этой фантасмагоріи. И этотъ человѣкъ былъ безпокойный прокуроръ, съ которымъ я познакомился въ Якутскѣ.

Чѣмъ это объяснить, не знаю, но прокуроръ взялъ Киргинякина сына подъ свое покровительство, старался внушить другимъ, что въ его измышленіяхъ много вѣроятнаго, и... привезъ его свѣтлымъ морознымъ вечеромъ въ Амгу.

Съ тѣхъ поръ мы получали подробныя свѣдѣнія о каждомъ шагѣ начальства и Киргинякина сына. По нѣкоторымъ чертамъ было видно, что засѣдатель (Слѣпцовъ) явно не вѣритъ измышленіямъ Киргинякина сына, но распоряжался не онъ, а прокуроръ. Поэтому черезъ нѣкото-

рое время колокольцы опять зазвенѣли и долго звенѣли въ направленіи лѣса, въ которомъ жили Натансоны. Наконецъ, послѣдніе отголоски колокольчиковъ замерли въ морозномъ воздухѣ. Мы легли спать, отрядивъ нѣсколько татаръ охотниковъ.

На утро мы узнали продолженіе фантастической исторіи. Начальство пріѣхало къ лѣсной избушкѣ, у Натансоновъ произвели обыскъ. Къ сожалѣнію, у нихъ нашли печати (разумѣется фальшивыя) и всю фабрику для приготовленія фальшивыхъ паспортовъ на случай побѣга. При этомъ оба Натансоны старались сжечь все это въ камелькѣ, но печати были металлическія, и ихъ захватили. Удалось сжечь только нѣкоторыя бумаги. Киргинякинъ сынъ торжествовалъ. Но затѣмъ ему и прокурору предстоялъ конфузъ.

Невдалекѣ отъ избушки былъ въ лѣсу холмъ. На этомъ холмѣ стоялъ стогъ какого-то якута. Киргинякинъ сынъ донесъ, что въ этомъ стогу скрытъ цѣлый складъ динамита. Другіе чиновники отнеслись къ этому съ сомнѣніемъ. Прокуроръ повѣрилъ. Наши пріятели видѣли, какъ на холмъ вышла цѣлая комиссія, какъ на холмъ лазили казаки.

— Ну, что? — спрашивалъ прокуроръ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ голосъ изъ-подъ стога.

— Я вамъ говорилъ, — замѣтилъ на это Слѣпцовъ.

На разсвѣтѣ колокольцы опять послышались въ слободѣ. Натансоновъ провезли въ городъ.

Васильевъ разсказывалъ, что Киргинякинъ сынъ былъ сконфуженъ, но еще больше былъ сконфуженъ прокуроръ. Онъ предвидѣлъ, что теперь онъ станетъ посмѣшищемъ администраціи и безъ того къ нему не расположенной.

Какъ бы то ни было, Натансона и жену увезли въ Якутскъ и посадили въ тюрьму. Ее отпустили, а его держали нѣсколько мѣсяцевъ.

Тутъ Натансону приходилось пускать въ ходъ всю свою ловкость. А онъ былъ очень ловокъ, и не неумѣлому прокурору было бороться съ нимъ. Натансонъ использовалъ всѣ шансы.

Одно время эта исторія гремѣла по Якутску, но я уѣхалъ ранѣе, чѣмъ она кончилась, и заключеніе ея было уже не при мнѣ. Примѣшался еще какой-то бродяга, котораго Натансонъ привлекъ къ конспираціи, человѣкъ довольно легкомысленный, запутались еще судья и полицеймейстеръ и ссыльные, которые служили въ канцеляріяхъ по вольному найму и понятно, на чьей были сторонѣ. Они охотно служили Натансону вѣрой и правдой. Въ концѣ концовъ пропали даже вещественныя доказательства, и исторія кончилась тѣмъ, что Натансона выпустили (извѣстно, какое значеніе имѣли въ старыхъ судахъ вещественныя доказательства). Побѣдилъ политическій ссыльный. Тогда намъ представлялось, что прокуроръ остался, какъ говорится, въ дура-

кахъ. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ чиновниковъ и занялся адвокатурой. Если вѣрить послѣднимъ свѣдѣніямъ, онъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ съ ссыльными.

Впослѣдствіи Натансонъ попалъ въ Сибирь вторично, уже въ генералъ-губернаторство графа Игнатьева, бывшаго кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. При этомъ замѣтно было какъ бы два періода въ администраціи этого генералъ-губернатора: въ Иркутскѣ онъ былъ одинъ, гораздо либеральнѣе, въ Кіевѣ другой. Это приписывали вліянію Натансона.

XXIII.

ТРАГЕДІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЮЖАКОВОЙ.

Я уже говорилъ о томъ, какъ Елизавета Николаевна Южакова бѣжала изъ Балаганска вмѣстѣ съ рабочимъ Бачинымъ и вернулась съ пути беременной. Потомъ она вышла за него офиціально замужъ, онъ былъ судимъ за побѣгъ, отсидѣли въ Иркутскѣ присужденный имъ срокъ и потомъ были высланы въ Якутскую область. Попали они въ Намскій улусъ уже, кажется, въ 1882 году. Мѣсто было сравнительно бойкое. Недалеко отъ нихъ жилъ каракозовецъ Ермоловъ, и были расположены скопческія села: Большая и Малая Марха, Павловское и другія деревни по-

меньше. Это было для Бачина — кузнеца и слесаря — очень удобно: была обезпеченная работа.

Я характеризовалъ уже раньше Бачина, какъ человѣка желчнаго и грубаго. Онъ однако не отказывался отъ своихъ родительскихъ обязанностей и старался содержать работой жену и дочь, хотя настоящей любви даже къ маленькой дочкѣ у него повидимому не было. Носились слухи, что жизнь Южаковой съ нимъ очень тяжела, но драма этой жизни была скрыта въ стѣнахъ юрты и намъ была извѣстна только по темнымъ слухамъ, приблизительно то, что я зналъ еще въ Иркутскѣ. Бачинъ человѣкъ тяжелый, и даже дружбы у Южаковой съ мужемъ нѣтъ.

И вдругъ всѣхъ насъ поразилъ слухъ, что Бачинъ задушилъ Южакову и отравился самъ. Сначала темный слухъ пронесся отъ улуса къ улусу. Потомъ онъ сталъ вполнѣ достовѣрнымъ. Я услыхалъ его отъ Говорюхина, почти очевидца самой трагедіи.

«Моя жизнь настолько была разбита еще до ареста, — писала бѣдная Южакова въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери, — что объ устройствѣ своей судьбы я никогда не думаю. Полюбить кого-нибудь и выйти замужъ для счастливой жизни я никогда и не могла, потому что не могла выйти за того, кого я люблю уже много лѣтъ и котораго забуду лишь тогда, когда буду знать, что отъ меня его отдѣляетъ навѣки неволя... Если что еще можетъ огорчать меня, такъ это сознаніе, что я служу опорой и утѣшеніемъ одного

изъ несчастныхъ, которымъ нѣтъ надежды на лучшій исходъ». Выборъ ея остановился на одесситѣ Минаковѣ. Это, по ея мнѣнію, человѣкъ, наиболѣе заслуживающій состраданія по безнадежности своего положенія.

Эта идея отдать себя въ жертву для облегченія участи одного изъ каторжанъ давно овладѣла ея воображеніемъ. Сначала она сообщаетъ одной изъ подругъ, что она получила предложеніе въ такомъ родѣ отъ офицера Кривошеина, осужденнаго на четыре года каторги. «Зная, что если ему разрѣшатъ жениться, то положеніе его будетъ облегчено, я не рѣшилась ему отказать, хотя мы очень неподходящая пара. Но я надѣюсь деликатнымъ образомъ отговорить его, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ найти себѣ невѣсту. Но тутъ есть люди, идущіе на каторгу на 15—20 лѣтъ. Одному изъ нихъ, именно Минакову, я бы охотно помогла въ его ужасномъ положеніи, выйдя за него замужъ». Въ слѣдующемъ письмѣ она сообщаетъ, что вопросъ о Кривошеинѣ устранился, остается Минаковъ. Родители признали предполагаемый бракъ и стали хлопотать передъ Лорисъ-Меликовымъ. Нужно однако сказать, что и этотъ выборъ былъ чрезвычайно неудачнымъ. Минаковъ былъ человѣкъ въ высшей степени легкомысленный, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касался жизни. Жестокій приговоръ поставилъ его какъ бы во главѣ всей одесской группы, но этотъ признанный вожакъ былъ человѣкъ легкомысленный. Онъ пользовался всякимъ слу-

чаемъ для́ побѣга, какъ бы ни мало шансовъ онъ представлялъ, и его проектъ женитьбы на Южаковой ни мало не измѣнилъ его поведенія въ этомъ отношеніи.

Говорюхинъ разсказывалъ мнѣ и первое дѣло, за которое они съ Минаковымъ были сосланы. Оно было отмѣчено печатью такого же легкомыслія. Въ кружкѣ оказался шпіонъ, нѣкто Гинтовтъ. Это обнаружилось, и Минаковъ съ Говорюхинымъ рѣшили его убить. Въ одинъ вечеръ, когда они втроемъ шли по какому-то пустырю, они остановили Гинтовта, сказали ему его вину и объявили приговоръ. Оказалось, однако, что у нихъ нѣтъ подходящаго кинжала. У Минакова былъ кинжалъ, но совершенно неподходящій, и разсказъ объ этомъ Говорюхина производилъ впечатлѣніе настоящаго кошмара. Они стали тыкать шпіона, но даже не могли серьезно ранить его. Тотъ сталъ проситься. Онъ увѣрялъ, что теперь онъ сознаетъ всю силу революціонной партіи, которая «достанетъ его и на краю свѣта», и обѣщалъ никогда болѣе не предавать революціонеровъ. Минаковъ и Говорюхинъ сдались на эти просьбы и рѣшили на этотъ разъ помиловать шпіона. Они взяли съ него торжественное обѣщаніе уѣхать изъ Одессы и... привели его на квартиру Говорюхина. Минаковъ ушелъ по дѣламъ (нужно было отправить Гинтовта изъ Одессы), а Говорюхинъ со шпіономъ улеглись на одной кровати. Говорюхинъ крѣпко заснулъ, а шпіонъ тотчасъ же всталъ и отправился въ поли-

цію. Говорюхинъ проснулся, окруженный полицейскими...

Таково было «дѣло Минакова». Разумѣется, если бы у насъ политическія дѣла судили присяжные, то оба предполагаемые убійцы отдѣлались бы легкимъ наказаніемъ, — до такой степени ихъ дѣло помѣчено печатью благодушія и дѣтскаго легкомыслія. Но у насъ дѣйствовали тогда экстренные суды. Минаковъ попалъ въ каторгу и сталъ до извѣстной степени центромъ. Съ этихъ поръ онъ отмѣтилъ свой статейный списокъ рядомъ такихъ же дѣтскихъ «побѣговъ», закончившихся, какъ мы уже говорили, проваломъ серьезно задуманнаго побѣга Мышкина и Хрущева. Послѣ этого Минаковъ былъ сосланъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ закончилъ жизнь на висѣлицѣ. Въ этой исторіи Минакова быть можетъ болѣе, чѣмъ въ какой другой, отразилась слѣпая свирѣпость тогдашняго правительства, совершенно неумѣвшаго разбираться въ мотивахъ, руководившихъ его противниками.

И съ такимъ человѣкомъ рѣшила Южакова связать свою судьбу. Разумѣется, отнестись къ этой жертвѣ серьезно онъ тоже не могъ. И оба они дошли до конца: онъ погибъ на висѣлицѣ, она попала въ жены къ Бачину и коротала нерадостную жизнь въ одной съ нимъ юртѣ.

Случаю было угодно, чтобы Говорюхинъ навѣстилъ Бачиныхъ. То, что онъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ послѣднемъ вечерѣ ея жизни, рисуетъ Бачина почти какъ сумасшедшаго. Пови-

димому, главнымъ предметомъ его сумасшествія было непомѣрное самолюбіе. Въ его выходкахъ по отношенію къ женѣ и гостю было замѣтно крайнее раздраженіе. Онъ повидимому ревновалъ ее къ воспоминаніямъ о томъ времени, когда она была близка съ людьми интеллигентными. Его раздражала ея близость съ ними, и онъ постоянно разражался грубостями. И то, что Южакова встрѣтила Говорюхина, какъ стараго пріятеля «по кружку» (они были на ты), Бачина повидимому оскорбляло. Онъ неестественно и нервно смѣялся, вышучивая ихъ воспоминанія. При этомъ играла значительную роль его ненависть къ интеллигенціи. Потомъ онъ вышелъ, оставивъ Южакову и Говорюхина однихъ. Говорюхина товарищи называли человѣкомъ роковымъ. Съ нимъ случались такія роковыя случайности, которыя дорого обходились другимъ. На этотъ разъ, едва Бачинъ вышелъ, онъ затѣялъ разговоръ съ Южаковой о странностяхъ ея мужа и высказалъ удивленіе, какъ она можетъ жить съ такимъ человѣкомъ. Южакова приняла вызовъ стараго пріятеля и призналась ему, что она уже потеряла терпѣніе и подала въ Якутскъ просьбу о переводѣ въ другой улусъ. Она надѣется, что на-дняхъ получить разрѣшеніе перевода и съ Бачинымъ разстанется. Оказалось, что Бачинъ притаился подъ стѣнкой и подслушалъ весь разговоръ, происходившій въ юртѣ. Послѣ этого онъ вернулся, сталъ очень грубъ съ Говорюхинымъ и, наконецъ, прямо прогналъ его, не позволивъ переночевать,какъ

раньше предполагалось. Говорюхинъ ночью отправился къ Ермолову... Что происходило ночью въ этой юртѣ — неизвѣстно, но на утро Южакову нашли на полу мертвой. Бачинъ пошелъ въ улусное правленіе заявить о своемъ поступкѣ, оставивъ маленькую дочку, испуганную и плачущую у холодной груди матери.

Вскорѣ я получилъ отъ стараго своего знакомаго Долинина, съ которымъ вмѣстѣ работалъ еще въ «Новостяхъ», письмо. Теперь онъ былъ сосланъ въ Якутскую область, отсюда бѣжалъ, былъ пойманъ и сидѣлъ теперь въ тюрьмѣ. «Третьяго дня, — писалъ онъ, — ко мнѣ въ камеру вдругъ ввели Бачина. Едва войдя, онъ остановился посрединѣ камеры и сказалъ: «Я прошлую ночь задушилъ Южакову своими руками. Послѣ этого я растворилъ въ водѣ три коробки спичекъ и выпилъ растворъ. И, какъ видите, до сихъ поръ живъ». Послѣ этого начальство спохватилось. За Бачинымъ явились тюремные прислужники, и его увели въ другую камеру». На Долинина слова Бачина произвели впечатлѣніе аффектаціи и фальши. «Я думалъ, что онъ, негодяй, вретъ», — заключилъ свое письмо Долининъ.

Такое же письмо онъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ написалъ другому товарищу, Л. А. Дробышъ-Дробышевскому.

Тотъ отвѣтилъ на это превосходнымъ анализомъ Шекспировскаго Отелло и доказывалъ, что навѣрное теперь Бачинъ уже мертвъ. Это ока-

залось справедливо: вслѣдствіе сильнаго возбужденія ядъ подѣйствовалъ не сразу. Всѣ подумали, что Бачинъ просто совралъ, тѣмъ болѣе, что въ его разсказѣ было много театральности и аффектаціи. Не повѣрили и врачи. А между тѣмъ Бачинъ говорилъ правду. Не прошло и сутокъ, ядъ началъ дѣйствовать съ такой силою, что никакія противоядія не помогли и Бачинъ умеръ.

Такъ закончилась потрясающая трагедія Южаковой. Впослѣдствіи я слышалъ, что дочь Бачиныхъ воспитывалась у Семевскихъ и вышла замужъ.

XXIV.

НЕЧАЕВЪ И НЕЧАЕВЦЫ.

Уже на третій годъ моего пребыванія въ Якутской области къ намъ въ сосѣдній, кажется, Канкунскій наслегъ, тотъ самый, гдѣ жили Натансоны, привезли перваго, такъ называемаго, нечаевца. Мы тотчасъ же поѣхали къ новому товарищу.

Правительство задумало составить для окарауливанія Петропавловской крѣпости особую команду изъ жителей рыбацкихъ селеній изъ самыхъ сѣверныхъ губерній; они должны были поступать прямо въ крѣпость и, проведя тутъ всю службу, возвращаться на мѣсто. Такимъ образомъ, они были совершенно изолированы и возвращались бы домой нетронутыми пропагандой.

Но именно эти расчеты чуть не погубили все задуманное правительствомъ дѣло. Въ это время въ крѣпости сидѣлъ Нечаевъ. Это былъ человѣкъ изумительной энергіи. Заключеннымъ запрещалось разговаривать съ караульными, и даже они не должны были отвѣчать на вопросы. Но Нечаевъ своей изумительной настойчивостью сумѣлъ обойти эти препятствія. Присланный къ намъ новый товарищъ разсказывалъ, какъ Нечаевъ, шагъ за шагомъ, сумѣлъ побѣдить ихъ тупое упорство. Сначала онъ просто заговаривалъ о родинѣ, о родной деревнѣ. Караульные не отвѣчали. Онъ повторялъ вопросъ. Наконецъ, какой-нибудь одинъ не выдерживалъ и отвѣчалъ на какой-нибудь одинъ безразличный вопросъ. Нечаевъ шелъ дальше и расширялъ сферу своихъ вопросовъ. Онъ спрашивалъ, — знаютъ ли они, кого караулятъ. Опять молчаніе. Тогда Нечаевъ начиналъ говорить о притѣсненіяхъ правительства и о людяхъ, которые борются съ этими притѣсненіями и страдаютъ за это. Такъ мало-помалу, капля за каплей, Нечаевъ овладѣвалъ сначала вниманіемъ, а потомъ и участіемъ караульнаго. А такъ какъ караульные смѣнялись, и у камеры Нечаева стояли разные люди, то ему былъ сравнительный просторъ.

Сначала понемногу, потомъ все больше и больше Нечаевъ овладѣвалъ вниманіемъ и участіемъ всего караула. Надо прибавить, что караульные, взятые изъ дальнихъ тупыхъ уѣздовъ, гдѣ даже грамота была рѣдкостью (на это жан-

дармы и расчитывали), не могли противопоставить Нечаеву даже самыхъ примитивныхъ идей о служебномъ долгѣ и были передъ нимъ совершенно безпомощны. Мало-по-малу Нечаевъ овладѣлъ почти всѣмъ карауломъ. Онъ отличался, кромѣ значительной энергіи и преданности своему дѣлу, изрядной беззастѣнчивостью. Черезъ нѣкоторое время онъ далъ понять караульнымъ, что теперь они у него въ рукахъ. Извѣстно, какъ дѣйствовалъ этотъ человѣкъ.

Это, прежде всего, былъ циникъ.

Онъ обманывалъ самыхъ ближайшихъ союзниковъ и смѣялся надъ ними. Онъ надувалъ видныхъ революціонныхъ дѣятелей, какъ Бакунинъ и Огаревъ. Разумѣется, это вскорѣ открылось, и политика Нечаева рухнула. Онъ сталъ извѣстенъ, какъ революціонный обманщикъ, не стѣснявшійся даже съ ближайшими союзниками, и когда швейцарское правительство рѣшило его выдать русскому правительству, то эмиграція хотя и протестовала, но, повидимому, недостаточно энергично. Впрочемъ, были по этому поводу протесты, но Нечаевъ никому не внушалъ симпатіи, и протесты не помогли.

Русское правительство дѣйствовало чрезвычайно беззастѣнчиво и безцеремонно. Говорили о подкупѣ.

Какъ бы то ни было, онъ овладѣлъ всѣмъ карауломъ и распоряжался имъ безъ стѣсненія. Онъ завязалъ сношенія съ конспиративными квартирами, и у него уже былъ готовъ планъ побѣга. Но

въ это время готовилось 1-е марта. Нечаева объ этомъ извѣстили, и онъ настаивалъ, чтобы его личное дѣло было отложено. Переговоры велись черезъ Германа Лопатина. Какая-то неосторожность со стороны послѣдняго — и дѣло провалилось. Послѣдовали аресты: въ томъ числѣ былъ арестованъ весь караулъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, весь онъ былъ охваченъ сѣтью Нечаева.

Затѣмъ, когда дѣло, такъ хитро задуманное, провалилось, даже этотъ желѣзный человѣкъ, повидимому, впалъ въ отчаяніе. Караульные, по отбытіи наказанія, послѣдовали въ Якутскую область, и одинъ изъ нихъ былъ поселенъ въ 20-ти верстахъ отъ насъ.

Фамилію этого нечаевца я не помню. Помню только, что я у него былъ. У насъ онъ не былъ ни разу. Объясняли это тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ сразу попалъ въ такую же исторію, какъ и Ананій Семеновичъ Орловъ. Въ юртѣ, въ которой онъ жилъ, была хорошенькая якутка и она совершенно овладѣла нашимъ нечаевцемъ. Надо замѣтить, что молодыя якутки обладаютъ какимъ-то очарованіемъ. Старухъ сами якуты считаютъ «абагы», т. е. злыми духами. Нашъ нечаевецъ былъ человѣкъ меланхолическій и вялый, истый сѣверянинъ, и я думалъ, что съ нимъ Нечаеву справиться было легче, чѣмъ съ другими, хотя по временамъ въ его отзывахъ, когда онъ говорилъ о лукавствѣ Нечаева, звучала горечь. Да оно и понятно. Они чувствовали себя одураченными.

Были тогда въ Россіи такъ называемые «якобинцы». Я уже говорилъ объ одномъ изъ нихъ, именно Зайчневскомъ, жившемъ въ Орлѣ. У него была идея: онъ намѣревался постепенно, присоединяя къ своему кружку все больше и больше членовъ, охватить Россію сѣтью конспирацій, которыя не знали бы другъ друга, и вдругъ въ одинъ прекрасный день, по мановенію изъ центра, Россія оказывается вся революціонирована, съ готовымъ правительствомъ и съ готовымъ порядкомъ. Это было нѣчто вродѣ нечаянной метаморфозы. Россія, нечаянно для себя, оказалась бы «въ новомъ порядкѣ».

XXV.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Наконецъ, стали объявлять сроки. Первому объявили Хаботину, и этотъ молодой человѣкъ, о которомъ мнѣ пришлось говорить такъ мало лестнаго, уѣхалъ, ни въ комъ не возбудивъ сожалѣнія и участія. Можно сказать, что онъ совсѣмъ не былъ нашимъ товарищемъ. Онъ съ нами пилъ, ѣлъ, но не работалъ и вернулся въ свою Ярославскую губернію, не оставивъ никакого слѣда въ нашей памяти.

Затѣмъ объявили срокъ и Папину. Его отсутствіе мы почувствовали очень живо. Здѣсь уже пришлось говорить о нѣкоторомъ раздѣлѣ имущества. Надо замѣтить, что намъ очень по-

везло: всѣ три года урожай у насъ былъ средній, а это въ тѣхъ мѣстахъ большая рѣдкость. У насъ хлѣбъ ни разу не вымерзалъ, а послѣ нашего отъѣзда неурожай былъ цѣлыхъ пять лѣтъ, и населеніе сильно бѣдствовало. Мы подѣлились потоварищески: рѣчь шла только объ остающихся; уѣзжающій считался счастливцемъ, и ему товарищи выдѣляли только на дорожные расходы. Папинъ вернулся въ Западную Сибирь, откуда былъ родомъ.

За Папинымъ послѣдовалъ Вайнштейнъ, и мы проводили его дружески. Онъ поступилъ впослѣдствіи въ Казанскій университетъ, закончилъ тамъ курсъ медицины, и нѣкоторое время мы видѣлись съ нимъ уже въ Россіи. Въ голодный годъ въ Нижегородской губерніи мы часто съ нимъ видѣлись, пока не потеряли другъ друга изъ виду. Знаю, что онъ былъ медикомъ въ Петербургѣ и обзавелся семьей.

Наконецъ, подошла и моя очередь. Меня очень занималъ вопросъ, — потребуютъ ли у меня присяги. Я рѣшилъ ее не давать. Надо замѣтить, что за нами было небольшое дѣло уже въ Якутской области. Однажды мы рѣшили съѣхаться у товарищей Чернявскихъ, и это стало извѣстно начальству. Дѣло это тянулось и кончилось только послѣ моего отъѣзда. Меня оно волновало исключительно, какъ задержка. Впослѣдствіи я былъ приговоренъ къ чему-то, — кажется, двѣ недѣли тюремной высидки; объ этомъ мнѣ

писали товарищи, но дѣло такъ и заглохло безъ послѣдствій.

Наконецъ,объявили срокъ и мнѣ. Послѣ моей ссылки въ Сибирь мнѣ предстояло три года. Такой же срокъ былъ объявленъ моему брату, который оставался все въ Вятской губерніи, и зятю Лошкареву, который жилъ съ семьей въ Минусинскѣ. Такимъ образомъ мнѣ ничего не прибавили за самовольную отлучку.

О срокѣ мнѣ, государственному преступнику Короленко, говорили уже засѣдатель Слѣпцовъ, другой засѣдатель Антоновичъ и исправникъ Бубякинъ, но смѣнившій его новый исправникъ Пиневичъ упорно не сообщалъ объ этомъ въ мірскую избу.

Этотъ исправникъ былъ вообще человѣкъ странный. Прежде всего, было извѣстно, что онъ не беретъ взятокъ, зато было извѣстно и другое: онъ отличался феноменальной лѣнью, и дѣла у него совсѣмъ не шли. Письма наши залеживались по недѣлямъ и мѣсяцамъ, что вызывало у ссыльныхъ сильное неудовольствіе, и мы собирались на него жаловаться. Я имѣлъ причину особенно нервничать по этому поводу. Было извѣстно, что и другимъ ссыльнымъ, которымъ приближался срокъ, полицейскимъ управленіемъ ничего объ этомъ не сообщалось по улусамъ. Въ мою поѣздку въ Якутскъ я узналъ, что въ полицейскомъ управленіи уже нѣсколько недѣль лежитъ присланная для меня посылка отъ младшей сестры изъ Петербурга. Когда я получилъ ее, то

оказалось, что тамъ была, между прочимъ, коробка конфектъ. Она оказалась пустой и въ ней, какъ бы въ насмѣшку, была какимъ-то служащимъ въ полицейскомъ отдѣленіи вложена записка: «Кушайте на здоровье». Записку эту я потерялъ и не могъ ее представить по требованію полицейскаго управленія на мою жалобу. Вообще небрежность полицейскаго управленія, руководимаго Пиневичемъ, выводила насъ всѣхъ изъ терпѣнія. Предвидя, что и со мной можетъ случиться такое же замедленіе, я подалъ амгинскому старостѣ слѣдующее заявленіе:

«Согласно объявленному уже мнѣ рѣшенію комиссіи по пересмотру дѣлъ административно ссыльныхъ, срокъ моей ссылки сего 9-го числа сентября окончился, и съ этого числа я не состою болѣе подъ надзоромъ крестьянскаго общества. Какъ извѣстно изъ положенія объ охранѣ, срокъ ссылки можетъ быть продолженъ лишь по особому представленію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а такъ какъ ничего подобнаго мнѣ объявлено не было, то я считаю себя въ правѣ уѣхать изъ Амги, что представляется мнѣ тѣмъ болѣе важнымъ, что для дальнѣйшаго пути я долженъ воспользоваться послѣдними благопріятными днями передъ распутицей. А такъ какъ до сихъ поръ не извѣстно, по какой причинѣ изъ города за мной до сихъ поръ никого не присылаютъ, то я вижу себя вынужденнымъ уѣхать отсюда на нанятыхъ лошадяхъ, если амгинскій староста не найдетъ нужнымъ препроводить меня, въ виду

неожиданно возникшаго недоразумѣнія, въ сопровожденіи старшины на обывательскихъ лошадяхъ. Задерживать же меня, вопреки официально объявленному мнѣ распоряженію Верховной комиссіи, полагаю, не во власти крестьянскаго старосты и даже полицейскаго управленія.

Дворянинъ Владиміръ Короленко.

9-го сентября 1884 года».

Поданное мною добродушному нашему амгинскому тайону заявленіе это привело его въ чрезвычайное затрудненіе. На его заявленіе, что онъ не въ правѣ распорядиться безъ бумаги отъ исправника, я рѣшительно сказалъ ему, что 10-го числа, если онъ не распорядится иначе, я сажусь на свою лошадь и ѣду въ городъ. Если онъ станетъ задерживать, я окажу сопротивленіе. Староста сочинилъ бумагу, вѣрнѣе сочинилъ ея Николай Васильевичъ Васильевъ, который изъяснилъ, что:

«Государственный преступникъ Короленко, кромѣ сего заявленія, заявилъ словесно, что если онъ, староста, не приметъ никакихъ мѣръ къ отправкѣ его со старшиной, то онъ, государственный преступникъ Короленко, несмотря на его запрещеніе, отправится въ городъ Якутскъ верхомъ и одинъ. Я просилъ его, — продолжалъ тайонъ, — остановиться и выждать или присылки нарочнаго, или какого распоряженія. Короленко на это согласія не изъявилъ, а рѣшительно заявилъ, что 10-го сентября отправится

въ Якутскъ и болѣе не живетъ въ Амгѣ ни одного часа. За отсутствіемъ господина засѣдателя и въ виду столь рѣшительнаго заявленія государственнаго преступника Короленко, я нашелъ себя вынужденнымъ отправить его со старшиной амгинскаго общества Егоромъ Артемьевымъ».

Эта моя рѣшительность подѣйствовала, и 10-го сентября у Яммалахской пади, подъ большимъ деревомъ, которое все было увѣшано какими-то амулетами (якуты, отправляясь въ дальнюю дорогу, вѣшаютъ на деревьяхъ мелкія тряпки, волосы, выдернутые изъ конскихъ хвостовъ, и тому подобныя умилостивительныя жертвы), всѣ знакомые изъ Амги и ближайшихъ улусовъ устроили мнѣ проводы. Тутъ, помню, было все семейство Афанасьевыхъ, С. Н. Тютчевъ и еще кое-кто изъ амгинскихъ (Орловъ уѣхалъ еще ранѣе). Помню легкую смѣсь веселья и грусти, которая царила въ нашемъ настроеніи при этихъ проводахъ подъ развѣсистымъ деревомъ. Наконецъ, они кончились, товарищи и знакомые усадили меня со старшиной Артемьевымъ въ повозку, и я тронулся въ обратный путь.

Подъ Якутскомъ больше, чѣмъ на сутки, задержала насъ сильная буря. Лена расходилась, какъ море. На мой вопросъ, нельзя ли мнѣ переѣхать, якутъ перевозчикъ отвѣтилъ (до сихъ поръ помню это якутское выраженіе):

— Бу тылка почта кальяюетъ (Въ такой вѣтеръ и почта не ходитъ). Онъ отвернулся и опять заснулъ подъ шумъ вѣтра и плескъ воды.

Дѣла́ть было нечего: пришлось почти полтора сутокъ провести надъ бушующей рѣкой въ виду Якутска.

Это было очень досадно. День былъ яркій. Городъ былъ виденъ, какъ на ладони, а вмѣстѣ съ тѣмъ недоступенъ. Рѣка бушевала. Волны подымались и падали съ шумнымъ плескомъ. Я долженъ былъ согласиться, что переправа была немыслима, и кажется именно въ это время въ нашей ссыльной колоніи случилось печальное происшествіе. Я говорилъ уже, что среди насъ былъ смѣлый охотникъ - Доллеръ. Онъ задумалъ переправиться черезъ Лену, несмотря на бурю. Несмотря на уговоры товарищей и постороннихъ, онъ все-таки отправился одинъ; на серединѣ рѣки лодка опрокинулась, и Доллеръ утонулъ. Не знаю, въ этотъ разъ это было или въ другой, но только Доллеръ покончилъ жизнь именно такимъ образомъ.

На слѣдующій день по еще не стихшей рѣкѣ мы, наконецъ, переправились, при чемъ придирокъ никакихъ къ старшинѣ не было. Артемьевъ сдалъ меня въ полицейское управленіе, и мы съ нимъ радушно попрощались, при чемъ я просилъ его передать мой привѣтъ всей Амгѣ. Въ полицейскомъ управленіи сказали мнѣ, что пріѣзжіе изъ улусовъ останавливаются обыкновенно у Зубрилова и дали мнѣ его адресъ.

Я отправился туда. Зубриловъ принялъ меня очень радушно. У насъ съ нимъ были уже нѣкоторыя отношенія. Однажды мы, вся ам-

гинская колонія, получили отъ него и его сожителя проф. Богдановича странное письмо. Онъ сообщалъ намъ, что когда онъ явился вмѣстѣ со своимъ сожителемъ львовскимъ профессоромъ Богдановичемъ къ якутскому губернатору, послѣдній поставилъ имъ въ примѣръ нашу якутскую колонію: дескать трудятся и подаютъ примѣръ мѣстнымъ жителямъ. Авторъ письма считалъ это съ нашей стороны крайне предосудительнымъ. Мы отвѣтили, что мы не сообразуемся со взглядами начальства на наше поведеніе и поступаемъ, какъ считаемъ нужнымъ. На этомъ переписка закончилась, и болѣе объ ней не было рѣчи. Впослѣдствіи мы убѣдились, что инициатива этого заявленія принадлежала Зубрилову, а Богдановичъ присоединился по мягкости и слабости характера. Теперь Богдановичъ, по требованію австрійскаго правительства, былъ въ ожиданіи дальнѣйшей отправки отправленъ въ Иркутскъ и находился въ столицѣ Сибири, гдѣ мы должны были встрѣтиться и можетъ быть ѣхать дальше вмѣстѣ.

Зубриловъ былъ братъ моего товарища по Петровской Академіи, очень хорошаго человѣка, и мы встрѣтились, какъ старые знакомые. Въ его квартирѣ я нашелъ уже Ромася, изъ Балагурскаго улуса, прибывшаго раньше, и Кобылянскихъ, о которыхъ я говорилъ уже выше. Зубриловъ жилъ въ маленькомъ мезонинѣ, въ деревянномъ домѣ у какой-то вдовы купца, торговавшей, кажется, съ тунгусами. Я ее видѣлъ въ

Амгѣ, у Афанасьевой, когда она съ караваномъ на оленяхъ отправлялась въ свою торговую экспедицію. Кромѣ насъ троихъ, въ квартирѣ Зубрилова мы увидѣли еще молодую якуточку. Зубриловъ, конфузясь, объяснилъ намъ, что якуточку къ нему прислали товарищи изъ улуса для «охраны». Дѣло въ томъ, что среди ссыльныхъ начала въ послѣднее время распространяться особая форма брака. Ссыльный покупалъ дѣвушку, платя за нее калымъ, и считался ея мужемъ. Многимъ эта форма брака показалась безнравственной. Невѣста и ея родители считали ее пристроенной прочно, тогда какъ для другой стороны бракъ былъ легко расторжимъ. Вотъ ссыльные изъ какого-то улуса рѣшили бракъ расторгнуть, а для охраны невинности невѣсты послать ее къ Зубрилову. Эта особая форма довѣрія (при чемъ молодая дѣвушка вынуждена была жить въ одной квартирѣ съ молодымъ человѣкомъ) внушила намъ нѣсколько игривостей; Зубриловъ отнесся къ нимъ очень строго. Онъ сказалъ намъ, что у него на Дону есть невѣста Надежда Ивановна, и что онъ получилъ письмо, что она вскорѣ ѣдетъ къ нему.

Зубриловъ былъ вообще человѣкъ не безъ странностей. Когда его арестовали, онъ велъ себя довольно малодушно и далъ странныя показанія. Послѣ этого онъ покушался на самоубійство, и товарищи, обсудивъ все дѣло, простили ему его малодушіе и рѣшили, что объ этомъ не будетъ больше рѣчи.

Вся квартира была полна именемъ Надежды Ивановны. Когда Кобылянскій, вообще невоздержанный на языкъ и позволявшій себѣ довольно грубыя выраженія, порой оглашалъ комнаты какой-нибудь сальностью, Зубриловъ каждый разъ краснѣлъ и смотрѣлъ съ такимъ краснорѣчивымъ укоромъ, точно Надежда Ивановна была уже здѣсь. Въ этомъ было много трогательнаго. Было извѣстно, кромѣ того, что Зубриловъ послѣ своей попытки къ самоубійству пристрастился къ морфію. Къ своей задачѣ охраны дѣвственности якутской дѣвушки онъ относился чрезвычайно строго. На его просьбы, обращенныя къ намъ, мы съ Ромасемъ отвѣтили, что въ этомъ отношеніи понимаемъ его положеніе. Представьте себѣ, — говорилъ онъ, пріѣдетъ Надежда Ивановна и услышитъ какую-нибудь сплетню.. Насмѣшливый Ромась увѣрялъ его, что мы не можемъ поручиться только за Кобылянскаго, и что лучше всего надо на ночь привязывать Кобылянскаго за ногу къ столу (надо замѣтить, что относительно Кобылянскаго это была тоже напраслина). И вотъ однажды ночью въ нашей квартирѣ послышался громъ: Кобылянскій поднялся съ самыми невинными намѣреніями, не подозрѣвая, что онъ привязанъ за ногу, вслѣдъ за чѣмъ на столѣ загремѣла посуда. Зубриловъ выскочилъ изъ своей комнаты съ настоящимъ ужасомъ въ лицѣ. Узнавъ въ чемъ дѣло, Кобылянскій очень разсердился.

Мнѣ приходится отмѣтить еще одно маленькое приключеніе, которое впрочемъ для насъ въ то время не казалось маленькимъ.

Однажды раннимъ утромъ мы всѣ проснулись отъ сильнаго холода. Кобылянскій сидѣлъ на своей постели, на полу и, глядя передъ собой довольно безсмысленнымъ взглядомъ,повторялъ одну фразу:

— Что такое, что такое...

Всѣ двери были раскрыты, въ томъ числѣ и наружная, выходившая на лѣстницу, прилаженную довольно нелѣпо къ наружной двери, которая вела въ нашъ мезонинъ. Всѣ наши вещи, въ томъ числѣ и микроскопъ Зубрилова, оказались снесенными къ порогу этой наружной двери. Подъ головами Кобылянскаго — намъ это было извѣстно — находились кожаныя брюки, въ карманѣ которыхъ было семьдесятъ пять рублей, которые онъ скопилъ тяжелымъ слесарнымъ трудомъ. Брюкъ не оказалось. Кобылянскій въ ужасѣ вскочилъ и бросился на лѣстницу. Черезъ нѣсколько секундъ оттуда послышался его веселый голосъ: брюки тутъ. Ромась усмѣхнулся иронически. — Да въ брюкахъ-то все ли? — сказалъ онъ. И вслѣдъ за тѣмъ на порогѣ появился Кобылянскій. Онъ держалъ въ рукѣ распластанныя брюки и говорилъ самымъ жалкимъ образомъ:

— Бѣдный я, бѣдный, несчастный человѣкъ! Теперь у меня нѣтъ на дорогу. И зачѣмъ

я только пріѣхалъ въ эту квартиру? Жилъ бы у якута, деньги были бы цѣлы.

Мы съ Ромасемъ увѣрили его, что считаемъ это несчастіе общимъ и дорожныя средства тоже считаемъ общими. Вдобавокъ оказалось, что въ ту же ночь ограбили того самаго якута, у котораго онъ жилъ до переѣзда къ Зубрилову. Когда мы въ этотъ день вышли на улицу и проходили мимо Лены, съ барокъ, которыя всякій годъ остаются послѣ якутской ярмарки, неслись веселыя пѣсни бродягъ, которые до зимы ютятся въ этихъ баркахъ.

— Мои деньги прокучиваютъ, подлецы, — печально говорилъ Кобылянскій.

Я находилъ, что въ полицейское управленіе обращаться нечего, но Кобылянскій все-таки обратился.

Результатомъ этого было появленіе къ намъ одного полицейскаго чина Чобохова, который сталъ насъ убѣждать, чтобы мы заявили подозрѣніе на домохозяйку. Но эту хитрость мы поняли и рѣшительно отказались. Мы поняли, что полиціи нужно затѣять дѣло, которое если кому-нибудь будетъ выгодно, то только самой полиціи. А съ полиціей, кстати, у меня начинались нелады.

Я уже говорилъ ранѣе о феноменальной лѣности исправника Пиневича. Товарищи просили меня въ разговорѣ съ губернаторомъ предъявить жалобу. Я это и сдѣлалъ. При этомъ присутствовалъ и самъ исправникъ, при чемъ онъ

былъ чрезвычайно непріятно пораженъ такимъ оборотомъ.

Я человѣкъ вообще мягкій, мы съ нимъ разговаривали, вообще говоря, любезно, но я считалъ своимъ долгомъ сказать губернатору о всѣхъ неудовольствіяхъ, которыя имѣли мои товарищи противъ полицейскаго управленія. Благообразное лицо Пиневича сразу стало какъ будто злобнымъ. Все это при такихъ свойствахъ губернатора, о которыхъ я уже говорилъ выше, ни мнѣ, ни товарищамъ не принесло никакой пользы. Наоборотъ, мнѣ, Ромасю и Кобылянскому это очень повредило. Мы уже имѣли бумагу, въ которой значилась, что мы должны слѣдовать не какъ арестованные, но этапнымъ порядкомъ.

Этапный порядокъ на Ленѣ не похожъ на всѣ другія мѣста. По Ленѣ даже простые бродяги, пересылаемые на мѣсто жительства, обыкновенно слѣдуютъ на лошадяхъ. Да это и понятно: жители должны сопровождать такого бродягу тоже пѣшкомъ. Между тѣмъ на ленскихъ станкахъ недостака въ лошадяхъ нѣтъ, и поэтому жители сами предпочитаютъ поскорѣе доставить бродягу со станка на станокъ, лишь бы избавиться отъ непріятныхъ жильцовъ, которыхъ надо кормить. Зато по временамъ, закутившіе приказчики изъ Иркутска выхлопатываютъ себѣ въ полицейскомъ управленіи бумаги, согласно которымъ они тоже препровождаются этапнымъ порядкомъ. Жители хорошо знаютъ эту манеру полицейскаго управленія, не считающаго нуж-

нымъ отказывать въ ничтожной услугѣ «хорошему человѣку». Хитрый хохолъ снабдилъ насъ именно такой бумагой, отнявъ у насъ прежнюю.

И это сопровождалось для насъ значительнымъ неудобствомъ въ дальнѣйшемъ. Населеніе станковъ принимало насъ за такихъ прокутившихся приказчиковъ, злоупотребляющихъ знакомствомъ съ полиціей.

Въ одинъ прекрасный день къ квартирѣ Зубрилова подкатила лихая тройка съ колокольчикомъ. Первую станцію мы ѣхали со звономъ и шумомъ и думали (насъ такъ увѣрили въ полицейскомъ управленіи), что такъ же мы поѣдемъ и дальше. Но на слѣдующей станціи намъ запрягли уже не тройку съ колокольчиками, а пару воловъ. Мы было думали вернуться въ Якутскъ и потребовать другой бумаги. Мы поняли планъ мести исправника. Въ бумагѣ было сказано только глухо, что такіе-то отправляются этапнымъ порядкомъ и должны быть сданы въ Олекминское полицейское управленіе. Но намъ сказали на этомъ станкѣ, что на другихъ станціяхъ волы едва ли найдутся, и насъ повезутъ на лошадяхъ, и мы рѣшили отправиться съ этой станціи на волахъ. День вдобавокъ былъ свѣтлый, хотя и свѣжій. Мы очень весело, смѣясь надъ местью Пиневича, отправились пѣшкомъ, сопровождая телѣгу съ нашими вещами. Я написалъ очень язвительное письмо исправнику и губернатору, въ которомъ выразилъ сожалѣніе, что легкое и не хит-

рое дѣло, какъ отправка трехъ человѣкъ установившимся уже порядкомъ, доставляетъ его превосходительству столько хлопотъ. Исправникъ, конечно, бумагу эту губернатору не передалъ и пріобщилъ ее къ дѣламъ полицейскаго управленія, откуда она была уже послѣ революціи извлечена и напечатана въ одномъ изъ сибирскихъ журналовъ.

А мы двинулись дальше, не подозрѣвая, сколько намъ предстоитъ затрудненій. На слѣдующей станціи старикъ станочный староста выразилъ намъ прямое подозрѣніе, что мы прокутившіеся приказчики. Мы вдобавокъ сдѣлали ошибку: согласились платить за одну лошадь. Послѣ этого на каждой станціи каждый разъ выходили большіе споры. Ямщикъ требовалъ съ насъ полную плату: дѣло дошло до того, что однажды они совсѣмъ отказались везти насъ, и намъ пришлось бы сидѣть голодными на голодномъ станкѣ. Такъ мы просидѣли сутки. Я описывалъ эти впечатлѣнія въ своемъ разсказѣ «Государевы ямщики». Насъ выручила внезапно пришедшая почта. Я принялся писать письмо къ губернатору, и должно быть физіономія у меня была довольно выразительная, такъ что ямщики согласились везти и дальше. Почти вплоть до Олекмы мы проѣхали уже безпрепятственно.

Наше положеніе при этихъ спорахъ было тѣмъ непріятнѣе, что мы чувствовали себя въ

чрезвычайно ложномъ положеніи. Я не встрѣчалъ людей въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ эти леночные станочники. Разъ, кажется, въ три года изъ Иркутска отправляется особая комиссія съ цѣлью установить цѣну на почтовую гоньбу. При этомъ, конечно, чиновничье усердіе выражается въ возможно дешевыхъ цѣнахъ. Каждый разъ, когда чиновники имѣютъ дѣло съ сравнительно хорошо обставленными жителями, имѣющими, напримѣръ, свою землю или покосы и имѣющими возможность существовать безъ гоньбы, послѣдніе оказываются въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Тамъ же, гдѣ ни земли, ни покосовъ нѣту, мѣстное населеніе попадаетъ на милость или немилость почтовыхъ чиновниковъ и вынуждено принимать всякія условія. Бѣдность на нѣкоторыхъ станкахъ доходитъ до потрясающихъ размѣровъ, и торговаться на этихъ станкахъ было для насъ истиннымъ мученіемъ. Я началъ собирать данныя, намѣреваясь огласить ихъ въ печати. На каждой станціи я записывалъ ея населеніе, имущество и государево жалованье. У меня накопилось такимъ образомъ много данныхъ.

Однажды, когда мы ѣхали съ одного изъ станковъ, снизу по Ленѣ надвигалась большая туча. Мы ѣхали верхами, вещи наши прикрѣплялись къ сѣдламъ въ видѣ вьюковъ, и намъ постоянно приходилось смотрѣть, чтобы изъ этихъ вьюковъ что-нибудь не упало на каменистый берегъ. Особенныя затрудненія доставлялъ намъ

Кобылянскій. Онъ былъ чрезвычайно здоровъ и могъ спать, сидя въ сѣдлѣ. Его лошадь постоянно отставала, а ямщикъ покрикивалъ пронзительнымъ голосомъ:

— Не отставай, не отставай!

И я до сихъ поръ слышу его высокій голосъ: «Не отставай, не отставай».

Мы не замѣтили изъ-за вьюги, что Кобылянскій у насъ потерялся. Мнѣ пришлось вернуться, и я увидѣлъ Кобылянскаго спокойно спавшимъ въ сѣдлѣ. Лошадь его стояла у берега и щипала зеленые еще листья, а его засыпало снѣгомъ. Я разбудилъ его, и мы поѣхали дальше. Крикъ «не отставай, не отставай» едва доносился спереди изъ-за шума вьюги. Моя книжка со ститистическими данными лежала у меня въ карманѣ. Когда мы заторопились, я не замѣтилъ, что карманъ прорвался и мои записки упали въ снѣгъ. Пріѣхавъ на станцію, я спохватился, но о поискахъ не могло быть и рѣчи: снаружи была настоящая пурга, а на слѣдующій день все уже было бѣло отъ глубоко выпавшаго снѣга. Такъ мои записки и пропали, навѣрно слѣдующей весной мою книжку унесло на какой-нибудь льдинѣ въ Ледовитый океанъ.

Уже за Крестовской станціей насъ застали морозы. Мы предпочитали ночевать на открытомъ воздухѣ, чтобы избѣгнуть духоты юртъ. Но на этой станціи мы едва могли выдержать морозъ. Лена уже замерзла. Помню, какъ у

меня на подушкѣ обмерзалъ иней и я рисковалъ отморозить себѣ носъ или ухо. Товарищи предпочитали ночевать въ юртѣ.

XXVI.

ОЛЕКМА. НОЧНОЕ ПОСѢЩЕНІЕ СКОПЦА.

Наконецъ, мы прибыли въ Олекму. Здѣсь намъ предстояло избавиться отъ бумаги, выданной въ якутскомъ полицейскомъ управленіи, и получить другую уже до Киренска. Избавляясь отъ бумаги, мы избавлялись такимъ образомъ отъ постоянныхъ столкновеній съ ямщиками на станкахъ, которыя, конечно, были намъ очень непріятны.

Исправникъ былъ человѣкъ очень добродушный. Кромѣ того, здѣсь жилъ политическій ссыльный докторъ Бѣлый, родомъ изъ Черниговской губерніи, человѣкъ очень популярный. Ранѣе, до Олекмы, онъ жилъ, помнится, въ Верхоянскѣ,и объ немъ разсказывали легенды. Однажды они заспорили съ исправникомъ за картами.

— Можно ли такъ поступать съ начальствомъ—шутливо сказалъ исправникъ.—Я вотъ васъ велю арестовать!

— Знаете что, — отвѣтилъ ссыльный, — давайте, выстроимъ унтовое войско и выйдемъ вдвоемъ. Вы прикажете арестовать меня, а я васъ... Кого ваше войско послушаетъ?

Исправникъ почесался.

— Пожалуй, — шутливо сказалъ онъ, — послушаютъ васъ. Это мнѣ невыгодно.

Приблизительно такія же отношенія были у благодушнаго доктора и съ олекминскимъ исправникомъ, и потому послѣ Олекмы мы поѣхали съ новой бумагой.

Я пріобрѣлъ здѣсь интересное знакомство со скопцами. Я уже былъ знакомъ съ ними въ Амгѣ. Здѣсь, въ Амгѣ, былъ представитель одного очень громкаго процесса семидесятыхъ годовъ. Это былъ сухой высокій старикъ, изъ громкой московской купеческой фамиліи. Повидимому, онъ былъ истинный скопецъ, занимался живописью, писалъ иконы, при чемъ мѣстный протоіерей обращалъ вниманіе, что Христосъ у него былъ похожъ на скопца.

Была въ Амгѣ еще цѣлая колонія скопцовъ. Вниманіе на себя обращалъ нѣкто М—ловъ. Онъ жилъ съ двумя женщинами. Одна была скопчиха и исполняла по дому хозяйственныя функціи. Другая не была оскоплена и имѣла притязаніе на нѣкоторую кокетливость. Порой по слободѣ проносился слухъ, что М — ловъ «закрутилъ». Тогда на немъ и на его любовницѣ, какъ говорится, лица не было. Только скопчиха вела себя, какъ обыкновенно: справлялась по хозяйству и ничѣмъ не обращала на себя вниманія. Это продолжалось нѣсколько дней. Потомъ М—ловъ прекращалъ крутить, и все приходило въ норму.

Компанія эта жила хотя и отдѣльно, но порой устраивала вечеринки, и къ нимъ ходили. Былъ среди нихъ нѣкто П. Анисимовъ. Это былъ человѣкъ озлобленный, и было извѣстно, что онъ писалъ доносы, особенно на священниковъ.

— Человѣкъ ехидный, — говорили про него.

Въ Олекмѣ мы попали въ квартиру, занимаемую тоже скопчихой, но это была скопчиха особенная.

Никогда я не видѣлъ существа болѣе чистаго и непорочнаго.

Исторію своего оскопленія она разсказывала слѣдующимъ образомъ. По Ленѣ ссыльные отправляются партіями. Она тогда была почти ребенкомъ. Какъ только они тронулись по рѣкѣ, она замѣтила, что къ ней ея партія относилась какъ-то особенно: ее гоняли съ мѣста на мѣсто, называли поганой. Наконецъ, стали грозить бросить ее на берегу Лены. Они рѣшили сдѣлать видъ, что бросаютъ ее на пустынномъ берегу. Голыя скалы, непривѣтные утесы и полное одиночество. Они согласились взять ее съ собой на одномъ условіи, что она дозволитъ себя оскопить. Ей ничего не оставалось, какъ согласиться. И вотъ она поступила въ руки «исправителей». Ее бросили на дно барки и здѣсь надъ нею произвели операцію, которую назвали добровольной. Какъ она перенесла ее, — она и сама не знаетъ. По холоду, между мрачныхъ скалъ, въ рукахъ жестокихъ людей, безъ настоящаго ухода... И тѣмъ не менѣе во всѣхъ отзывахъ ея сквозила

какая-то мягкость, хотя по временамъ прорывалось невольное раздраженіе за испорченную жизнь. Болѣе кроткаго человѣка, чѣмъ эта скопчиха, я встрѣчалъ только разъ въ жизни: и это былъ тоже скопецъ. (Это было въ Румыніи).

Очевидно, если ужъ человѣкъ рѣшился простить такое искаженіе природы, какъ оскопленіе, то нѣтъ ничего, что бы онъ не простилъ. Скопцы довольно жестоки. Въ Румыніи я знаю случай, когда скопецъ отецъ заманилъ обманомъ родного сына на тайное собраніе и тамъ оскопилъ его, несмотря на его протесты. У сына была невѣста, которую онъ сильно любилъ.

Скопцамъ удалось затушить это дѣло, хотя стоило оно очень недешево. Вообще это самая изувѣрная секта, которую я знаю, и надо сказать, что она внушаетъ отвращеніе даже своимъ. Рѣдкій скопецъ не сожалѣетъ горько о томъ, когда онъ рѣшился на этотъ шагъ. Много молодыхъ скопцовъ признавались мнѣ, что они раскаиваются и рады бы вернуть ту минуту, когда они рѣшились, и ни за что бы не повторили эту ошибку. Въ Олекмѣ одинъ скопецъ пригласилъ меня къ себѣ... Меня предупреждали (положимъ, шутя), чтобы я не ходилъ и что бывали случаи насильственнаго оскопленія. Но я этому не повѣрилъ. Къ тому же наша хозяйка сказала:

— Ступайте, ступайте, Владиміръ Галактіоновичъ, такой-то (она назвала хозяина) человѣкъ хорошій и этого себѣ не позволитъ. Къ тому же вы идете при всѣхъ.

Я пошелъ.

Былъ поздній, прекрасный зимній вечеръ, когда я приблизился къ дому скопца. Я постучалъ. Внутри двора гулко раздался мой стукъ. Залаяли собаки. Внутри началось какое-то движеніе и шумъ... Я пожалѣлъ, что не условился точнѣе. Мнѣ пришлось ждать довольно долго. Наконецъ, раздались послѣдовательные звуки, приближавшіеся къ двери...

— Кто тутъ? — спросилъ женскій голосъ.

— Политическій... по приглашенію хозяина.

Послышался женскій шопотъ.

— Пожалуйте. — Вслѣдъ за тѣмъ раздался звукъ отодвигаемаго засова.

Я вошелъ. Во второй комнатѣ меня встрѣтилъ хозяинъ, веселый старикъ, несмотря на скопчество, съ живыми движеніями.

— А, знаемъ... Самоварчикъ намъ скорѣе. А я ужъ думалъ, вы не придете. Насъ боятся, въ особенности въ вечернее время.

Въ квартирѣ было тихо. Черезъ нѣкоторое время женщина внесла самоваръ. Войдя, она истово поклонилась. Въ это время хозяинъ занималъ меня разговоромъ. Онъ показывалъ мнѣ гравюру съ этикеткой Дагіаро. Она была довольно любопытной. Какой-то царь, повидимому Александръ Благословенный, лежалъ на ложѣ, собираясь, повидимому, приподняться. День былъ свѣтлый, какой-то полкъ стоялъ, го-

товый его встрѣтить: солдаты были выстроены вдоль стѣны съ стеклянной рѣшеткой. Верховные начальники, — къ сожалѣнію, я не могъ назвать ни одного имени, — бѣжали къ царю съ полной готовностью его встрѣтить.

Это была, очевидно, одна изъ легендъ, которыми такъ щедро окружили смерть Александра I, и впослѣдствіи нашедшихъ отраженіе въ извѣстномъ сказаніи о старцѣ, окончившемъ жизнь въ Сибири, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Толстой, впрочемъ, одно время придавалъ этой легендѣ извѣстное значеніе.

— Воскресеніе Александра Благословеннаго, —пояснилъ хозяинъ.

Я не счелъ нужнымъ увѣрять, что Александръ I никогда не воскресалъ. Разговоръ у насъ шелъ вполголоса: хозяинъ, повидимому, считалъ нужнымъ вести его такимъ образомъ изъ какой-то предосторожности. Я подчинялся общему тону, къ сожалѣнію, и не счелъ нужнымъ записать тотчасъ по приходѣ домой подробности этого разговора, на свою память я понадѣялся напрасно, и многое исчезло. А многое было любопытно. Начать съ того, что у скопцовъ вся новѣйшая исторія совершенно фантастическая. Начиная съ Пугачева (котораго они не считаютъ самозванцемъ), и продолжая Александромъ Благословеннымъ, — они считаютъ нужнымъ понижать голосъ, когда говорятъ объ этихъ царяхъ и вообще говорятъ особымъ тономъ, и

при томъ такъ, какъ будто допускаютъ, что и вы тоже вмѣстѣ съ ними вѣрите въ эту фантасмагорію. Отчасти, положимъ, это объясняется особымъ тономъ, которымъ интеллигентные люди часто говорятъ съ низшими по развитію, тономъ снисходительнымъ, не считая нужнымъ спорить.

Каковы были бы настоящія отношенія между скопцами и политическими, если бы не преслѣдованія за убѣжденія, сказать трудно. Для многихъ недоразумѣній мѣста бы не было. Тогда же всякій скопецъ впередъ предполагалъ, что мы союзники. И несмотря на то, что всякій изъ насъ въ глубинѣ души питалъ отвращеніе къ этому явленію, — правительство дѣлало насъ союзниками.

Надо сказать, что это явленіе было исключительное, и ни одинъ изъ насъ не могъ относиться къ нему равнодушно. Вспомнить хотя бы оскопленіе нашей хозяйки. Въ самой Олекмѣ былъ также трагическій примѣръ оскопленія. Юноша полюбилъ молодую дѣвушку, и она полюбила его. Любовь была искренняя и горячая, а между тѣмъ юноша былъ подвергнутъ оскопленію. Ихъ исторію разсказывала мнѣ наша кроткая скопчиха. При этой трагедіи присутствовалъ священникъ, человѣкъ, очевидно, съ душой доступной истинно-трагическому. Священникъ нашелъ исходъ изъ неразрѣшимаго положенія. Онъ благословилъ союзъ не какъ бракъ, разумѣется, но какъ союзъ, изъ котораго они сдѣлаютъ, что

смогутъ. Такова была жестокость скопцовъ. Нельзя простить тѣхъ, кто при такихъ условіяхъ оскопляетъ.

Долженъ прибавить, что мой хозяинъ находилъ возможнымъ отпускать двусмысленныя шуточки. Онѣ были довольно невинныя, но все-таки производили отвратительное впечатлѣніе.

Наконецъ, этотъ вечеръ кончился, и я вышелъ изъ гостепріимнаго дома скопца. Признаться, я вздохнулъ свободно, когда, наконецъ, очутился на улицѣ. Я невольно оглянулся. Вдоль улицы вѣялъ свѣжій вѣтеръ, развѣвая свѣжими дуновеніями затхлыя впечатлѣнія, которыя я уносилъ отъ моего хозяина, съ его разсказами, сдобренными скопческими двусмысленностями. Пока мы шли вдоль слободской улицы, передо мной носились впечатлѣнія то отъ наивныхъ легендъ, то отъ хозяина, то отъ искаженныхъ женскихъ образовъ...

XXVII.

КИРЕНСКЪ.

Въ первыхъ числахъ ноября мы прибыли въ Киренскъ.

У меня тутъ были знакомые, которые пригласили меня заѣхать къ нимъ. Это были Джабадари съ женою и Циціановъ. Я принялъ это приглашеніе и впослѣдствіи раскаялся, такъ

какъ въ началѣ былъ рѣшительно изолированъ отъ всей остальной компаніи. Джабадари и Ольга Любатовичъ на мои вопросы о ссыльныхъ отвѣтили, что народъ это не заслуживающій вниманія, и что я напрасно намѣренъ познакомиться съ ними. Я, наоборотъ, слышалъ, что среди мѣстныхъ ссыльныхъ есть много людей интересныхъ и симпатичныхъ. Въ иркутскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ я познакомился съ Джабадари, онъ показался мнѣ, что называется, рубахой парнемъ, задушевнымъ и хорошимъ товарищемъ. Таковы же были отзывы о немъ и другихъ товарищей. Ольга Любатовичъ принадлежала къ другому типу: она была рѣзка и требовательна, и всюду у нея выходили съ товарищами столкновенія. Ольга Любатовичъ оказалась сильнѣе мужа, и этимъ объяснялась его перемѣна. Отношенія ихъ съ остальными ссыльными особенно обострились изъ-за затѣяннаго Джабадари побѣга, такъ какъ они требовали отъ остальныхъ ссыльныхъ, чтобы за ними было признано нѣкоторое преимущество, безъ всякихъ къ тому основаній. Изъ-за этого вышла ссора и изъ-за этого я оказался въ изолированномъ положеніи въ киренской ссылкѣ.

Я скоро отъ этого положенія избавился, рѣшительно заявивъ, что я не намѣренъ быть удаленнымъ отъ остальныхъ товарищей, и сталъ посѣщать ихъ. Ромась и Кобылянскій уже раньше получили приглашеніе и поселились отдѣльно отъ меня. Я сталъ ходить всюду и не пожалѣлъ объ этомъ.

Я пріобрѣлъ знакомство съ Лянды и съ его женой, съ сестрой его жены, Леонардой Левандовской, съ Н. В. Аронскимъ и многими другими.

Читатель, вѣроятно, помнитъ главу о Вышневолоцкой политической тюрьмѣ. Тамъ есть эпизодъ о рабочемъ Шихановѣ и его восторженныхъ отзывахъ о рабочемъ Обручевѣ, сосланномъ именно въ Киренскъ. Онъ продѣлалъ исторію героя Достоевскаго, — убилъ или намѣревался убить богатую старуху для революціонныхъ цѣлей. Когда объ этомъ узнали товарищи, то отшатнулись отъ него, и онъ потонулъ въ сѣрой арестантской массѣ. Такъ кончился эпизодъ объ «истинно практичномъ» рабочемъ Обручевѣ.

Среди остальной ссыльной братіи выдающимся былъ Панкратьевъ. Къ сожалѣнію, я познакомился съ нимъ уже впослѣдствіи. Въ это время онъ былъ въ командировкѣ отъ мѣстнаго захудалаго монастыря въ Иркутскъ. Впослѣдствіи онъ мнѣ разсказывалъ юмористическіе эпизоды его монастырской службы; между прочимъ, его вниманіе обратилъ вкусъ подаваемой въ этомъ монастырѣ ухи. Когда онъ спросилъ, каковъ секретъ этого рецепта, то завѣдующій поварней отвѣтилъ: «на мясной ухѣ варимъ».

Были здѣсь еще Свистуновъ, Микитьянъ, Геллисъ (братъ каторжанина), Пылаевъ, распропагандированный въ тюрьмѣ и уже въ качествѣ политическаго попавшій въ ссылку. Все это были люди полуинтеллигентные, единственное исключеніе составляла семья Лянды. Онъ былъ

польскій еврей, патріотъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Его жена, урожденная Левандовская, тоже вполнѣ интеллигентная женщина и порядочная музыкантша. Познакомился я здѣсь со старой радикалкой Поповой.

Была здѣсь также группа такъ называемыхъ нечаевцевъ. Повидимому, къ намъ въ Якутскую область они попали позже. Аренскій характеризовалъ ихъ, какъ мало развитыхъ субъектовъ, которые не смѣшивались съ остальными.

Въ 1882—83 году ссыльное населеніе Киренска стало возрастать. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ были М. П. Сажинъ (Россъ), Е. Н. Фигнеръ (впослѣдствіи жена Сажина), польскій писатель Шиманскій (впослѣдствіи переведенный въ Якутскъ) и выдающійся дѣятель возрожденной Польши Пильсудскій. Я посѣтилъ Сажина и возобновилъ знакомство, которое началось еще въ Иркутскѣ и которое впослѣдствіи перешло въ близкія товарищескія отношенія.

Уже послѣ моего проѣзда, среди ссыльныхъ появился Циціановъ. Появленіе это было довольно неожиданно, такъ какъ онъ, такъ же, какъ и Джабадари, не скупился на враждебныя выходки противъ товарищей... Ссыльные, разумѣется, не отказали ему въ пріютѣ на общемъ основаніи. При этомъ его не разспрашивали о причинахъ, заставившихъ его разстаться съ Джабадари. Полагали, что Циціановъ, какъ спутникъ предполагавшагося побѣга, сталъ стѣснять Джа-

бадари. А, впрочемъ, причина могла быть и другая. Джабадари могли раньше замѣтить признаки начинающагося умственнаго разстройства у Циціанова и не захотѣли пускаться въ опасное путешествіе съ сумасшедшимъ. Первое время онъ оставался угрюмымъ и необщительнымъ, а затѣмъ сталъ обнаруживать ненормальную возбужденность. У него явилась какая-то теорія путемъ скрещиванія создать особую породу среднюю между кошкой и собакой. Закончилось это тѣмъ, что Циціановъ впалъ въ буйное помѣшательство, попалъ въ домъ умалишенныхъ и однажды оказался мертвымъ. Ссыльные потребовали разслѣдованія, но никакихъ наружныхъ знаковъ насилія не было найдено.

Впослѣдствіи Джабадари бѣжалъ. Это было значительно позже моего проѣзда. Онъ склонилъ было бѣжать съ собой одного полицейскаго. Но тотъ впослѣдствіи раскаялся и, когда Джабадари дѣйствительно бѣжалъ, отправился за нимъ въ погоню, догналъ его гдѣ-то далеко и доставилъ на мѣсто... Джабадари отдѣлался очень легко. Ему удалось убѣдить слѣдственную власть, что у него было въ виду только повидаться съ родными.

Вскорѣ мы распрощались съ Киренской ссылкой, распрощались съ ссыльной братіей и отправились дальше къ Верхоленску. Помню свѣтлый день, когда мы выѣхали изъ Киренска, и веселаго ямщика, а также его своеобразные разсказы о киренской ссылкѣ и начальствѣ.

XXVIII.

ВЕРХОЛЕНСКЪ.

Слѣдующая остановка была въ Верхоленскѣ. Это захудалый городишко, и въ моихъ воспоминаніяхъ остался только разсказъ о побѣгѣ Сыцянко.

Сыцянко былъ сынъ харьковскаго профессора. Судился вмѣстѣ съ отцомъ. Отецъ былъ оправданъ, сынъ попалъ въ Верхоленскъ. Отсюда онъ затѣялъ побѣгъ, для этого сошелся съ кавказцемъ, и этотъ эпизодъ можно назвать эпизодомъ о кавказской вѣрности. Сыцянко былъ самъ по себѣ очень располагающій юноша и кавказецъ привязался къ нему на жизнь и на смерть... Что касается Сыцянко, то онъ скоро увидѣлъ, что со спутникомъ надо держать ухо востро.

Начать съ того, что у Сыцянко не было паспорта и это доставляло бѣглецамъ много заботъ.

Однажды на Ленѣ появилась лодочка. Въ лодочкѣ плылъ человѣкъ, повидимому возвращавшійся съ пріисковъ. Кавказецъ сразу сообразилъ, что это именно то, что нужно. Не успѣлъ Сыцянко оглянуться, какъ пріискатель уже былъ на прицѣлѣ подъ мѣткимъ выстрѣломъ. Сыцянко успѣлъ помѣшать, чѣмъ кавказецъ былъ очень удивленъ: нуженъ паспортъ, онъ самъ плыветъ подъ выстрѣлъ, а другъ мѣшаетъ.

Въ другой разъ Сыцянко попалъ въ станочную кутузку, онъ былъ не такъ ловокъ, попался легче, чѣмъ кавказецъ. Сыцянко сидитъ въ станочной кутузкѣ; вдругъ онъ слышитъ, — на станкѣ тревога. Вѣрный другъ является вооруженный съ ногъ до головы, даже въ зубахъ у него два кинжала. Одинъ онъ даетъ Сыцянко, другой беретъ себѣ и предлагаетъ Сыцянко напасть на караульнаго. Очевидно, караульный зазѣвался. Ударъ — другой кинжаломъ и — свобода. Но у Сыцянко была другая мораль, чѣмъ у его пріятеля. Онъ не рѣшился напасть и остался подъ карауломъ. Такъ какъ станочники уже сбѣжались въ большомъ числѣ, то вѣрному другу пришлось убѣгать одному, что онъ и сдѣлалъ. Эту исторію очень юмористически мнѣ разсказывалъ въ Верхоленскѣ самъ Сыцянко.

Въ Верхоленскѣ была цѣлая колонія ссыльныхъ. Изъ нихъ я помню теперешнюю Конъ (теперь жена Феликса Кона).

Пробыли мы въ Верхоленскѣ не долго и вскорѣ тронулись дальше.

Мнѣ приходится еще отмѣтить нѣсколько эпизодовъ, безъ которыхъ колоритъ путешествія былъ бы не полонъ.

Въ одномъ мѣстѣ меня разбудилъ ямщикъ... «Медвѣдь», — сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ. У одного изъ насъ былъ револьверъ. Товарищи спали, разбудить ихъ требовалось время. Лошади рвались. Медвѣдь сидѣлъ на обрѣзѣ

горы, рисуясь на свѣтломъ небѣ силуэтомъ; очевидно, медвѣдю стоило труда спуститься внизъ. У него былъ явный расчетъ испугать лошадей, онѣ понесутъ, при этомъ можетъ случиться поломка, можетъ кто-нибудь выпасть. Видя, что съ револьверомъ дѣло долгое, ямщикъ подобрался и крикнулъ дикимъ голосомъ на лошадей. Лошади того и ждали. Онѣ сразу взяли съ мѣста. Береговая галька затрещала подъ санями, и мы пронеслись мимо. Берегъ былъ ровенъ, медвѣдю жалко было разставаться съ добычей, и онъ глухо зарычалъ.

— Счастливо отдѣлались, — сказалъ ямщикъ, когда мы отъѣхали на порядочное разстояніе. — Ишь, подлецъ, на что у него расчетъ!

Силуэтъ медвѣдя еще долго рисовался на свѣтломъ небѣ по прямому плесу.

Нѣсколько разъ мы попадали въ стаи волковъ. Тогда ямщикъ разгонялъ лошадей и съ гиканьемъ и свистомъ врѣзался въ стаю, что, повидимому, было менѣе опасно. Волки пробѣгали такъ близко, что можно было тронуть шерсть. Но мы не рѣшались сдѣлать опасный опытъ.

Такъ мы миновали Киренскъ и Верхоленскъ и приблизились къ Иркутску. Мы ночевали на Скокинской станціи. Здѣсь шла гульба. «Помочишку» составили, — лодки вырубать на террасу.

Меня особенно поразила совершенно пьяная прелестная дѣвочка лѣтъ десяти.

— Кто тебя привезъ?—спрашиваютъ старшіе.

— Сама пришла.

— Десять-то верстъ, хлопаешь зря.

— Кто тебя угощалъ?

— Матушка.

— А кто подносилъ?

— Да кто подносилъ, матушка и подносила.

Ее разспрашиваютъ, находя, повидимому, естественнымъ явленіемъ пьяную дѣвочку. Мы вмѣшиваемся съ осужденіемъ подобныхъ угощеній водкой ребенка, находя, что это вредно. Кое-кто съ нами соглашается, но большинство противорѣчитъ: мать должна угостить родную дочь какъ можно лучше, а лучше водки не найдешь.

— А мнѣ-ка чего не пить? — говоритъ ребенокъ, — даровое подносятъ.

Глаза дѣвочки потускнѣли, подвелись синевой, круглое прелестное личико осунулось . . .

— Шапку потерялъ, — вваливается въ избу пьяный забочъ.

— А какова шапка-то?

— Шоболья (соболья).

— Ну, шоболья, такъ ужъ пропала.

И разговоръ переходитъ съ дѣвочки на соболью шапку.

— Народецъ у насъ! — говоритъ забочъ, высовывая на подымавшуюся мятель сѣдую голову.

Когда мы перевалили горы, и передъ нами открылся широкій горизонтъ,нами овладѣло бѣшеное веселье. Болѣе всѣхъ смѣялся Кобылянскій, меньше Ромась, я занималъ середину.

Въ одномъ мѣстѣ ямщикъ указалъ намъ крестъ, мелькавшій среди деревьевъ. Я заинтересовался этимъ памятникомъ и вышелъ съ ямщикомъ, остановивъ смирныхъ лошадей. Ямщикъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію. Былъ въ этомъ мѣстѣ удалой ямщикъ, который отбилъ нѣсколько разъ сѣдоковъ отъ разбойниковъ. Разбойники сдѣлали засаду и убили его. Начальство и купцы, изъ которыхъ многихъ онъ спасъ, сложились и сдѣлали ему памятникъ. Ночь была свѣтлая, надъ крестомъ склонялись деревья и на немъ мелькали лунные отсвѣты. Этотъ памятникъ и разсказъ ямщика произвели на меня особенное впечатлѣніе, и я долго находился подъ его вліяніемъ.

Наконецъ, мы спустились и повернули къ Ангарѣ. Это была послѣдняя станція передъ Иркутскомъ. Здѣсь мы застали проводы Анучина, было много начальства ... Передавали, что Анучина (бывшаго генералъ-губернаторомъ) убираютъ вслѣдствіе высочайшаго неудовольствія. Онъ утвердилъ смертный приговоръ Неустроеву, предпочелъ месть, несмотря на то, что ему дано было право помилованія Александромъ III съ явной надеждой на то, что онъ не утвердитъ приговоръ. Исторія была слѣдующая: Неустроевъ былъ молодой человѣкъ, учитель, служилъ въ Иркутскѣ.

Случилось ему быть арестованнымъ по какимъ-то пустякамъ. Онъ сидѣлъ въ своей камерѣ и игралъ въ шахматы съ товарищами въ то время, когда тюрьму посѣтилъ генералъ-губернаторъ. Подойдя къ камерѣ, онъ остановился у порога и поманилъ Неустроева пальцемъ. Неустроевъ сначала не понялъ, къ кому относится этотъ жестъ; говорятъ, онъ въ недоумѣніи оглянулся. Но генералъ-губернаторъ повторилъ жестъ. Неустроевъ подошелъ. «Какъ вамъ не стыдно смѣшиваться съ шайкой негодяевъ?» (или нѣчто въ этомъ родѣ). Едва раздались эти слова, въ отвѣтъ имъ грянула пощечина. Таково было дѣло Неустроева. Онъ былъ казненъ. Въ Иркутскѣ вообще утвержденіе приговора произвело неблагопріятное впечатлѣніе даже на чиновниковъ, что и сказалось въ возникновеніи легенды, сопровождавшей отъѣздъ Анучина. Это былъ актъ не управленія, а мести.

Наконецъ, мы были въ Иркутскѣ, и намъ предстоялъ выѣздъ оттуда. Здѣсь все еще было полно Анучинымъ, въ томъ числѣ присутственныя мѣста и ихъ порядки.

Наша компанія, съ которой мы пріѣхали изъ Якутска, разстраивалась. У Ромася въ Иркутскѣ были друзья. Предстояло составить новую компанію. Къ этой компаніи примкнулъ очень интересный человѣкъ, львовскій профессоръ Богдановичъ, о которомъ львовское начальство вело съ Иркутскомъ переговоры, что выдѣляло его изъ числа остальныхъ ссылаемыхъ. Польскій кру-

якокъ въ Иркутскѣ принималъ въ немъ большое участіе, въ томъ числѣ Рыхлинскій, съ которымъ мы дружески встрѣтились и у котораго я встрѣтилъ стараго якутскаго пріятеля Ананія Семеновича Орлова. Еще въ Якутской области о Богдановичѣ ходили оригинальные разсказы, которые я передавалъ, хотя и вкратцѣ, со словъ его товарища Зубрилова. Разсказывали, напримѣръ, что онъ купилъ лошадь, назначенную на общественный пиръ. Лошадь сначала покупаютъ подъ пѣсни, затѣмъ самыя отвратительныя старухи начинаютъ насмѣхаться надъ нею, изображая участь, которая ее ожидаетъ. Понявъ эту пѣсню, Богдановичъ купилъ эту лошадь въ собственность и взялъ ее себѣ въ юрту, за что ему приходилось приплачивать особо. Кромѣ того, онъ водилъ ее гулять, находя, что для нея полезенъ моціонъ. Напрасно якуты старались внушить чудаку, что если ужъ такъ необходимъ лошади моціонъ (Богдановичъ былъ превосходный наѣздникъ), то онъ можетъ кататься на ней часъ или два, вмѣсто того, чтобы водить ее. Но онъ на это не соглашался, находя, что жестоко ѣздить на больной лошади. Якуты относились къ этимъ чудачествамъ съ тѣмъ полумистическимъ изумленіемъ, съ какимъ простой человѣкъ относится къ человѣку немного тронутому, но непонятному, т.-е. съ глубочайшимъ уваженіемъ.

Разъ только мнѣ пришлось слышать о Богдановичѣ отзывъ, проникнутый враждой. Это было на одной изъ станцій между Якутскомъ и

Иркутскомъ. Въ разговорѣ со смотрителемъ я замѣтилъ, что Богдановичъ личность глубоко оригинальная.

— Ну, не пожелаю и врагу такой оригинальности, — возразилъ онъ и въ дальнѣйшія объясненія вступить не пожелалъ. Глубоко заинтересованый, я разспросилъ самого Богдановича, когда долгими ночами ѣхали съ нимъ, сидя на облучкѣ, рядомъ съ ямщикомъ. Онъ усмѣхнулся.

— Это, должно быть, на N станціи. Это, видите-ли... Особая исторія... Разговорились мы. Онъ и говоритъ: какъ это, профессоръ, вы позволили себѣ смѣшаться съ такой дрянью? Навѣрное въ послѣдній разъ, болѣе васъ не заманишь... Я и говорю: знаете что, я человѣкъ не горячій. Иной горячій человѣкъ могъ бы васъ оскорбить по лицу.

Очевидно, несмотря на своеобразный языкъ, а можетъ быть именно благодаря ему, смотритель не могъ простить Богдановичу этого «оскорбить по лицу». Помню его сухой тонъ будущаго почтоваго бюрократа.

Компанія наша составилась слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, профессоръ Богдановичъ, я, Кобылянскій, кавказецъ Ардасеновъ, больной, кажется, Верцинскій, требовавшій особаго ухода, и подкинутый намъ какой-то канцеляріей, навѣрное за взятку, въ качествѣ сопровождающаго Верцинскаго, какой-то еврей. Этотъ господинъ сразу присвоилъ себѣ привилегированное положеніе, онъ занялъ лучшее мѣсто, стѣснивъ боль-

ного. Я протестовалъ, но это не привело ни къ чему. Проѣхавъ нѣсколько станцій, я, наконецъ, потерялъ терпѣніе. У меня была отличная подушка, которую я предоставилъ больному. Привилегированный сѣдокъ сталъ захватывать ее себѣ. Замѣтивъ это, я, во-первыхъ, унесъ ее къ себѣ, во-вторыхъ, объявилъ, что я дворянинъ и на этомъ основаніи могу такъ же, какъ любой торговецъ, служить поручителемъ, что я беру на себя ручательство за доставку больного передъ начальствомъ, а онъ какъ хочетъ. Если ямщики повезутъ его дальше, это ихъ дѣло, но мы рѣшительно заявляемъ, что это насъ не касается. Къ моему удивленію, это подѣйствовало, и нашъ диктаторъ смирился. Положимъ, онъ занималъ по-прежнему лучшее мѣсто, но мы не настаивали на полномъ освобожденіи. Такъ мы и ѣхали дальше: привилегированный сѣдокъ съ частью своихъ привилегій, мы же съ частью своихъ завоеваній.

Ночи были лунныя, осеннія. Порой пробѣгали волчьи стаи. Помню великолѣпную лунную ночь. Собаки окружали кружкомъ огромнаго волка. Онъ стоялъ и выль, созывая остальныхъ... Мы проѣхали мимо, не дожидаясь, чѣмъ кончится это великолѣпное зрѣлище.

Разъ у насъ съ облучка свалился Кобылянскій, и мы не сразу это замѣтили. Если бы пробѣжала въ это время стая волковъ, неизвѣстно, что стало бы съ нашимъ Кобылянскимъ.

Намъ предстояло проѣхать черезъ значительный сибирскій городъ Красноярскъ. На пути къ нему лежалъ Маріинскъ, гдѣ у меня былъ знакомый С. П. Швецовъ. Когда-то юношей, сидя въ тюрьмѣ, онъ прогналъ изъ своей камеры великаго князя Михаила Николаевича. Маріинскъ торгово-промышленный городъ, и здѣсь въ статистикѣ онъ нашелъ работу, которая впослѣдствіи составила ему замѣтное имя. Повидавшись съ нимъ, я тронулся дальше къ Красноярску.

Въ Красноярскѣ у меня жили родные (теперь умершіе) мать, сестра и зять. Здѣсь у меня было довольно деликатное дѣло. Читатель припомнитъ, вѣроятно, Вѣру Павловну Рогачеву. Она разошлась съ мужемъ и поручила мнѣ взять ребенка отъ женщины, которой она отдала его на воспитаніе, и привезти къ ней. Къ сожалѣнію, дѣло это оказалось не такимъ легкимъ, какъ мнѣ казалось первоначально. Ребенокъ перенесъ множество болѣзней, пріемная мать привязалась къ нему, какъ родная. У насъ въ Красноярскѣ происходили съ Богдановичемъ горячіе споры. Онъ, какъ настоящій романтикъ, стоялъ за то, что никто не вправѣ вмѣшиваться въ права природы. Я же считалъ, что мать, уступающая добровольно ребенка другому вмѣстѣ съ болѣзнями, которыя требуютъ значительныхъ заботъ, уступаетъ и права. И пріемная мать и мальчикъ, зная, какія у меня права, со страхомъ смотрѣли на меня, пока я не выяснилъ свою точку зрѣнія. Тогда оба перемѣнили отношеніе ко мнѣ, и я пріобрѣлъ

въ нихъ двухъ друзей. Разстались мы очень хорошо.

Изъ Красноярска мы выѣхали съ попутчикомъ, сослуживцемъ моего зятя. Я полюбовался тюремнымъ замкомъ, въ которомъ когда-то сидѣлъ подъ начальствомъ Ржевскаго.

Мы приближались къ Томску, т.-е. къ культурнымъ предѣламъ Сибири. Въ Томскѣ было въ то время двѣ либеральныхъ газеты. Одну изъ нихъ издавалъ Коршъ, работавшій раньше въ Славянской книгопечатнѣ у И. В. Вернадскаго. Онъ напечаталъ когда-то письмо Засуличъ, надѣлавшее много шуму. Этотъ самый Коршъ совершилъ легкомысленную растрату, былъ судимъ и сосланъ въ Томскъ. Его отецъ поддержалъ его въ его профессіи, и такимъ образомъ въ Томскѣ появилась новая либеральная газета. Другой газетой, также либеральной, руководилъ Феликсъ Вадимовичъ Волховской.

Проѣздомъ черезъ Казань я повидался съ Анненскими, которые тамъ жили втроемъ: Николай Федоровичъ, Александра Никитишна и ихъ племянница. Они тоже не мало пространствовали въ ссылкѣ. Анненскій занималъ должность завѣдующаго статистикой (она входила тогда въ моду). У Анненскаго выходили уже неудовольствія, приведшія къ тому, что ему пришлось впослѣдствіи разстаться съ Казанью. Онъ былъ все такой же веселый, она все такая же солидная. Мы встрѣтились очень дружески.

Въ Казани же жилъ братъ мой съ группой студентовъ, среди которыхъ былъ глазовецъ Чарушниковъ.

Анненскій снабдилъ меня письмомъ къ Гацискому, жившему въ Нижнемъ-Новгородѣ, и, пробывъ всего одинъ день въ Казани, мы тронулись дальше вверхъ по Волгѣ. Всю ночь мимо насъ мелькали сумрачныя горы... Подъ утро я увидалъ, что находимся на въѣздѣ. Въ уровень съ водой большими буквами было написано: «Чаль за кольца, рѣшотку береги, стѣны не касайся»... Это былъ Нижній.

Мы поднялись по въѣзду и остановились у громаднаго зданія — противъ рѣки, которая лежала еще въ сумракѣ. На ней стояли зазимовавшіе баржи и пароходы. Это оказалась гостиница, въ которой мы и остановились. Зданіе было почти пустое. Съ рѣки доносились порой сторожевые крики.

На слѣдующій день я пошелъ познакомиться съ городомъ. Онъ расположенъ по горамъ и очень своеобразенъ. Намъ надо было озаботиться выпиской родныхъ, для чего было рѣшено, что поѣду я.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ рано по утру. Мнѣ совѣтовали, чтобы я прямо съ вокзала проѣхалъ въ градоначальство. Я такъ и сдѣлалъ. Здѣсь я засталъ характерную сцену. Просители, какіе-то извѣстные богачи евреи, ходатайствовали, чтобы имъ было разрѣшено остаться на нѣсколько дней въ Петербургѣ. Градоначальникъ

рѣзко возражалъ, при чемъ я слышалъ: «Народъ эксплоатировать». Я ждалъ, что меня градоначальникъ тоже приметъ рѣзко... Но оказалось наоборотъ. Я былъ принятъ любезно, онъ согласился на всѣ мои просьбы и разрѣшилъ мнѣ пробыть въ Петербургѣ «сколько мнѣ угодно». Я задумался объ этой перемѣнѣ, и мнѣ вспомнился глазовскій способъ разрѣшенія еврейскаго вопроса.

Въ тотъ же день я былъ на квартирѣ Никитина (фамилія зятя). Ко мнѣ и къ зятю собрались знакомые, и мы начали обдумывать отъѣздъ.

Черезъ нѣсколько дней мы выѣхали и черезъ сутки были въ Москвѣ. Авдотья Семеновна Ивановская насъ встрѣтила по старому на вокзалѣ, и мы отправились вмѣстѣ на Нижегородскій вокзалъ, но по пути остановились на Садовой въ гостиницѣ. Хозяева и прислуга, зная, что мы возвращаемся изъ ссылки, держали себя очень любезно, что насъ прямо поразило. Замѣтна была прямо перемѣна въ настроеніи.

Я заѣхалъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» и узналъ, что мой «Сонъ Макара» принятъ. Тамъ я познакомился съ редакторомъ, Вуколомъ Михайловичемъ Лавровымъ; замѣтно въ немъ было купеческое происхожденіе, онъ былъ очень добродушенъ и полный. Второй редакторъ, Гольцевъ, сразу кидался въ глаза лукавствомъ и былъ человѣкъ хитрый. Былъ еще третій членъ редакціонной коллегіи Ремезовъ. Этотъ послѣдній былъ Вуколу Михайловичу подсунутъ цензур-

пымъ вѣдомствомъ, которое согласилось утвердить Лаврова редакторомъ лишь на томъ условіи, чтобы членъ цензуры Ремезовъ былъ третьимъ редакторомъ. Лавровъ согласился.

Такимъ образомъ мои литературныя дѣла были устроены, и, отправляясь на Нижегородскій вокзалъ, я могъ считать мою литературную карьеру начатой. Мы весело отправились на вокзалъ, кстати и день былъ зимній, но радостно яркій. Авдотья Семеновна Ивановская проѣхала съ нами двѣ станціи и вернулась въ Москву.

На слѣдующій день мы были въ виду Нижегородскихъ горъ. Вотъ и такъ называемый Похвалинскій съѣздъ. Мы переправились черезъ Волгу и весело поднялись на горы. Я ѣхалъ съ матерью. Она разсматривала новое мѣстожительство. Только въ одномъ мѣстѣ ея лицо омрачилось. Передъ нами была Варварка, прямая улица, завершавшаяся тюрьмой.

— Опять! — сказала мать.

— Ничего, — возразилъ я. И дѣйствительно, казалось бы, «ничего». Я только что пріѣхалъ въ новое мѣсто. Еще ничего не успѣлъ сдѣлать не только предосудительнаго, но и вообще ничего.

Весело водворились мы на новой квартирѣ, — скромной и даже очень скромной, состоявшей изъ одной комнаты, перегороженной пополамъ, и зажили по возможности весело. Сразу пріобрѣли знакомство, разумѣется, среди неблагонадежныхъ, сходили въ публичную библіотеку и такъ далѣе.

А между тѣмъ моя таинственная неблагонадежность уже дѣйствовала, и ея послѣдствія уже готовились.

И вотъ въ одинъ, нельзя сказать, чтобы прекрасный, вечеръ ко мнѣ нагрянула полиція... Перепугали семейныхъ.

Мать была страшно удивлена, да и я также. Меня перетащили въ тюрьму, благо было близко. Тюрьма была полна. Недавно здѣсь въ ярмарку разразились анти-еврейскіе безпорядки, было нѣсколько убитыхъ. Это былъ результатъ новой анти-еврейской «политики», закончившейся уже въ наши дни «дѣломъ Бейлиса». Мнѣ сразу пришлось наткнуться на страшный холодъ, противъ котораго я запротестовалъ, такъ что мнѣ пришлось вступить въ конфликтъ съ тюремнымъ начальствомъ.

Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ въ камеру перевели какого-то нечестивца изъ анти-евреевъ. Я протестовалъ и противъ этого. Нечестивецъ отправился въ холодное помѣщеніе, а я въ теплое.

На слѣдующій день я съ нимъ увидѣлся на прогулкѣ. Это былъ человѣкъ очень добродушный, не питавшій противъ меня никакого неудовольствія. Онъ разсказалъ мнѣ, что оправдали только тѣхъ, кто имѣлъ возможность выписать «Правыку» (такъ очевидно перефразировалась фамилія Плевако). Онъ не имѣлъ этой возможности и долженъ итти на каторгу. На слѣдующій день я написалъ массу протестовъ и потребовалъ

прокурора, но это не подѣйствовало. И мнѣ пришлось еще два дня или три прогуливаться съ моимъ «правыкой».

Наконецъ, меня повезли обратно въ Москву и дальше въ Петербургъ. Всюду, гдѣ я могъ, я протестовалъ, но на это не обращали вниманія: «Вотъ пріѣдете на мѣсто». Но мнѣ некогда было ждать пріѣзда на мѣсто, мнѣ вспомнилась мать, и я нервничалъ. Мнѣ вспоминается генералъ или полковникъ Середа и какъ онъ меня успокаивалъ: «Невиновны, такъ все это обнаружится». Но я по собственному опыту зналъ, какъ скоро это обнаруживается. Поэтому я протестовалъ вездѣ, гдѣ могъ.

Наконецъ, меня привезли въ Петербургъ и прямо въ предварительное заключеніе. Я подалъ еще одинъ протестъ и должно быть надоѣлъ, такъ что дѣло двинулось быстро.

Когда меня привезли въ Домъ предварительнаго заключенія, и за мной захлопнулась дверь, я остановился посрединѣ камеры и оглянулъ ея стѣны. — Вотъ я объѣхалъ почти вокругъ свѣта и очутился на томъ же мѣстѣ. Это доказываетъ, что Россія за это время не подвинулась ни на шагъ, несмотря на многочисленныя жертвы. Тѣ же дома предварительнаго заключенія, тѣ же жандармскія управленія, что и были . . . Чѣмъ же это кончится? . . .

Вдобавокъ, когда меня привезли и ввели въ жандармское управленіе, я тамъ засталъ того же штабъ-ротмистра Ножина, который арестовалъ

меня въ первый разъ. Когда я напомнилъ ему объ этомъ, онъ отвѣтилъ:

— Не припомню. — замѣтивъ, вѣроятно, въ голосѣ моемъ иронію.

Наконецъ, мнѣ предъявили обвиненіе. Это было письмо, написанное почеркомъ довольно похожимъ на мой, и поэтому я сразу не могъ отрицать, что письмо это писано не мной. Я потребовалъ предъявленія всего письма, и мнѣ его дали.

Въ немъ сообщались революціонныя похожденія какого-то юноши, который писалъ своей знакомой дѣвицѣ, что онъ въ своей поѣздкѣ по такому-то уѣзду покрылъ этотъ послѣдній сѣтью нелегальныхъ организацій и пр. Подпись была Вл. Корол.

— Это не вы писали? — спросилъ меня незнакомый господинъ, стоявшій сзади меня. (Я потомъ узналъ, что это былъ прокуроръ Котляревскій).

— Не я! — отвѣтилъ я сердито.

— Я такъ и зналъ, — сказалъ онъ, — и имъ говорилъ то же.

— Почему же вы это утверждали? — спросилъ я, заинтересованный категорическимъ заявленіемъ незнакомца.

— Видите ли, я читалъ вашу переписку съ Григорьевымъ, ну, а это письмо, согласитесь, слабо написано, зелено . . .

— И это не помѣшало вамъ притащить меня въ Домъ предварительнаго заключенія, сдѣлать у меня обыскъ, испугать семейныхъ.

Ножинъ былъ сконфуженъ, но сдался не сразу. Онъ потребовалъ, чтобы я формально отвѣтилъ на вопросы и написалъ, что письмо принадлежитъ не мнѣ. Такъ какъ дѣло было сшито бѣлыми нитками, то нужно было выполнить только нѣкоторыя формальности. Но меня, впредь до выполненія ихъ, снова препроводили въ Домъ предварительнаго заключенія. На этотъ разъ я вступалъ въ него въ другомъ настроеніи, чѣмъ раньше, и даже довольно весело.

Черезъ нѣсколько дней меня выпустили, обязавъ подпиской о невыѣздѣ.

Впослѣдствіи я узналъ, что авторомъ письма, за которое я привлекался, былъ Бурцевъ, который тогда, будучи еще гимназистомъ, начиналъ такимъ образомъ свою революціонную карьеру.

LR
K8467is

519757
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Исторія моего современника.
v.5
[Translit.: Istoriya moego sovremennika.]

NAME OF BORROWER

DATE

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITFD